

Международная Объединенная Академия Наук

ТЕНДЕНЦИИ РАЗВИТИЯ НАУКИ И ОБРАЗОВАНИЯ

Рецензируемый научный журнал

Май 2021 г.

НОМЕР 73

ЧАСТЬ 7

Самара 2021

УДК 001.1
ББК 60

T34

Рецензируемый научный журнал «Тенденции развития науки и образования». Май 2021 г. № 73, Часть 7 Изд. НИЦ «Л-Журнал», 2021. – 160 с.

DOI 10.18411/lj-05-2021-p7

В выпуске журнала собраны материалы из различных областей научных знаний.

Журнал предназначен для научных работников, преподавателей, аспирантов и студентов.

Все материалы, размещенные в журнале, опубликованы в авторском варианте. Редакция не вносила коррективы в научные статьи. Ответственность за информацию, размещенную в материалах на всеобщее обозрение, несут их авторы.

Информация об опубликованных статьях будет передана в систему ELIBRARY

Электронная версия журнала доступна на сайте научно-издательского центра «Л-Журнал». Сайт центра: ljournal.ru

УДК 001.1
ББК 60

<http://ljournal.ru>

Содержание

РАЗДЕЛ XXVII. ПЕДАГОГИКА	6
Федоткина Е.В., Дронова Н.А. Эффективные методы преподавания иностранных языков в технических вузах	6
Хачатрян Э.В. Организация наставнических сессий на основе технологии развития критического мышления с участием серебряных наставников.....	11
Цепелева Е.А. Формы устройства детей оставшихся без попечения родителей	15
Черкасов Р.В., Базаров Р.К. Пути развития познавательного интереса учащихся.....	18
Черкасов Р.В., Базаров Р.К. Значение материально-технического оснащения учебных мастерских в рамках предметной области «Технология».....	21
РАЗДЕЛ XXVIII. МЕНЕДЖМЕНТ И УПРАВЛЕНИЕ ОРГАНИЗАЦИЕЙ	26
Дорожкина Т.В., Маркевич Е.Е., Кучерявенко А.К. Особенности кадрового менеджмента в условиях реформы таможенных органов.....	26
Зеленина Т.Р. Корпоративная этика как основа организационной культуры	29
Козенко Ю.А., Козенко Т.Е. Правовое регулирование в сфере здравоохранения с применением технологий блокчейн-платформ	33
Одинцова М.А. Обзор инструментов конкурентной разведки	35
Эльбиева Л.Р. Планирование развития карьеры и современное креативное образование	39
Zhieru Y.S. Methodology for the validation of the credit scoring model of the retail portfolio	41
РАЗДЕЛ XXIX. ФИЛОЛОГИЯ И ЛИТЕРАТУРОВЕДЕНИЕ	45
Андиш И.Б. Особенности перевода топонимических единиц.....	45
Гафарова Г.И., Саньярова Р.Р. Репрезентация концепта «женщина» в башкирской языковой картине мира.....	47
Гейдарова Э.А. Роль метафоры в формировании языковой картины мира диалектоносителей.....	51
Демидова М.М. К проблеме передачи категории диминутивности при переводе с русского на английский язык.....	54
Клемпач О.А. Лингвистический анализ идиолектов жителей юго-запада Брянской области	59

Козлова Л.Н. Модели звеньев композиционно-речевых форм «описание» и «характеристика»	62
Кюрегян А.Л. Развитие парадигмы сложного предложения с временной предикативной единицей при настоящем времени в главной части на протяжении новоанглийского языка	65
Лисевская А.И., Титаренко Н.В. Трансформация падежей и склонений имени существительного от латинского до испанского языка (на материале «Cantar de mio Cid» XII)	69
Майборода Н.А., Кривошеева Е.И. Особенности перевода материалов клинических исследований противовирусных препаратов с японского на русский язык.....	74
Махрова М.М. Цифра и текст: особенности числового обозначения в русскоязычных инфографиках разных видов	77
Молчанова С.Е., Лысенко Н.А. Основные стилистические функции повтора в современных английском и немецком языках (на материале художественного стиля). 81	
Перевезенцева Ю.В. «Долой Христа», или Богоборческий мотив в сборнике «Ego sum qui sum» Александра Тинякова.....	87
Поштанова М.С., Овшиева Н.Л. Прагматика вербальной иронии в англоязычном коротком рассказе	90
Ревеко Л.С. Влияние синтаксических отношений на семантические сдвиги в предложении (на материале немецкого языка)	93
Самаева А.М. Основные характеристики понятия «концепт» в современной лингвокультурологии.....	96
Ситникова О.А. Некоторые особенности словообразования неологизмов в современном английском языке (на материале «языка» пандемии коронавируса)	99
Султанбаева Х.В. Ботаническая терминология в башкирском языке.....	103
Харламова Т.В. Коммуникативные стратегии недооценки и переоценки в речи персонажей романа Софи Кинселлы «Шопоголик на Манхэттене».....	107
Шевченко Е.И., Кривошеева Е.И. Особенности перевода описательной документации по строительству и эксплуатации ветряных электростанций с японского на русский язык.....	110
РАЗДЕЛ XXX. ФИЛОСОФИЯ	114
Воинова А.А. От модели «Университета 1.0» к модели «Университета 3.0»: смена образовательной парадигмы	114
Гаранина О.Д. Функционирование методологии системного анализа в современной науке: философский анализ.....	118
Зимбули А.Е. Типология учёных: этические ракурсы. Подступ к теме	123
Музыка О.А., Попов В.В. Теории инклюзии: феноменологический и социально-конструктивный аспекты.....	135

Токарев Д.А. Гедонистический подход в рассмотрении страдания английскими философами Нового времени.....	138
Фетисова Е.Н. К вопросу преподавания философии в современных условиях.....	141
Чумаков В.А. Проблема достоверности философских знаний.....	144
Широкова Г.А. Влияние Бенедикта Спинозы на творчество Джордж Элиот.....	153
РАЗДЕЛ XXXI. ФИНАНСЫ И КРЕДИТ	157
Богославцева Л.В., Султуханов А.И. Особенности стабилизации и укрепления доходов регионального бюджета в условиях экономической неопределенности.....	157

РАЗДЕЛ XXVII. ПЕДАГОГИКА

Федоткина Е.В., Дронова Н.А.

Эффективные методы преподавания иностранных языков в технических вузах

*Российский университет транспорта
(Россия, Москва)*

doi: 10.18411/lj-05-2021-255

Аннотация

В статье определяются цели и особенности иноязычной подготовки студентов технических вузов. Также приводятся новые педагогические технологии, обеспечивающие эффективное формирование иноязычной компетентности студентов технических специальностей. Описываются такие виды студенческой работы, как самостоятельная работа и групповая работа, а также их преимущества перед другими видами работы.

Ключевые слова: профессионально-ориентированный компетентностный подход, профессиональная направленность обучения, самостоятельная работа, модульное обучение, коллективные технологии, групповая работа, метод проектов.

Abstract

The aims and peculiarities of students' foreign language training in Technical Universities are defined in the article. New pedagogical technologies providing efficient forming of foreign language competence of technical speciality students are described as well. Such types of students' work as individual work, team work and their advantages over other types of work are revealed in this article.

Key words: professionally-oriented competence-based approach, professionally-oriented study, individual work, module training, collective technologies, team work, project method.

Открытость современного российского общества, расширение деловых и культурных контактов нашей страны со странами мирового сообщества вызывают потребность в академической мобильности, в специалистах, владеющих иностранными языками в своей профессиональной деятельности. Иностранный язык становится важным ресурсом социального и профессионального роста.

Условием осуществления успешной профессиональной деятельности, соответствия мировым стандартам и конкурентоспособности становится необходимость по-новому взглянуть на процесс обучения иностранному языку. Кардинальные изменения затронули все звенья образовательной системы: ценности, цели, условия, содержание, формы, методы, средства, результаты обучения и контроля, деятельность преподавателей и студентов, сам уклад жизни образовательных учреждений, связь с внешней средой, прежде всего с производством.

Европейская Федерация Национальных Ассоциаций Инженеров (ФЕАНИ) сертифицирует образовательные программы инженерной подготовки и самих специалистов на основе «потенциала компетентности», отвечающего конкретным требованиям: умение пользоваться технической информацией, в том числе на иностранном языке, способность работать над комплексными проектами, умение выражать свои суждения по техническим вопросам, применяя анализ и синтез, в том числе на одном из европейских языков, а также свободно применять его в устных обсуждениях, чтении документации, статей по специальности и в деловой корреспонденции [10].

Цели изучения иностранных языков в неязыковом вузе сегодня определяются преимущественно исходя из парадигмы компетентности. Цели можно классифицировать по двум направлениям: «вертикальному» вектору и «горизонтальному» вектору. Важно отметить, что «вертикальная» классификация целей должна сочетаться с привычной «горизонтальной».

«Вертикаль» целей представлена следующей иерархической последовательностью: 1) цели, связанные с социальным заказом на специалиста нового типа; 2) цели, обусловленные квалификационной характеристикой специалиста; 3) цели, относящиеся к каждому конкретному занятию.

«Горизонталь» целей представлена традиционными целями занятий и подразделяется на образовательные, развивающие, практические и воспитательные. Следует подчеркнуть, что целеполагание в преподавании иностранного языка в неязыковом вузе только до определенного момента может быть абстрактным (непрофильным); далее в область преподавания языка вступают специализированные цели [3].

Именно поэтому иностранный язык в техническом вузе является особой дисциплиной, изучаемой на всех специальностях и направлениях подготовки будущих специалистов, позволяющей решать на иностранном языке не только лингвистические задачи, но и профессиональные задачи в процессе делового общения, используя при этом весь спектр знаний, умений и навыков.

В контексте вышесказанного приоритетным направлением обновленного технического образования является профессионально-ориентированный компетентностный подход в обучении иностранным языкам, подразумевающий развитие навыков иноязычной устной и письменной коммуникации в профессиональной деятельности, а также дальнейшее накопление профессионального иноязычного опыта.

Успешное усвоение дисциплины «Иностранный язык» в технических вузах происходит на основе разработанных образовательных и рабочих программ, направленных на эффективное развитие иноязычной коммуникативной компетентности студентов в условиях профессиональной подготовки для успешной самореализации в профессиональных ситуациях, создаваемых работодателем будущим специалистам. Курс непременно должен быть тесно связан с рядом профильных дисциплин, что в свою очередь обеспечит профессиональную направленность обучения.

Так, например, согласно новым программам, принятым техническими вузами, по итогам изучения иностранного языка студенты технических специальностей должны знать: 1) языковой строй изучаемого языка (фонетика, грамматика, лексика); 2) специфику научно-технической литературы; 3) правила составления основных видов текстовых компрессий (аннотация, реферат); 4) структуру сообщений, докладов, презентаций; 5) правила составления резюме, деловой корреспонденции; 6) этикет делового общения.

Также в результате изучения иностранного языка студенты должны владеть: 1) **разговорным модулем**, а именно, уметь вести диалог в бытовых, профессиональных и деловых коммуникациях; осуществлять монологические высказывания по профессиональной тематике (сообщения, доклады, презентации); 2) **модулем аудирования**, а именно, уметь воспринимать на слух содержание устных высказываний на иностранном языке, произносимых в обычном темпе по культурологической и профессиональной тематике; фиксировать полезную информацию в процессе аудирования; 3) **модулем чтения и понимания**, а именно, уметь полностью понимать содержание оригинальных профессионально-ориентированных текстов с использованием словаря; понимать общее содержание оригинальных профессионально-ориентированных текстов без использования словаря;

4) **письменным модулем**, а именно, уметь составлять на иностранном языке различные виды академического письма (аннотация, реферат).

Для достижения вышеперечисленных модулей, знаний, навыков и умений у студентов технических специальностей преподавателям иностранного языка необходимо прибегать к тем методам и приемам, которые будут способствовать эффективному усвоению иностранного языка с его дальнейшим применением в профессиональной области. На наш взгляд к ним относятся: **самостоятельная работа студентов и командная работа**, что подтверждается многочисленными экспериментами.

Одной из серьезных проблем, в которой кроется причина неудач в овладении иностранным языком, является неумение студентов работать самостоятельно. Традиционное обучение в большинстве случаев сводилось к передаче информации от преподавателя к учащемуся, а затем к ее воспроизведению. Сейчас самостоятельность рассматривается как одно из важнейших личностных качеств, необходимых для формирования самообразовательной компетенции. Система самостоятельной работы – это тип занятий, направленный на развитие самоконтроля, взаимоконтроля и самоанализа, опираясь на использование рефлексии обучающихся. Система самостоятельной работы студентов технических специальностей должна включать в себя: 1) аналитическое чтение профессионально-ориентированных текстов; 2) подготовку устных сообщений (доклад, презентация); 3) написание академических писем (тезисы, аннотация, реферат); 4) подготовка научно-технических конференций.

Самообразование является неотъемлемой частью профессиональной компетенции специалиста. Поэтому современные педагогические технологии должны способствовать развитию у учащегося навыков самостоятельного приобретения знания. Одной из таких технологий, способных решить данные проблемы и осуществить переход к новому процессу обучения, по нашему мнению, является модульное обучение.

Обучающий или учебный модуль представляет собой логически завершенную, автономную единицу содержания учебной дисциплины, включающую в себя информационный и деятельностный аспекты, усвоение которых должно завершаться соответствующей формой контроля знаний, умений и навыков, сформированных в результате овладения обучаемыми данным модулем. При модульном обучении каждый студент имеет возможность и право в определенной мере самостоятельно выстроить индивидуальный план обучения и выбрать интересующие его модули. Но этот принцип не может быть применен ко всем учебным курсам, часть которых должна оставаться обязательной, а именно, базовый курс.

Важнейшей задачей в процессе преподавания иностранного языка в высшей школе является обучение иноязычному общению, а именно, обеспечение максимальной активизации коммуникативной деятельности студентов под руководством педагога. Решению этой задачи, на наш взгляд, может способствовать использование групповых или коллективных технологий в образовательном процессе. Оно предполагает такую организацию работы, при которой обучающиеся тесно взаимодействуют между собой, что влияет на развитие их речи, мышления, интеллекта и ведет к взаимному обогащению.

Коллективное или групповое обучение есть основа проблемного обучения, сущность которого состоит в создании проблемных ситуаций и в управлении деятельностью студентов по самостоятельному решению учебных проблем. Цель проблемного обучения состоит в том, чтобы сделать каждого студента индивидуально сильнее в его собственной позиции, развить определенные коммуникативные качества личности [6].

Целью групповой или командной работы является получение языкового продукта в ходе парной, групповой или проектной работы: доклад, презентация,

письмо, выставка, участие в конкурсе или конференции, ролевая игра, сценическая игра, экскурсия, «организованный диалог», «сочетательный диалог», «работа учащихся в парах сменного состава». Участники группы изучают вместе то, что они могут в последующем использовать индивидуально. Система коллективного обучения предполагает и индивидуальную, и самостоятельную работу, и работу в разных группах, в том числе и в объединенных, особенно тогда, когда речь идет о работе над проектом.

Характерной особенностью командной работы является перенос традиционного обучения на самостоятельную проработку и усвоение информации. Преподаватель оказывается уже не единственным источником информации, а прежде всего, организатором самостоятельной работы студентов и их консультантом. Сам студент, принимая на себя ответственность за собственные успехи и успехи своих товарищей, получает возможность более свободно планировать свою деятельность.

Кроме того, групповое обучение уместно применять при работе с текстом, при изучении нового материала или при повторении уже пройденного, а также при обучении диалогической речи и общению на изучаемом языке.

Групповая работа подразделяется на два вида: дифференцированную и единую. При единой работе все группы выполняют одинаковые задания. При дифференцированной - разные группы выполняют разные задания в рамках общей для всех учащихся темы. В групповом обучении можно выделить четыре основных принципа: 1) социальное взаимодействие участников группы; 2) позитивная взаимозависимость участников; 3) личная отчетность каждого из членов группы; 4) равная доля участия каждого.

Мы также уверены, что в целях достижения наибольшей речевой активности у студентов технических вузов, педагогу необходимо как можно чаще использовать на занятиях иностранного языка такой вид групповой работы, как **метод проектов**, - это система обучения, в которой учащиеся приобретают знания и умения в процессе планирования и выполнения постепенно усложняющихся практических заданий в виде проектов. Суть данной методики, заключается в том, что студентам дается конкретная проблема, решение которой они должны найти самостоятельно, но результат этого решения должен быть оформлен материально, например, в виде презентации или журнала. Проект будет максимально творческим, если он выполняется в группах. Количество человек в группе может составлять от 3 до 6 человек. Состав учащихся подбирается в зависимости от целей проекта [5].

Составление проекта в группе является достаточно сложным заданием и требует определенных умений и навыков, которые могут быть развиты во время работы в сотрудничестве. Метод проектов учит студентов применять свои знания, творчески подходить к решению проблемы, ориентироваться в информационном пространстве, анализировать информацию, выделять основное, критически мыслить, а также повышает мотивацию.

Нами был подготовлен и проведен эксперимент в группах 2ого курса специальности «Эксплуатация железных дорог» с применением проектной работы в целях выявления степени результативности данного метода. Приводим пример проектной работы на занятии иностранного языка в техническом вузе:

Проект: «Скоростные железные дороги мира».

Тема занятия: «Скоростные железные дороги развитых стран».

Цели занятия: развитие навыков монологической и диалогической речи по проблемам своей специальности, развитие навыков партнерского общения и умения работать в группе.

Задачи занятия: подготовить презентацию на заданную тему.

Данная проектная работа состоит из трех частей: 1) предварительной подготовки, 2) основной части – групповая работа, 3) заключительной части – результат коллективной работы.

Предварительная подготовка к проектной работе заключается в следующем: студенты самостоятельно, но под контролем преподавателя, разбиваются на группы по 4–5 человек и распределяют свои функции. Педагогу следует следить за тем, чтобы в каждой группе был хотя бы один сильно подготовленный студент, который смог бы выполнить роль консультанта. Он должен грамотно поставить познавательные задачи и инструктировать о последовательности работы внутри группы.

Во время групповой работы студенты знакомятся с материалом, планируют работу в группах, распределяют задания внутри каждой группы, впоследствии выполняют ее индивидуально, обсуждают индивидуальные результаты работы в группе, затем следует обсуждение общей работы с замечаниями и дополнениями.

В заключительной части студенты сообщают о результатах работы в группах на иностранном языке с помощью демонстрации презентации. После представленных презентаций студенты из каждой группы могут задать 2-3 вопроса оппонентам. Преподавателю следует сделать общий вывод о групповой работе и достижениях каждой группы. При этом педагог должен понимать и донести студентам, что работа в группах - не есть соревнование, а есть совместное продвижение к знаниям, основанное на взаимопомощи и взаимовыручке.

По результатам проведенного эксперимента мы можем выделить несколько преимуществ коллективной формы работы перед фронтальной и индивидуальной формами: 1) командная работа учит самостоятельности, поскольку вся совместная деятельность распределяется среди учащихся группы: одни выполняют планирующую часть работы, другие осуществляют исполнительскую часть деятельности, третьи – контролируют работу первых двух, четвертые – оценивают. Каждый становится ответственным за определенную часть общего задания, которую, кроме него самого, никто не сделает; 2) позволяет вовлечь всех учащихся группы в учебный процесс; 3) групповое обучение помогает студентам преодолеть чувство робости при языковом общении, способствует сотрудничеству с другими учащимися и вызывает чувство единения; 4) помимо прочего, в условиях групповой работы возникает благоприятная, доверительная и эмоционально-положительная атмосфера для учения: студент испытывает чувство комфорта и безопасности, у него исчезает страх перед учебной неудачей, возрастает уверенность в собственных силах.

В результате применения коллективной формы работы на занятиях иностранного языка мы приходим к выводу, что данная форма работы является одним из актуальных методов повышения эффективности современного практического занятия по иностранному языку в техническом вузе. Во-первых, групповая работа характеризуется высоким уровнем познавательной и коммуникативной активности, осознанной потребностью в усвоении знаний и умений, а также результативностью. Во-вторых, она является одним из факторов развивающего обучения, поскольку она формирует творческую личность, способную получать новые знания через сотрудничество с другими членами группы. В-третьих, групповое взаимодействие есть интерактивная форма обучения, поскольку она поддерживает внимание учащихся на уроке, активизирует их мыслительную деятельность, развивает их речевую инициативу, обеспечивает постоянное речевое взаимодействие учащихся друг с другом и их взаимное обогащение. Из этого следует, что групповая работа помогает преподавателю высшей школы создавать на занятиях языковую среду, а именно, условия, приближенные к тем, в которых люди беседуют на иностранном языке в естественной обстановке. В-четвертых, такое взаимодействие способствует повышению коммуникативной и познавательной мотивации, а самое главное – у студентов появляется осознанное желание учиться в целом.

Традиционные педагогические технологии и по сей день доминируют в отечественном образовании, обеспечивая обучающихся знаниями, умениями и навыками. Однако в XXI веке образование находится в принципиально иной ситуации, и его основная цель – не усвоение обучающимися системы знаний, как прежде, а формирование знаний и на этой основе – подготовка компетентных специалистов (бакалавров, магистров). Изменилась результативно-целевая основа образования, следовательно, необходимо найти адекватные этим целям и результатам педагогические технологии. Однако это не предполагает отказ от традиционных педагогических методик. Необходимо сочетать принципы преемственности традиций и инноваций. Уже нет сомнений, что в эпоху глобализации экономики и коммуникаций, развития сотрудничества по всем направлениям: общественной, политической и культурной жизни, иностранный язык используется не только для международного общения, работы в интернете, с научными и техническими статьями, а также становится неотъемлемой частью многопрофильного образования.

1. Авдеева И.П. Инженерная коммуникация как самостоятельная речевая культура: когнитивный, профессиональный и лингвистический аспекты. изд. МГТУ им. Н.Э. Баумана, 2005. С. 368
2. Платкова А.Б., Котина А.Г. Некоторые аспекты обучения иностранным языкам в техническом вузе // Вестник науки и образования. 2016 (5):61-64.
3. Вовси-Тиллье Л.А. Современные цели обучения иностранным языкам в неязыковом вузе // Педагогический журнал. 2018. Т. 8. № 3А. С. 132-137.
4. Гальскова Н.Д. Современная методика обучения иностранным языкам: Пособие для учителя. М.: АРКТИ, 2003.- 192 с.
5. Батунова И.В. Современные педагогические технологии на уроках иностранного языка как важное условие повышения качества образовательного процесса. / Батунова И.В. // IV Международная научно-практическая конференция: Научные перспективы XXI века. Достижения и перспективы нового столетия – Новосибирск: Международный научный институт «EDUCATIO», 2014. – С.126-128
6. Арефьев Г.И. Групповая форма работы на уроках английского языка/ Иностранные языки в школе, 1994.- №5.- с.23-27.
7. Зимняя И. А. Ключевые компетентности как результативно-целевая основа компетентностного подхода в образовании // Ректор вуза. - 2005. - N 6. - С. 13-29.
8. Особенности иноязычной коммуникативной подготовки магистров в техническом вузе / Першина Е. Ю. // Alma mater: Вестник высшей школы. - 2011. - № 3. - С. 83-85.
9. Инновации в преподавании языков: компетентностный подход (опыт стажировок 2007 г.) / Сост. Г. И. Гладков. - М.: МГИМО - Университет, 2007.
10. Common European Framework of Reference for Languages: Learning, Teaching, Assessment (CEFR, 2001).

Хачатрян Э.В.

Организация наставнических сессий на основе технологии развития критического мышления с участием серебряных наставников

*ГАОУ ВО МГПУ
(Россия, Москва)*

doi: 10.18411/lj-05-2021-256

Аннотация

Для организации наставнических сессий серебряные наставники используют тьюторские технологии и технологии открытого образования, в том числе – развития критического мышления. В статье сделана попытка обоснования применения данной технологии в наставнической деятельности, представлены технологические стратегии и приёмы, направленные на становление навыков self skills.

Ключевые слова. Наставническая сессия, серебряные наставники, тьюторство, технология развития критического мышления, self skills, стратегии, приёмы, текстовая образовательная среда, технологическая навигация, масштабирование.

Abstract

To organize mentoring sessions, silver mentors use tutor technologies and open education technologies, including the development of critical thinking. The article attempts to justify the use of this technology in mentoring activities, presents technological strategies and techniques aimed at developing self skills.

Keywords. Mentoring session, silver mentors, tutoring, critical thinking development technology, self skills, strategies, techniques, text-based educational environment, technological navigation, scaling.

Стремительные изменения, происходящие в настоящее время, охватывают все сферы деятельности человека, в том числе и сферу профессионального образования. Чтобы быть востребованным не только сегодня, но и в будущем, реализовывать себя в новом мире, помимо направленности на становление soft skills и hard skills, человеку важна ориентация на особую группу компетентностей – self skills, которая помогает ему понимать и организовывать себя, удерживать свои смыслы и самоопределяться [3]. В то же время недостаточная сформированность у студентов навыков самоопределения затрудняет процессы самостоятельного осмысления ими своих образовательных и профессиональных интересов, адекватной самооценки своих возможностей и способностей. Существенную помощь в решении таких задач могут оказать обучающиеся Серебряного университета МГПУ, освоившие в рамках обучения по программе профессиональной переподготовки «Тьюторское сопровождение образовательной деятельности» технологии открытого образования и специфику наставнического сопровождения обучающихся как одного из видов тьюторства (далее – серебряные наставники). К технологиям открытого образования, с помощью которых можно организовать сопровождение серебряными наставниками учащихся и студентов, относится и технология развития критического мышления.

Использование технологии развития критического мышления как средства наставнического сопровождения процесса формирования навыков самоопределения имеет свои основания.

Во-первых, это основные положения педагогической философии конструктивизма, на которых базируются все технологии открытого образования, а значит, и технология развития критического мышления [4]. Знания не поступают извне и не передаются в готовом виде; процесс учения выстраивается с учётом личного опыта обучающегося и его знаний, выявления образовательных дефицитов и определения собственных целей.

Во-вторых, базовые принципы технологии развития критического мышления, которых необходимо придерживаться в процессе наставнического сопровождения: сотрудничество, взаимная ответственность, отказ от обладания истиной, активное общение, рефлексия [5]. Для сотрудничества в обучении характерными являются: наличие общих целей, осуществление совместного поиска, включённость в активное конструктивное взаимодействие. Принцип взаимной ответственности предполагает баланс интересов всех участников образовательного процесса, совместное установление норм и способов взаимодействия для решения актуальных образовательных задач. Развитое дискуссионное мышление предполагает отказ от обладания истиной, проявление заинтересованности к другим мнениям, взглядам и позициям (Д.Х. Вагапова) [1]. Создать условия для позитивной коммуникации и установления взаимопонимания между студентами, обеспечивающие их активное общение, серебряные наставники могут, используя в наставнических сессиях технологию развития критического мышления, в частности технологические стратегии взаимообучения.

В-третьих, такие характеристики технологий открытого образования, как открытость по отношению к предмету, возрасту и различным организационным форматам работы [2].

Рефлексия присутствует на всех стадиях работы в технологии развития критического мышления. Она даёт возможность каждому учащемуся и студенту увидеть и осознать, что является важным для него, сформулировать свои вопросы, обсудить их с серебряным наставником и другими учащимися и студентами, прояснить и уточнить свои образовательные предпочтения, спланировать свои действия и реализовать задуманное.

Таким образом, использование базовых принципов технологии развития критического мышления в работе со студентами поможет серебряным наставникам сопровождать процесс становления у студентов навыков самоопределения на основе технологии развития критического мышления. Проанализируем, как реализуются технологические стадии при проведении наставнических сессий, в частности сессии, направленной на профессиональное самоопределение студентов колледжей. Стадии технологии развития критического мышления («вызов – смысловая стадия – рефлексия») соотносятся нами с тремя этапами тьюторского действия. Это создание открытой образовательной среды, осуществление образовательной навигации, масштабирование. Отметим, что в технологии развития критического мышления на первом этапе реализации тьюторского действия создаётся текстовая образовательная среда. В связи с этим особое внимание уделяется работе с текстами (в технологии развития критического мышления тексты понимаются в широком смысле: информационные, художественные тексты, видеоматериалы и т.п.). На втором этапе тьюторского действия осуществляется технологическая навигация (навигация с использованием стратегий и приёмов технологии РКМ). Третий этап тьюторского действия, масштабирование, соотносится нами с технологической стадией «Рефлексия», реализация целей которой позволяет учащимся и студентам выйти на новый масштаб своего образовательного действия.

Рассмотрим поэтапно, как на каждой стадии работы в технологии развития критического мышления может быть организована работа серебряных наставников с тьюторской компетентностью, направленная на становление навыков профессионального самоопределения студентов колледжей. Для этого мы используем такую форму наставнического (тьюторского) сопровождения, как наставническая сессия. Целью проведения такой сессии является осмысление студентами профессий будущего для профессионального самоопределения и дальнейшего выбора карьерной стратегии.

На стадии вызова (первой стадии работы в технологии развития критического мышления) для активизации мыслительной деятельности можно предложить студентам интерпретировать своё понимание положения древнегреческого философа Платона: «Люди рождаются не слишком похожими друг на друга, их природа бывает различна, да и способности к тому или иному делу тоже... Поэтому можно сделать все в большем количестве, лучше и легче, если выполнять какую-нибудь работу соответственно своим природным задаткам». После обсуждения этой цитаты серебряные наставники проводят со студентами беседу по вопросам: «Какие профессии могут появиться в ближайшие 5-10 лет? Какими качествами, навыками и умениями должен обладать специалист будущего, чтобы быть востребованным в новом мире?». Следующим этапом на стадии вызова является групповая работа студентов над созданием образа специалиста будущего.

После групповой презентации серебряные наставники предлагают студентам прочитать перечень названий некоторых профессий, включенных в «Атлас новых профессий», выбрать три, самых интересных, на их взгляд, названий профессий будущего и записать свои зрительные и слуховые ассоциации, которые возникают у них в связи с каждой из этих профессий (Таблица 1). Например, это могут быть такие

названия профессий будущего: биоэтик (медицина), медиаполицейский, фактчекер (медиа и развлечения), техномедиатор (промышленность), техностилист (индустрия моды), киберследователь (ИТ-сектор), экопродюсер, биоремедиатор (экология), нейрогастроном, экодietetолог (пищевая промышленность), биомиметик, глазир (новые материалы и нанотехнологии), электрозаправщик (электроэнергетика), космогеолог, космобиолог (космос) и др.

Таблица 1.

Выглядит, как...	Звучит, как...

Таким образом, работа студентов на стадии вызова направлена на активизацию мыслительной деятельности студентов, актуализацию их представлений о профессиональном выборе, а также пробуждение у них интереса к получению информации о мире профессий будущего.

На второй стадии работы в технологии развития критического мышления мы рекомендуем серебряным наставникам использовать на наставнической сессии технологическую стратегию «Зигзаг». Для этого студенты объединяются в кооперативные группы по 5 человек, и каждому в группе выдаётся текст с описанием пяти профессий будущего. Затем они объединяются в экспертные группы для совместной работы: студенты, которые работают с текстом 1 объединяются в одну группу; те, кто работает с текстом 2 – в другую и т.п., т.е. каждая экспертная группа работает со своим текстом и выполняет задание. Ознакомившись с описанием некоторых профессий будущего, студенты обсуждают надпрофессиональные навыки и умения, которые, на их взгляд, необходимы для этих профессий будущего, а затем на листе формата А4 создают образы этих специалистов. По окончании работы каждый эксперт возвращается в свою кооперативную группу и по очереди знакомит остальных одноклассников с результатами работы в своей экспертной группе. Таким образом, студенты в результате получают представление о 25-и профессиях будущего.

На стадии рефлексии для обобщения информации о профессиях будущего студенты, работая в группах, заполняют концептуальную таблицу, в которой представлены профессии будущего и надпрофессиональные навыки и умения, необходимые специалистам этих профессий. После этого серебряные наставники проводят со студентами обсуждение тех надпрофессиональных навыков и умений, которые каждый из них хотел бы сформировать у себя. Эти запросы со стороны студентов могут стать основанием для разработки личностно-ресурсной карты их интересов.

Таким образом, мы рассмотрели один из вариантов организации и проведения серебряными наставниками сессии по профессиональному самоопределению студентов на основе технологии развития критического мышления. Использование в наставнической деятельности технологии развития критического мышления для формирования навыков *self skills* у студентов соотносится с определёнными тьюторскими действиями и подтверждает, что данная технология может стать важнейшим ресурсом при решении задач современного образования.

1. Вагапова Д.Х. Риторика в интеллектуальных играх и тренингах. – М.: Цитадель, 2001. 460 с.
2. Ковалева Т.М. Открытые образовательные технологии как ресурс тьюторской деятельности в современном образовании // Тьюторское сопровождение и открытые образовательные технологии в современном образовании. Сборник статей. – М.: МИОО, 2008. 160 с.
3. Хачатрян Э.В., Ковалева Т.М. Технология развития критического мышления в деятельности серебряных наставников // Педагогика, № 4, 2021. С. 60-71.
4. Чошанов М. Процесс непрерывного конструирования и реорганизации // Директор школы. – 2000. – № 4. – С. 56 - 62.
5. Steel, J., Temple, C., & Meredith, K. (1997-1998). Reading and Writing for Critical Thinking. Set of Guidebooks. OSI: NY.

Цепелева Е.А.
Формы устройства детей оставшихся без попечения родителей

doi: 10.18411/lj-05-2021-257

Аннотация

В данной статье рассматриваются формы устройства детей оставшихся без попечения родителей, что в настоящее время является актуальным, так как количество детей оставшихся без попечения родителей по разным причинам на территории РФ увеличивается с каждым годом.

Ключевые слова: формы устройства, дети, дети – сироты, без попечения родителей, воспитание, замещающие семьи, усыновление, опека, попечительство.

Abstract

This article examines the forms of placement of children left without parental care, which is currently relevant, since the number of children left without parental care for various reasons in the Russian Federation is increasing every year.

Keywords: forms of placement, children, orphans, without parental care, upbringing, foster families, adoption, custody, guardianship.

По статистике на начало 2021 года численность детей-сирот и детей, оставшихся без попечения родителей, составила 406 128 человек. Около 365 000 из них находились на воспитании в замещающих семьях. На безвозмездную форму опеки передано более 19 500 детей, на возмездную форму - почти 12 000. Усыновлено 2,5 тыс. детей. В 60% случаев, когда ребенок становится сиротой, связаны с лишением и ограничением родительских прав, только 24% - со смертью родителей.

Защита детей, оставшихся без попечения родителей определена как государственная обязанность. Законодательством РФ установлены определенные формы для устройства таких детей. Дети подлежат в данном случае передаче в семью на воспитание, а при отсутствии такой возможности временно, на период до их устройства на воспитание в семью, передаются в организации для детей-сирот и детей, оставшихся без попечения родителей, всех типов. Такое положение регламентировано в статье 123 СК РФ.

В зависимости от статуса все формы устройства оставшихся без попечения родителей детей различают: семейные, государственные и государственно-общественные [9].

Усыновление, являясь одной из форм устройства детей, оставшихся без попечения родителей предполагает принятие ребенка в семью, которая признает его как кровного родственника. При этом ребенок имеет все права и обязанности, характерных такого вида принятия. Родители, которые принимают этого ребенка в этом случае обладают рядом обязанностей, определяющих воспитание ребенка, его содержание и развитие [5].

Таким образом, усыновление с точки зрения юриспруденции является установлением правоотношений между усыновителем и усыновленным ребенком, по аналогии правоотношений кровных родителей и детей. для усыновления характерна определенная специфика, заключающаяся в бессрочности правоотношений. Исключением в данном случае являются случаи отмены усыновления.

Статья 139 СК РФ определяет положение о тайне усыновления [4]. Отличительной особенностью усыновления является таинство данного действия, поскольку законодатель в пункте 1 рассматриваемой статьи определил положение о том, что в обязанности судей, вынесших решение об усыновлении ребенка, или должностные лица, осуществивших государственную регистрацию усыновления, а

также лица, иным образом осведомленные об усыновлении входит сохранение тайны усыновления ребенка. Такое положение способствует родству и сближению детей с родителями, которые его усыновили [7].

Отмена усыновления основаниями схожа с процессом лишения родительских прав. по нормам статьи СК РФ определено, что прекращение усыновления осуществляется со дня вступления в законную силу судебного решения об отмене усыновления ребенка.

Отмена усыновления определяет прекращение правоотношений между ребенком и усыновителем и их родственниками.

Для усыновления характерными являются правовые последствия. В статье 1147 ГК РФ определены права усыновленных детей на право наследования. В статье 137 СК РФ и статье 31 ЖК РФ определены права усыновленных детей на пользование жилым помещением собственника, являющегося усыновителем.

Усыновление и его отмену осуществляет только суд. Суд по месту жительства на основании заявления об усыновлении может признать ребенка усыновленным. При этом с заявлением должно быть подано согласие на усыновление супруга или супруги.

Усыновление является приоритетной формой. В Российской Федерации нет пробного усыновления, для временного устройства детей, оставшихся без попечительства родителей применяют передачу детей под опеку (попечительство) либо в приемную семью [6].

Иностранцы граждане могут осуществлять усыновление российских детей, при условии, что нет возможности передаче детей гражданам Российской Федерации. Для этого предусмотрен срок – 1 год, с момента поступления в федеральный банк данных сведений о детях. В ФЗ «О мерах воздействия на лиц, причастным к нарушениям основополагающих прав и свобод человека, прав и свобод граждан РФ» (с изм. и доп. вступ. в силу с 10.01.2021) определен запрет усыновления российских детей иностранными гражданами из США [2]. Имеется также законодательно установленный запрет на усыновление российских детей, для граждан, состоящих в однополном браке, а также не состоящим в браке. Также запрет на усыновление имеют: недееспособные и ограниченно дееспособные лица; лица, лишённые родительских прав либо имеют ограничения родительских прав; бывшие усыновители с отменой усыновления по их вине; лица, которым невозможно осуществлять права родителей по состоянию здоровья; лица, не имеющие доход; лица, при наличии у них непогашенной судимости.

Государственные формы устройства ребенка, оставшегося без попечения родителей, в зависимости от его возраста и состояния здоровья предполагают устройство ребенка в детском доме, доме – интернате, приюте, и в иных государственных воспитательных учреждениях.

Опека и попечительство является также формой устройства детей, оставшихся без попечительства родителей. Порядок установления опеки и попечительства регулируется гражданским законодательством и положениями Семейного кодекса РФ. Опека и попечительство предполагает передачу ребенка в семью на праве воспитанника. Детям, младше 14 -летнего возраста назначается опекун, а более старшим детям, которые находятся в возрасте от 14 до 18 лет назначают попечителя. Данные лица имеют права, присущие родителю, то есть они вправе осуществлять воспитание, содержание детей и их обучение. Они несут ответственность за действия ребенка, который принят ими под опеку. Права и обязанности опекунов и попечителей регламентируются семейным законодательством. Опека и попечительство может быть установлена только при утрате родительского попечения.

За опекунами и попечителями контроль осуществляют органы опеки, что входит в их обязанности. Они должны контролировать соответствие условий проживания, процесс обучения и воспитания детей, находящихся под опекой [8].

Прибывание детей, оставшихся без попечительства родителей осуществляется на основании срочного договора, где сторонами являются приемные родители либо родитель и орган опеки и попечительства. Посредством домашнего воспитания осуществляется обеспечение содержания, обучения и развития детей.

Дети, оставшиеся без попечительства родителей, являются те, у которых родители недееспособны либо умерли или были лишены, либо ограничены в своих правах. Дети, которые относятся к данной категории нуждаются в социальной защите. Обеспечение социальной защиты осуществляется государством через органы опеки и попечительства [10].

По положениям статьи 39 ГК РФ установлены основания, при наличии которых опекуны (попечители) освобождаются от своих обязанностей. К ним относятся: восстановление у родителей прав осуществлять самостоятельное воспитание детей; усыновление несовершеннолетнего ребенка; помещение несовершеннолетнего ребенка в воспитательное государственное учреждение.

Если несовершеннолетний, который находится под опекой недееспособный и подлежит лечению в лечебном учреждении и в учреждении социальной защиты, то это является основанием для освобождения опекуна от выполнения обязанностей. Также он может освобождаться на основании личной просьбы при наличии уважительной причины.

Основания для отстранения опекуна от обязанностей регламентируются содержанием пункта 3 статьи 39 ГК РФ при условии, что они: уклоняются от своих обязанностей; злоупотребляют возложенными правами; используют права в корыстных целях; оставляют подопечных без надзора и не оказывают помощь [3]. При условии, оставления опекуном либо попечителем ребенка без надзора и без оказания помощи и здоровья, в соответствии со статьей 125 УК РФ подопечные могут быть привлечены к уголовной ответственности.

1. Федеральный закон «Об опеке и попечительстве» от 24.04.2008 г. № 48-ФЗ (ред. от 29.05.2019 г.) // СЗ РФ. 2008. № 17. Ст. 1755.
2. Федеральный закон от 28.12.2012 №272 – ФЗ (ред. от 30.12.2020) «О мерах воздействия на лиц, причастных к нарушениям основополагающих прав и свобод человека, прав и свобод граждан РФ» (с изм. и доп. вступ. в силу с 10.01.2021) // http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_139994/
3. Гражданский кодекс Российской Федерации // http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_5142/
4. Семейный кодекс Российской Федерации от 29.12.1995 N 223-ФЗ // Собрание законодательства Российской Федерации. — 1996. — № 1. — Ст. 16.
5. Акмулдашева А. К. Формы устройства детей, оставшихся без попечения родителей // Юный ученый. — 2017. — № 3 (12). — С. 133-136.
6. Джумагазиева Г. С. Усыновление (удочерение) как приоритетная форма устройства детей, оставшихся без попечения родителей // Молодой ученый. — 2018. — № 11 (197). — С. 221-223.
7. Доржиева С.В. Система устройства детей, оставшихся без попечения родителей, в Российской Федерации // Семейное и жилищное право. 2015. № 6. С. 10—13.
8. Жансеитова Г.Г. Опека и попечительство – один из путей решения проблемы социального сиротства // Научная дискуссия: инновации в современном мире. – 2016. – № 2-2. – С. 121-125.
9. Лукманова А.А. Формы устройства детей-сирот и детей, оставшихся без попечения родителей, как конституционный способ защиты их прав // Современные научные исследования и инновации. 2017. № 10. – с.27-29.
10. Наруцкая Н. В. Формы устройства детей, оставшихся без попечения родителей: понятие и классификация // Молодой ученый. — 2012. — № 7 (42). — С. 196-199.

Черкасов Р.В., Базаров Р.К.

Пути развития познавательного интереса учащихся

*Липецкий государственный педагогический университет имени П.П. Семенова-Тянь-Шанского
(Россия, Липецк)*

doi: 10.18411/lj-05-2021-258

Аннотация

В статье рассматривается такое понятие как познавательный интерес учащихся и некоторые пути его развития, а именно в рамках проектной, творческой, внеурочной деятельности и проблемного обучения обучающихся.

Ключевые слова: познавательный интерес, проектная деятельность, творческая деятельность, внеурочная деятельность, проблемное обучение.

Abstract

The article discusses such a concept as the cognitive interest of students and some ways of its development, namely, within the framework of project, creative, extracurricular activities and problem learning of students.

Key words: cognitive interest, project activities, creative activities, extracurricular activities, problem learning.

Интерес относится к числу сильнейших мотивов в человеческой жизни, также его можно причислить к категории причин, которые человек может определить как наиболее значимые. В текущее время в научной литературе представлено множество трактовок данной психолого-педагогической категории. В педагогической области особое значение имеет познавательный интерес. Под познавательным интересом С.Л. Рубинштейн подразумевает проявление интеллектуальной и эмоциональной активности личности [6]. Психолог Н.Г. Морозова определяет познавательный интерес как «активно-познавательное и эмоционально-познавательное отношение человека к миру» [4, с. 44]. Существует трактовка данного понятия как «своеобразного сплава эмоционально-волевых и интеллектуальных процессов, повышающего активность сознания и деятельности человека в целом» [2, с. 9].

Познавательный интерес учащихся формируется под влиянием их активной, самостоятельной деятельности по изучению окружающей действительности посредством постижения научных истин. Также, он может приобретать характер склонности (направленности на определенный вид жизнедеятельности), в том случае, если человек на постоянной основе, с особым увлечением занят определенным видом деятельности. Запорожец А.В. считал, что интерес синонимичен такой категории как склонность: «Интерес – это склонность обращать внимание на определенные объекты, стремление подробно с ними познакомиться» [1]. В связи с этим его особая значимость состоит в активизации психических процессов индивида, приносящих ему интеллектуальное удовлетворение. Интерес и склонности учащихся взаимосвязаны лишь в том случае, если их интересы начинают принимать постоянный характер. Щукина Г.И. утверждает, что: «Устойчивый интерес с младшего подросткового возраста может превратиться в соответствующую склонность. Познавательный интерес переходит в склонность, в том случае, если человек на постоянной основе увлекается определенным видом деятельности, предпочитает данный вид деятельности иным» [9, с. 84].

Таким образом, данную психолого-педагогическую категорию можно определить как положительное оценочное отношение субъекта к его деятельности. Познание полностью зависит от конкретного вида познавательной деятельности, активной позиции. Познавательная деятельность предполагает получение

плодотворных результатов в том случае, если она базируется на межсубъектных отношениях преподавателя и обучающегося. В связи с этим создание активной позиции ученика в процессе обучения является одной из основных задач всего педагогического процесса. При этом важно сформировать такие условия, чтобы среди различных видов школьной деятельности обучающийся имел возможность проявить свои возможности, творческие силы, удовлетворить свой познавательный интерес.

Применение актуальных педагогических технологий позволит активизировать познавательный интерес учащихся, направить его на решение педагогических и творческих задач.

На текущий момент существуют множество путей формирования и развития познавательного интереса учащихся. В рамках данной статьи остановимся на проектном обучении, творческой, внеурочной деятельности и проблемном обучении.

В основе технологии проектного обучения находится развитие познавательных навыков учащихся, умений самостоятельно конструировать свои знания, ориентироваться в информационном пространстве, развитие критического мышления. Результаты созданных проектов должны носить прикладной характер, иначе говоря, теоретическая проблема должна иметь аргументированное конкретное ее решение, а практический вопрос – конкретный прикладной результат, готовый к воссозданию. Любая работа по данному методу предполагает не только наличие и осознание какой-либо конкретной проблемы, но также и процесс ее раскрытия, решения. Для этого необходимо четкое планирование действий, наличие замысла или гипотезы решения этого вопроса, четкое распределение ролей, т.е. заданий для каждого участника при условии тесного взаимодействия. Творческая деятельность способствует формированию у обучающихся преобразующего мышления, навыков исследовательской работы. Учащихся следует вовлекать в творческую деятельность как можно раньше. В этом случае у них лучше развивается пытливость ума, гибкость мышления, способность к оценке, видение и анализ проблем, также и иные качества, характерные для человека с развитым интеллектом.

Как способ развития познавательного интереса обучающихся можно рассматривать и внеурочную деятельность учащихся. Она имеет огромное преимущество перед уроками, поскольку не носит такого отпечатка обязательности и серьезности. Внеурочная работа не накладывает на учителя и учеников таких строгих обязательств, как на уроке, поэтому дает возможность использовать нестандартные и творческие приемы обучения. Школьники прекрасно понимают, что на занятиях им никто не будет ставить плохих оценок, и их желание обучиться чему-либо и получить качественные ЗУНы зависит только от их заинтересованности. На внеурочных занятиях ученики ведут себя более раскованно, чем на уроках, могут предлагать большее количество интересных идей. На занятиях ученики работают не для оценки, а для себя, ради того, чтобы научиться тому, что им нравится и впоследствии может пригодиться в жизни. Все это приводит к тому, что на внеурочных занятиях ученики раскрываются больше как личность и более ярко демонстрируют свои таланты. Следовательно, учителю необходимо использовать это желание учеников. Учитель может вести более углубленное обучение по конкретному школьному предмету, надеясь на более высокий уровень усвоения за счет личной заинтересованности учеников в работе. Внеурочная деятельность в условиях внедрения нового поколения ФГОС приобретает еще большую актуальность, поскольку произошло обновление и углубление содержательной составляющей различных школьных предметов, в том числе предмета «Технология». Благодаря проведению внеурочных занятий учитель ненавязчиво может обучить школьников выполнению проектов, использованию мозгового штурма в работе и других творческих методов. Это ресурс, позволяющий школе достичь нового качества обучения. Стоит отметить, что для школы внеурочная деятельность обязательна, а ребенок имеет право выбора. Внеурочная деятельность позволяет ребенку выбрать

область интересов, развить свои способности. В процессе внеурочной работы у учащихся формируются психические и физические качества: трудолюбие, выносливость, самостоятельность, инициативность.

На основании вышеизложенного можно сделать вывод, что внеурочная деятельность, как и деятельность обучающихся в рамках уроков, может служить инструментами развития, а иногда и формирования познавательного интереса учащихся. Хотя в первую очередь они предназначены для достижения личностных и метапредметных результатов обучения.

Творческая деятельность учащихся является необходимой составляющей учебного процесса, ведь на протяжении всего периода обучения она может быть связана с различными направлениями внеурочной деятельности, включая научно-исследовательское, художественно-эстетическое, проектное и др. Творческая деятельность учащихся может осуществляться в виде научного, технического и художественного творчества; исследовательской, проектной, трудовой (созидательной) общественно-значимой или профессионально направленной деятельности. Занятия по техническому творчеству помогают школьникам приобрести глубокие и прочные знания в области естественных и технических наук, ценные практические умения и навыки, воспитывают трудолюбие, культуру труда, умение работать в коллективе [3,7,8]. Внеурочная работа по техническому творчеству содействует социально-профессиональному просвещению младших школьников, а в средних и старших классах - подготовке учащихся к практической деятельности, независимо от того, в какой области им предстоит работать.

Кроме того, на развитие познавательного интереса положительно влияет использование проблемного обучения (в проблемном обучении присутствуют и объяснения педагога, и репродуктивная деятельность педагога, и постановка задач, и выполнение обучающимися упражнений. Но организация учебного процесса базируется на принципе проблемности, а систематическое решение учебных проблем – является его характерным признаком).

Правильнее всего различать виды проблемного обучения по соответствующим видам творчества. Можно отметить три вида проблемного обучения на данном основании. Первый вид («научное» творчество) – это теоретическое исследование, а именно поиск и открытие обучающимся нового правила, закона, теоремы и так далее. Постановка и решение теоретических учебных проблем лежит в основе проблемного обучения.

Второй вид (практическое творчество) – поиск практического решения, поиск способа применения известного знания в новой ситуации, конструирование, изобретение. Основопологающей данного вида проблемного обучения лежит установка и решение практических учебных проблем.

Третий вид (художественное творчество) – это художественное отображение действительности на основании творческого воображения, которое включает в себя литературные сочинения, рисование, написание музыкального произведения, игру и так далее. Первый вид чаще всего предстает на занятии, где наблюдается индивидуальное, групповое и фронтальное решение проблем. Второй – на лабораторных, практических занятиях. Третий вид – на уроке и на внеурочных занятиях [5].

Таким образом, главный вопрос развития познавательного интереса учащихся состоит в том, насколько этот интерес направлен по линии самого изучаемого предмета и не связан с влиянием наград, наказаний, страха, желания угодить и т.п. То есть, необходимо не только вызвать интерес, но и создать условия для того, чтобы интерес был с правильным вектором, а для этого следует проводить обучение в

непосредственной «близости к жизни», учить детей тому, что их интересует, начинать с того, что им знакомо и естественным образом возбуждает их интерес.

1. Запорожец А.В., Эльконин Д.Б. Психология детей дошкольного воз-раста. Развитие познавательных процессов. – М.: Издательство «Просвещение», 1964. – 353 с.
2. Дейкина, А.Ю. Познавательный интерес: сущность и проблемы изу-чения / А.Ю. Дейкина. – М.: Просвещение, 2002. – 235 с.
3. Добромыслова О.Ю., Лебедев А.А. О развитии творческой познавательной активности учащихся / О.Ю. Добромыслова, А.А. Лебедев // Актуальные проблемы естественных, математических, технических наук и их преподавания: Сборник научных трудов. – Липецк, 2020. – С. 55-58.
4. Морозова, Н.Г. Учителю о познавательном интересе / Н.Г. Морозова. – М.: Знание, 2009. – 246 с.
5. Мочалова, Н.М. Методы проблемного обучения и границы их приме-нения / Н.М. Мочалова. – Казань, 1978. – 163 с.
6. Рубинштейн, С.Л. Основы общей психологии / С.Л. Рубинштейн. – СПб.: Питер, 1998. – 705 с.
7. Тигров В.П., Шипилов А.Н. Развитие познавательной активности школьников в процессе творческого проектирования / В.П. Тигров, А.Н. Шипилов // Наука и образование: проблемы и пути их решения: Сборник научных трудов Международной научно-практической конференции. Липецкая региональная общественная организация общественной организации «Всероссийское общество изобретателей и рационализаторов», Липецк, 2017.– С. 87-92.
8. Шипилова Т.Н., Ворошилова С.С., Голикова Е.В. Способы активизации познавательной деятельности учащихся на уроках технологии / Т.Н. Шипилова, С.С. Ворошилова, Е.В. Голикова // Актуальные проблемы естественных, математических, технических наук и их преподавания: Сборник научных трудов. – Липецк, 2020. – С. 213-216.
9. Щукина, Г.И. Актуальные вопросы формирования интереса в обучении / Г.И. Щукина. – М.: Просвещение, 1984. – 176 с.

Черкасов Р.В., Базаров Р.К.

Значение материально-технического оснащения учебных мастерских в рамках предметной области «Технология»

*Липецкий государственный педагогический университет имени П.П. Семенова-Тян-Шанского
(Россия, Липецк)*

doi: 10.18411/lj-05-2021-259

Аннотация

В статье рассматривается значение материально-технического оснащения учебных мастерских при подготовке будущих учителей технологии, а также способы ее совершенствования.

Ключевые слова: материально-техническая база, материально-техническое оснащение, технология, «Точка роста».

Abstract

The article examines the importance of the material and technical equipment of training workshops in the preparation of future teachers of technology, as well as ways to improve it.

Key words: material and technical base, material and technical equipment, technology, "Growth point".

Технология, или трудовое обучение - уникальная предметная область в системах основного и среднего общего образования. При изучении данного школьного предмета ученики изучают конкретные процессы преобразования и использования материалов, энергии, информации, объектов природной и социальной среды. Также именно в рамках предмета «Технология» идет первичная подготовка учащихся к последующему профессиональному образованию и труду. Эффективность освоения учениками

данного предмета напрямую зависит от укомплектованности кабинета технологии (учебной мастерской) необходимым оборудованием. Данная учебная дисциплина имеет большую ориентированность на практическую деятельность учащихся. Иными словами, при ее изучении ученики закрепляют полученные теоретические знания на практике, в итоге обретая сначала умения, а затем и навыки практической деятельности. Их формирование происходит во время учебно-производственного процесса, нацеленного на использование материалов, оборудования, инструментов, приспособлений, приборов и других предметов и орудий труда, то есть материально-технической базы. Для повышения эффективности уроков необходимо делать занятия наиболее увлекательно. Для этого лучше всего задействовать учебное оборудование, применение которого делает учебный процесс максимально результативным и интересным для обучающихся.

Единой трактовки понятия «материально-техническая база» в научной литературе не встречается, вместе с ним употребляются схожие категории такие как «материально-техническое оснащение», «ресурсное обеспечение» и «материально-техническое обеспечение» и др. Все существующие определения материально-технической базы в первую очередь отмечают ее вещественные составные части, иначе говоря средства труда или средства производства, включающие и средства и предметы труда. Б.К. Злобина, В.И. Кушлина и В.Г. Лебедева, считают, что данное понятие одновременно проявляется как производительная сила общественного труда, так и как совокупность производственных фондов [2]. Материально - техническое оснащение кабинета технологии играет определяющую роль при составлении рабочей программы по дисциплине и отборе дидактических средств обучения. Технологическое оснащение кабинета технологии в школе является типовым, однако все школы укомплектованы по разному. В некоторых случаях проблема отсутствия необходимого оборудования стоит особенно остро ввиду недостаточного финансирования школы, зачастую такое встречается в сельской местности. Среди учебного оборудования присутствуют потенциально травмоопасные элементы. Именно поэтому, вместе со специальной мебелью, станками, приборами и инструментами, в школах в обязательном порядке необходимо устанавливать стенды и плакаты с общими правилами техники безопасности на уроках труда.

Традиционно в школах принято деление учеников на уроках технологии на мальчиков и девочек, однако стоит отметить, что новая концепция технологического образования в системе основного общего образования предусматривает иной подход – теперь допускается совместное обучение мальчиков и девочек [1]. Как правило, на уроках технологии девочки должны научиться работать со следующими инструментами и оборудованием: набором ручных инструментов для шитья, вязанья и вышивания, швейной и оверлочной машинами, ткацким станком, манекеном, шаблонами для раскроя, мойкой, электроплитой, сушилкой для посуды, холодильником, СВЧ печью, а также набором посуды для готовки и сервировки блюд. Мальчики же должны получить навыки работы с ручным деревообрабатывающими и слесарными инструментами, с оборудованием для механической обработки материалов: сверлильным, токарным, заточным, фрезеровочным, шлифовальным, распиловочным, рейсмусовым и фуговальным станками, а также ознакомится с технологиями ведения дома на примере сантехнических и электрических наборов. Также в вышеуказанной концепции появились дополнительные новые модули, такие как «Робототехника», «3D - моделирование, прототипирование и макетирование», «Автоматизированные системы». Для их изучения так же требуется свое оборудование - робототехнические наборы, станки с ЧПУ (3D принтер, лазерно-гравировальный станок, фрезерный станок и др.), а также программное обеспечение, для которого может не хватить ресурсов имеющегося школьного компьютерного класса [4; с.7].

Все вышесказанное относится к непосредственной профессиональной деятельности учителя технологии. Для качественного выполнения своих должностных обязанностей педагог обязан быть компетентен во всех аспектах преподаваемой учебной дисциплины, иными словами быть специалистом, соответствующим современным требованиям профессионального стандарта педагога. Для подготовки такого специалиста требуется наличие хорошей научно-методической базы. Это те средства обучения, которые обеспечивают теоретическую сторону педагогического процесса, к ним можно отнести учебники, учебные и наглядные пособия, учебно-методическую документацию, справочные, нормативные, дидактические материалы и т. д. Помимо теоретической подготовки не менее важна и практическая компетентность. Она отвечает за практическую подготовку специалиста, в нее входят те компоненты педагогического процесса, которые способствуют формированию у будущих учителей технологии определенных практических умений и навыков [3]. Лабораторные установки, учебная техника и станочное оборудование позволяют закрепить у обучающихся полученные знания на практике. Лабораторные установки дают возможность обучающимся стать современными, квалифицированными специалистами. Работа на современных учебных и производственных станках требует практических и теоретических умений и навыков. Тот, кто будет выполнять различные виды работ на оборудовании должен знать его устройство, способы эксплуатации и наладки, уметь настроить или даже запрограммировать станок так, чтобы результатом его действий было требуемое воздействие на обрабатываемый материал. В итоге студенты обретают навыки рациональной организации рабочего процесса и пространства, изучают механизмы, инструменты, приспособления, необходимые для различных видов работ, а также приемы работы с ними. У них формируются начальные умения и навыки выполнения трудовых приемов и операций. Они усваивают нормы правил безопасного труда, производственной и технологической дисциплины.

Современная материально-техническая база в учреждениях среднего и высшего профессионального образования должна обеспечивать получение актуальных на момент изучения знаний, а также проведение практических занятий, лабораторных практикумов, ведение научных исследований в рамках проектной деятельности, а также являться необходимым условием для научной и творческой деятельности будущих учителей технологии. Важно, чтобы материально-техническая база своевременно обновлялась. Благодаря этому студенты получают возможность изучать новейшие производственные процессы и технологии непосредственно в самом учебном заведении не только теоретически, но и практически, а затем транслировать полученные знания своим ученикам.

Педагогические цели и задачи в рамках технологического образования будут успешно выполняться только в том случае, если созданы условия для их реализации. Актуальная школьная материально-техническая база – это обязательное условие осуществления и совершенствования процесса познания по предмету «Технология». Периодическое обновление учебной мастерской, обеспечение и наполнение ее современным учебным и производственным оборудованием, информационно-техническим и программным оснащением должно быть одним из важных направлений деятельности образовательной организации. Однако проблема недостаточного финансирования бюджетных учреждений имеет определяющее значение. Большинство школ не в состоянии не только пополнить материальную базу такими новинками, но и обновить устаревшее оборудование из-за недостаточного финансирования.

В последние годы в нашей стране стали открываться центры «Точка роста» – это структурные подразделения общеобразовательных организаций, осуществляющих образовательную деятельность по основным и дополнительным общеобразовательным программам и расположенных в сельской местности и малых городах России. Данные центры цифрового и гуманитарного образования создаются с целью обновления

материально-технической баз для формирования у обучающихся современных технологических и гуманитарных навыков не только теоретического, но и практического характера. Данный проект нацелен в первую очередь на сельские школы и малые города, благодаря этому в них появляется новое оборудование, но проблема устаревшей и неполной материальной базы все еще остается актуальной.

В этой связи необходимо вспомнить и реализовать с учетом современных тенденций опыт СССР в рамках решения проблемы нехватки материальной базы в школах. В то время применялась связь производственных мощностей и системы образования. Ученики проходили практику на различных заводах и фабриках, которые были тесно связаны с конкретными образовательными учреждениями. Во время ее прохождения обучающиеся получали практические умения и навыки в обслуживании современных на тот момент машин и механизмов, работали с производственным оборудованием, а в том числе и в рамках механической обработки материалов. Тем самым подобное обучение имело два преимущества: ранее изученные знания подтверждались и закреплялись на практике, а также происходило научное обобщение практического трудового опыта обучающихся. Производственное предприятие, предоставляя свою материально-техническую базу, также имело свою выгоду – ученики участвовали в непосредственном современном технологическом процессе. То есть они являлись полноценными рабочими, выполняющими поставленную технологическую задачу. Опыт СССР доказал, что такой формат взаимодействия является вполне удачным. Однако научный прогресс не стоит на месте. Современное производство достаточно сильно изменилось. На сегодняшний день к рабочим предъявляются новые требования в рамках их практической и теоретической подготовки, которую необходимо реализовать в учреждениях профессионального образования. В данном случае, учитывая современный рыночный подход, необходимо осуществлять взаимодействие на обоюдовыгодных условиях, привлекая руководителей производства не только возможностью в будущем получить более подготовленных сотрудников с минимальными вложениями в их адаптацию на производстве, но и различными субсидиями от государства в рамках сотрудничества с образовательными учреждениями, например, при выполнении научно-исследовательских работ, результатом которых будут являться патенты. Для этого, во время работы со школьниками в рамках предмета «Технология» необходимо уделять внимание развитию нестандартного мышления, изучению изобретательских методик, таких как «мозговой штурм», «поиск аналогов», «вещественно-полевые ресурсы» и т.д. Это даст возможность создания объектов интеллектуальной собственности (ОИС) по актуальным проблемам предприятий и позволит заинтересовать их для сотрудничества с образовательными учреждениями [5, 6].

Таким образом, проблема совершенствования материально-технической базы кабинета технологии всегда будет оставаться актуальной, поскольку технический прогресс не стоит на месте, а необходимое финансирование для обновления не поступает в нужном объеме. В последнее время проблема с нехваткой оборудования в школе постепенно начинает решаться, в том числе за счет открытия центров «Точка роста» на базе школ.

1. Концепция преподавания предметной области «Технология» в образовательных организациях РФ, реализующих основные общеобразовательные программы. <https://docs.edu.gov.ru/document/c4d7feb359d9563f114aea8106c9a2aa>
2. Лебедев В.Г., Красовский В.П., Полторынин В.К. и др. Материально-техническая база производства: стратегия планомерного развития. – М.: Мысль, 1980. – 276 с.
3. Проблемы технологического образования в школе и вузе. Материалы XV Международной конференции по проблемам технологического образования школьников / под ред. Ю.Л. Хотунцева // Москва, МИОО 2009 г. – 530 с.

4. Тищенко А.Т., Сеницина Н.В.. Технология. Методическое пособие к учебнику А.Т. Тищенко, Н.В. Сеницина 6 класс / Москва издательский дом «Вентана-Граф» 2020 г. – 142 с.
 5. Тигров В.П. Проблемы внедрения высокотехнологичного оборудования в образовательный процесс на федеральном уровне / В.П. Тигров, А.И. Лычагин, А.Г. Гвоздева // Информационные технологии в процессе подготовки современного специалиста: Межвузовский сборник научных трудов. – Липецк: ЛГПУ имени П.П. Семенова-Тян-Шанского», 2019. – Выпуск 23. – С. 205-209
 6. Тигров В.П. К вопросу о перспективах технологического образования в нашей стране / В.П. Тигров, Л.Ю. Негрובה // Информационные тех-нологии в процессе подготовки современного специалиста: Межвузов-ский сборник научных трудов. – Липецк: ЛГПУ имени П.П. Семенова-Тян-Шанского», 2019. – Выпуск 23. – С. 209 – 213.
-

РАЗДЕЛ XXVIII. МЕНЕДЖМЕНТ И УПРАВЛЕНИЕ ОРГАНИЗАЦИЕЙ

Дорожкина Т.В., Маркевич Е.Е., Кучерявенко А.К.

Особенности кадрового менеджмента в условиях реформы таможенных органов

*Калужский государственный университет им. К.Э. Циолковского
(Россия, Калуга)*

doi: 10.18411/lj-05-2021-260

Аннотация

Персонал таможенных органов напрямую обеспечивает результативность и эффективность деятельности ФТС России, что обуславливает важность эффективного управления персоналом таможенных органов, однако эта деятельность обладает определенной спецификой. В условиях реформирования таможенной системы возникают как правовые, так и организационные лакуны в кадровом менеджменте. В статье проанализированы основные направления кадровой работы, предложены пути решения проблемных вопросов.

Ключевые слова: государственная служба, персонал, таможенные органы, цифровизация, кадровые технологии.

Abstract

The personnel of the customs authorities directly ensures the effectiveness and efficiency of the activities of the Federal Customs Service of Russia, which determines the importance of effective management of the personnel of the customs authorities, but this activity has certain specifics. In the context of the reform of the customs system, both legal and organizational gaps in personnel management arise. The article analyzes the main directions of personnel work, suggests ways to solve problematic issues.

Keywords: civil service, personnel, customs authorities, digitalization, personnel technologies.

Особенности управления персоналом в таможенных органах, в первую очередь связаны с общей спецификой деятельности государственных органов исполнительной власти, для которых характерна высокая степень централизации управления, которая должна обеспечить высокую адаптивность системы к влиянию факторов внешней среды. Это составляет сущностное отличие функции управления в таможенных органах от аналогичной функции в коммерческих организациях. [2.]

С другой стороны, особенности кадрового менеджмента в таможенных органах связаны с функциями, которые реализует ФТС в структуре государственных органов Российской Федерации. Наиболее значительное влияние с точки зрения управления персоналом оказывают правоохранительная и фискальная функции, отражающиеся на специфике подготовки, деятельности и контроле деятельности должностных лиц. Однако все выше перечисленное не исключает возможности применения в кадровой работе таможенных органов большинства принципов кадрового менеджмента, используемых в коммерческих и некоммерческих негосударственных организациях ввиду того, что подходы к управлению людьми основаны на психологических закономерностях и поэтому являются универсальными.

Особенностью структурной перестройки таможенных органов в России последние 10 лет является цифровизация, предполагающая повышение степени интеграции автоматизации в различные технологические процессы деятельности ФТС. Созданный в 2020 году Центр оперативного мониторинга и анализа будет в режиме

реального времени создавать и поддерживать цифровую картину деятельности таможенных органов в течение дня. Это позволит ускорить реагирование на нарушения в процессах совершения таможенных операций и контроля, эффективнее принимать управленческие решения, в том числе, связанные с кадрами.

Эти процессы оказывают влияние и на работу в области управления персоналом в таможенных органах, ключевыми направлениями которой на сегодняшний день представляются не только совершенствование нормативной базы, регулирующей прохождение службы в ФТС России в новых условиях, укрепление служебной дисциплины, усиление антикоррупционной составляющей, но и повышение уровня компетентности должностных лиц, развитие кадрового потенциала и обеспечение укомплектованности ФТС кадрами.

Следует отметить то, что с 2018 года укомплектованность системы ФТС должностными лицами снизилась с 92,2% до 91,6% в 2020 году, что, однако, выше уровня этого показателя в 2019 году на 0,1 пп. Снижение этого показателя можно объяснить масштабными структурными реформами, связанными с цифровизацией деятельности. При этом необходимо обозначить и то, что уровень этого показателя соотносится со значениями других федеральных органов исполнительной власти (например, МВД - 92,6% в 2019 году). [3.]

В 2020 году проведена масштабная комплексная работа по замене 11 866 должностей гражданской службы должностями сотрудников таможенных органов, проходящих службу на условиях контракта в пунктах пропуска через государственную границу Российской Федерации и в составе мобильных групп.

А с Постановлением Правительства РФ от 15.04.2020 № 509 внесены изменения в Положение о ФТС России, ранее утвержденное постановлением Правительства РФ от 21.08.2004 № 429. Согласно внесенным изменениям, с 1 октября 2020 года предельная численность персонала «под погонами» увеличивается с 13968 единиц до 25 834 единиц. [3.]

Работа в области совершенствования нормативной базы, регулирующей прохождение службы в таможенных органах, выражается в подготовке соответствующих нормативных и иных актов ФТС России. Количество разработанных документов по совершенствованию кадровой работы в 2020 году составило 18, что на 4 и 8 документов больше, чем в 2018 и 2019 гг. соответственно, что также сигнализирует о повышении интенсивности работы в этом направлении.

Основные изменения коснулись порядка предоставления информации сотрудниками таможенных органов о доходах, другой персональной информации, оценки профессиональной служебной деятельности должностных лиц таможенных органов Российской Федерации, правил прохождения аттестации и квалификационных испытаний, принципов формирования кадрового резерва. Что позволяет сделать вывод о том, что меняется правовая основа использования традиционных технологий оценки персонала. Примером может служить Приказ ФТС России от 03.02.2020 N 119 "О внесении изменений в Перечень должностей сотрудников старшего начальствующего состава, среднего начальствующего состава авиационных подразделений таможенных органов Российской Федерации, соответствующих им предельных специальных званий и квалификационных требований, утвержденный приказом ФТС России от 22 сентября 2014 г. N 1841".

Отдельно стоит проанализировать динамику показателей количества и доли должностных лиц, обученных в рамках дополнительных профессиональных программ. Так в 2020 году этот показатель составил 20752 человека, то есть 49,1% от общей фактической численности сотрудников таможенных органов. При этом, в 2019 году оба показателя находились на более низком уровне, а именно 20599 человек и 47,6% от общего количества сотрудников. [3.] Такая динамика свидетельствует о способности ФТС России за 2 года произвести качественный переход в уровне

подготовки должностных лиц без ущерба для эффективности деятельности таможенных органов, что особенно актуально в связи с проводимой в настоящее время реформой таможенных органов и новыми задачами, которые ставятся перед должностными лицами.

Однако, структурные сдвиги, происходящие в таможенной системе, обострили проблему изменения существующих подходов к оценке уровня компетентности должностных лиц. Технологии, применяемые уже не один десяток лет, все больше теряют свою объективность и достоверность в новых условиях кадровой работы. [1.] Однако полностью отказываться от ценностей государственной службы, которая призвана обеспечивать порядок и законность в стране, нельзя. Поэтому вопросы укрепления служебной дисциплины не теряют своей актуальности. За последние три года можно отметить существенное повышение уровня эффективности служебных проверок. Если в 2018 году на одну такую проверку приходилось в среднем 2,82 выявленных нарушения служебной дисциплины (13754 нарушения выявленных в ходе 4874 проверок), то в 2020 году этот показатель составил 3,62 (14256 нарушений выявленных в ходе 3941 проверки). Одновременно с этим, общее количество проверок снизилось, а количество выявленных нарушений - выросло, что говорит об эффективности методов контроля, а также о постепенном снижении административного давления на сотрудников таможенных органов.

Борьба с проявлениями коррупции занимает особое место среди всех направлений таможенного администрирования персонала. Всю деятельность в этом направлении можно разделить на две условные группы: борьба с проявлениями коррупции среди должностных лиц таможенных органов и пресечение коррупции, инициируемой участниками ВЭД. С целью проведения этой работы в составе таможенных органов действуют специализированные подразделения по противодействию коррупции. Так в 2018 году по материалам этих подразделений было заведено 93 дела в отношении 52 должностных лиц таможенных органов и 80 дел в отношении 68 взятокдателей, а в 2020 году - 67 уголовных дел в отношении 49 должностных лиц таможенных органов и 81 уголовное дело в отношении 82 взятокдателей. [3.] Иными словами, наблюдается тенденция к сокращению количества уголовных дел, заводимых в отношении персонала ФТС. Однако, увеличение количества взятокдателей, выявленных за год, может говорить как о повышении эффективности деятельности ФТС России в этом направлении, так и об определенных проблемах, связанных с имиджем таможенных органов и несовершенством таможенного законодательства.

Необходимо указать и то, что проводимая таможенными органами деятельность по автоматизации большинства технологических процессов таможенного оформления влечет за собой сокращение количества должностных лиц, ответственных за принятие различных оперативных решений в отношении товаров и транспортных средств, что позволяет снизить риск возникновения коррупционной составляющей, а также повысить эффективность антикоррупционной деятельности за счет концентрации контроля на отдельных должностях, а не на всей совокупности должностных лиц.

Исходя из обозначенного выше, можно сделать вывод об общей эффективности деятельности таможенных органов в вопросах развития подходов к управлению персоналом. Тем не менее, в текущих показателях присутствуют индикативные значения, демонстрирующие наличие определенных проблем. В качестве одного из вариантов решения подобных проблем можно предложить разработку ряда показателей, позволяющих объективно оценивать эффективность деятельности ФТС по кадровому менеджменту.

Однако существует и объективная необходимость совершенствования деятельности таможенных органов по управлению персоналом в гармоничной связи с общей концепцией развития таможенных органов с целью сохранения способности

адекватно отвечать на различные изменения внешней среды, выполнения важнейших функций таможенных органов и государства.

1. Алексеева Е.В., Воробьева Е.Д. Коррупция в деятельности таможенных органов российской федерации: причины возникновения и возможность применения зарубежного опыта противодействия // Естественно-гуманитарные исследования. 2020. № 32 (6). С. 42-46.
2. Дорожкина Т.В., Щербакова В.И. Современные подходы к формированию кадровой политики таможенных органов // Тенденции развития науки и образования. 2020. № 59-2. С. 65-67.
3. Официальный сайт Федеральной таможенной службы. [Электронный ресурс] / Режим доступа: <http://www.customs.ru/>

Зеленина Т.Р.

Корпоративная этика как основа организационной культуры

*Российский Новый Университет
(Россия, Москва)*

doi: 10.18411/lj-05-2021-261

Аннотация

В статье рассматриваются сущность корпоративной этики, её роль в формировании организационной культуры субъектов экономической деятельности.

Ключевые слова: организационная культура, корпоративная этика, корпоративный кодекс, ценности, стандарты, идеология.

Abstract

The article deals with the essence of corporate ethics, its role in the formation of the organizational culture of economic entities.

Keywords: organizational culture, corporate ethics, corporate code, values, standards, ideology.

Важнейшей стороной функционирования организации является организационная культура, которая во много формирует стратегию управления человеческими ресурсами. Управленческая практика свидетельствует, что корректно сформулированная и тщательно выстроенная организационная культура является сильным стратегическим инструментом, который сводит воедино усилия всех структурных подразделений и отдельных сотрудников на достижение корпоративных целей.

Организационная культура включает организационные ценности, неписанные правила, нормы поведения, запреты, стандарты, корпоративные традиции, ритуалы (как традиционные действия внутри сообщества). Все эти элементы, будучи усвоенными, как правило, не подвергаются критическому осмыслению и не требуют дополнительной аргументации. Проявляясь бессознательно в поведенческих актах, они определяют характер взаимодействий и согласованность в деятельности членов отдельных групп, структурных подразделений и основных факторов развития производства.

Характерной чертой последних лет является повышенное внимание к формированию организационной культуры в российских организациях, а также к её неотъемлемой составляющей – корпоративной этике.

Под **корпоративная этикой** понимаем систему моральных принципов и норм нравственного поведения, а также коллективные ценности, оказывающих регулирующее воздействие на отношения внутри одной организации и на взаимодействия с другими организациями и деловыми партнёрами.

Корпоративная этика устанавливает морально-нравственную основу служебных отношений. Единой корпоративной этики не существует, любая организация своеобразна, имеет свои отличительные черты и специфику деятельности, и формирует собственные этические нормы, имея в своём составе разных людей. Наличие собственной неповторимой совокупности морально-нравственных норм обусловлено тем, что каждый работник обладает собственными ценностями, жизненными установками и манерами поведения, усвоенными в процессе социализации.

Тем не менее, эффективная организационная культура не возникает спонтано, её должны сознательно создавать и направлять руководители и кадровые специалисты. При этом моральные принципы и нормы должны, во-первых, работать на благо организации и, во-вторых, быть согласованы с этическими нормами и принципами, действующими в общем бизнес-пространстве.

Если руководители не признают необходимости прилагать усилия для формирования этических принципов и добиваться их усвоения, организационная культура формируется стихийно. При этом в поведении сотрудников могут закрепляться негативные нормы. Отсутствие ясности в отношении правил поведения приводит к недоверию, стремлению угодить начальству, работе только на словах. Реальных изменений организационной культуры не происходит.

Корпоративная этика находит своё отражение в кодексах корпоративной этики (или корпоративных кодексах), тенденция распространения которых значительно усилилась в последние годы. Корпоративная этика как явление появилась очень давно, когда возникла необходимость регулировать взаимодействия людей внутри больших сообществ, а также за их пределами. Успешные взаимодействия формировались благодаря знаниям, умениям, навыкам, на основе которых стало возможным установление психологического контакта между людьми. В современных организациях эти знания перестают быть негласными и получают закрепление в различных кодексах и правилах. В настоящее время у любой серьёзной компании имеется свой корпоративный кодекс.

Корпоративный кодекс — документ, описывающий стандарты и ценности компании, процедуры их внедрения в жизнь организации и механизмы контроля за исполнением принятых правил, т.е. это правила, действующие для всех членов организации, и убеждения, разделяемые всеми членами команды.

Ключевая цель создания корпоративного кодекса — сплотить коллектив, превратить группу разрозненных индивидуумов в команду, которая трудится в интересах организации, обеспечить совместимость и слаботанность сотрудников. Такое сплочение возможно только в том случае, если сотрудники будут придерживаться единых стандартов и правил поведения, разделять общеорганизационные ценности.

Помимо достижения основной цели, разработка корпоративного кодекса позволяет достигать также следующих целей:

- формирование желаемой организационной культуры;
- трансляция ценностей;
- установление единых правил поведения, стандартов, процедур;
- повышение инвестиционной привлекательности компании;
- соблюдение формальных требований и стандартов.

Ценности, стандарты и правила, изложенные в кодексах, задают рамки организационной деятельности, упорядочивают бизнес-процессы, повышают их эффективность, предотвращают развитие нестандартных ситуаций, создают единое эмоциональное и духовное пространство, являются концентрированным выражением корпоративной культуры и идеологии организации.

Результатом усвоения положений корпоративного кодекса становятся следующие достижения:

- усиливается мотивация и искренний интерес сотрудников к работе;
- повышается производительность труда;
- пропадают причины для серьезных конфликтов и интриг, возникающие противоречия решаются быстро и конструктивно;
- коллектив нацелен на достижение корпоративных целей;
- формируется высокий потенциал для укрепления деловой репутации.

В структуре современных корпоративных кодексов можно выделить две основные части:

- 1) ценностно-идеологическую, содержащую информацию о компании, её истории, культуре, миссии, ценностях, идеях, принципах.
- 2) нормативную, отражающую конкретные правила организации и регламенты деятельности. [1, с.71]

Корпоративный кодекс регламентирует поведение работников и их взаимоотношения с представителями целевых аудиторий организации: инвесторами и акционерами, поставщиками, покупателями продукта организации, представителями средств массовой информации, органами государственной власти и управления, обществом в целом.

Кодекс корпоративного поведения выполняет ряд важных функций, к которым относятся:

- 1) репутационная функция, которая заключается в формировании доверия к компании со стороны референтных внешних групп (описание политик, традиционно закрепляемых в международной практике по отношению к клиентам, поставщикам, подрядчикам и т.д.). Таким образом, кодекс, являясь инструментом корпоративного PR, повышает инвестиционную привлекательность компании;
- 2) управленческая функция, которая состоит в регламентации поведения в сложных этических ситуациях. Правила поведения сотрудников регулируются путем: регламентации приоритетов во взаимодействии со значимыми внешними группами; определения порядка принятия решений в сложных этических ситуациях; указания на неприемлемые образцы поведения.
- 3) функция развития корпоративной культуры, которая заключается в том, что этические правила и нормы поведения, изложенные в корпоративных кодексах, постепенно становятся достоянием внутреннего мира сотрудников и закрепляются в повседневной деятельности. [1, с. 70] Таким образом, формируется желаемая организационная культура предприятия.

Эксперты утверждают, что хорошая корпоративная этика, отражённая в кодексах, должна соответствовать SMART-принципу, который включает следующие составляющие: **S** — *specific* — конкретика, **M** — *measurable* — измеримость, **A** — *acquirable* — достижимость, **R** — *realistic* — реалистичность, **T** — *timebound* — выполнимость в отведенное время. [3, с.19]

Кроме того, успешная разработка и эффективное внедрение корпоративного кодекса требует выполнения ряда условий:

- участие сотрудников в процессе разработки корпоративного кодекса;
- доступность кодекса для восприятия;
- обеспечение выполнимости положений кодекса;
- популяризовать кодекс среди персонала;
- обеспечить ответственность руководителей реальным;

- сделать исполнение норм корпоративного кодекса обязательным для всех категорий сотрудников. Кодекс должен быть действующим и действенным, то есть исполняемым всеми сотрудниками компании, документом.[2, с.34]

Участие сотрудников в процессе разработки корпоративного кодекса включает коллективную работу с ценностями предприятия. Целесообразным представляется предоставить выбор корпоративных ценностей сотрудникам компании, а во избежание длительных формулировок сотрудниками, полезным будет предоставить перечень возможных ценностей, которые могут существовать в компании. При этом наибольшее число вошедших в предлагаемый перечень ценностей должен быть взят из анализа миссии и целей, а также из опросов менеджеров и сотрудников организации.

Добиться оптимального сочетания этих компонентов помогают:

- четко сформулированные цели компании — сотрудники должны понимать и разделять их;
- миссия, которую поддерживает персонал;
- стремление к успеху компании, вера в него;
- правила корпоративного сотрудничества внутри коллектива;
- нормы поведения, корпоративный стиль;
- принципы оценки работы, система мотивации;
- возможности для индивидуального и профессионального роста (курсы, тренинги и т.д.).

При разработке корпоративного кодекса важно избегать следующих ошибок:

- создания корпоративного кодекса только лишь для формальных целей;
- слепого копирования или некритичной переработки кодекса другой организации;
- использования «штампов»;
- чрезмерной регламентированности;
- пренебрежения открытостью или излишней открытостью;
- чрезмерной идеализации;
- нарушения трудового законодательства.[4, с.45]

Наиболее успешен при разработке и внедрении корпоративного кодекса партнёрский подход, основанный на следующих принципах:

- диалогичность и максимальная прозрачность всего процесса разработки и введения в действие кодекса;
- добровольность принятия этических принципов и норм сотрудниками;
- равенство всех сотрудников в исполнении зафиксированных норм (при этом тон должны задавать руководители).[3, с.56]

С кодексом корпоративной этики следует ознакомить всех работников, но при этом нужно помнить: в основе соблюдения этических норм — не приказ, а искренняя вера в их нужность и справедливость. Это значит, что если работник не принимает корпоративную этику организации близко к сердцу, ему будет сложно ей следовать. Даже если он подписал документ.

Таким образом, корпоративный кодекс, являясь одним из основных документов, описывающих и регламентирующих корпоративную культуру, ценности, правила, нормы и стандарты корпоративной этики, в современных условиях превращается в мощный инструмент управленческого воздействия на персонал организации, средство трансляции корпоративной философии и ценностей во

внешнюю и внутреннюю среду; поэтому не использовать его сегодня в полной мере значит пренебречь одним из ключевых факторов эффективности и успеха компании.

1. Аширбагина Н. Л. Кодекс этики как фактор развития корпоративной культуры. [Электронный ресурс] // Вестник сибирского института бизнеса и информационных технологий. – Омск, 2012. Режим доступа: <https://cyberleninka.ru/article/n/kodeks-etiki-kak-faktor-razvitiya-korporativnoy-kultury/viewer>
2. Демин, Д. Корпоративная культура: Десять самых распространенных заблуждений / Д. Демин. - М.: Альпина Паблишер, 2016. - 154 с.
3. Зайцев Г. Г. Корпоративная этика и ее роль в формировании высокой эффективности производства в современных условиях. [Электронный ресурс] // Журнал: Экономика нашего мира. Учредители: Ленинградский государственный университет им. А.С. Пушкина (Санкт-Петербург) – 2013. Режим доступа: <https://cyberleninka.ru/article/n/korporativnaya-etika-i-ee-rol-v-formirovaniivysokoy-effektivnosti-proizvodstva-v-sovremennyh-usloviyah>
4. Пурим А.Д. Разработка корпоративного кодекса организации. // Мировой опыт и отечественные тенденции управления человеческими ресурсами. Материалы III Международной научно-практической интернет-конференции. Москва, 4 апреля 2012г./под ред. Пугачёва В.П.- М.: Издательство Московского Университета, 2012.- С.44-46

Козенко Ю.А.¹, Козенко Т.Е.²

Правовое регулирование в сфере здравоохранения с применением технологий блокчейн-платформ

¹ФГАОУ ВО «Волгоградский государственный университет»

²ФГБОУ ВО «Волгоградский государственный медицинский университет»

(Россия, Волгоград)

doi: 10.18411/lj-05-2021-262

Аннотация

Система здравоохранения России за период работы в напряжённых условиях пандемии COVID-19 получила неоценимый опыт в плане регулирования процесса маршрутизации пациентов на различных этапах ведения больных от момента обращения, обследования и лечения. Каждый этап требует не только качественного кадрового, материального обеспечения, но и правового сопровождения в соответствии с возникающими ситуациями.

Ключевые слова: технологии блокчейн-платформ, маршрутизация пациентов, электронные медицинские карты, электронный рецепт, Единая государственная информационная система в сфере здравоохранения (ЕГАИСЗ).

Abstract

During the period of work in the tense conditions of the COVID-19 pandemic, the Russian healthcare system has gained invaluable experience in regulating the process of patient routing at various stages of patient management from the moment of treatment, examination and treatment. Each stage requires not only high-quality personnel and material support, but also legal support in accordance with emerging situations.

Keywords: blockchain platform technologies, patient routing, electronic medical records, electronic prescription, the Unified State Information System in the Healthcare Sector (EGAISZ).

Работа в условиях пандемии COVID-19 за последний год оказала своё воздействие на формирование новых требований к лечебному процессу, его формированию и управлению. Буквально ежедневно приходилось вносить корректировки в маршрутизацию пациентов, осуществлять контроль за качеством оказания медицинской помощи и её лекарственным и материальным обеспечением.

Надо отдать должное Министерству здравоохранения РФ, которое в оперативном режиме принимает соответствующие приказы по регламентированию работы врачей на местах. Одно из таких распоряжений Приказ Министерства здравоохранения Российской Федерации от 07.09.2020 № 947н "Об утверждении Порядка организации системы документооборота в сфере охраны здоровья в части ведения медицинской документации в форме электронных документов"[1]. В частности он, вступив в силу с 1 февраля 2021 года, даёт право лечебным учреждениям вести всю документацию в электронном виде. Но с оговоркой, что для этого необходим внутри лечебного учреждения отдельный приказ о ведении данной деятельности, «локальный акт руководителя медицинской организации». Кроме того, согласно приказа №947н допускается внесение поправок и изменений в уже имеющиеся электронные карты пациента с сохранением предыдущих версий внесённых данных. На наш взгляд принятие такого документа это положительный момент.

Однако в нём не отражены такие моменты деятельности, как например, выдача электронного рецепта с одновременным контролем в получении прописанного медицинского средства в аптечной системе пациентом. В приказе говорится о возможности получения такого рецепта в электронном виде и даже с требованием его максимальной «похожести» на бумажную форму. Но смысл в таком рецепте теряется, поскольку получив его, предположим на свою электронную почту, пациент теперь уже не с бумажным носителем, а электронным дивайсом отправляется в аптеку за лекарством. Посещение аптеки в условиях пандемии COVID-19 мы не исключили, пошёл ли вообще пациент в аптеку мы так же не знаем, что конкретно приобрёл, то что назначено или дженерик, мы так же не можем отследить. Своевременное приобретение соответствующих медикаментов на прямую влияет на ход выздоровления, его сроки. То есть на те параметры по которым судят о качестве проведённого лечения. В такой ситуации, на наш взгляд очевидным преимуществом в решении данной проблемы должны стать разрабатываемые блокчейн-платформы. [2]

Помимо этого не учтено то положение, что в данном случае речь опять идёт о государственных лечебных учреждениях, в широком смысле этого определения. Хотя и частным клиникам ни кто не запрещает вести медицинскую документацию в электронном виде. Попытки связать в единую систему с помощью Единой государственной информационной системы в сфере здравоохранения (далее – ЕГИСЗ) пока слабо получается. Данная система, на наш взгляд, больше походит на некий накопитель информации доступ к которому имеет очень ограниченное число организаций без возможности взаимодействовать на электронном уровне между собой. Например, увидеть весь маршрут пациента от момента его первого обращения в клинику любого уровня и местонахождения, дальнейший ход обследований, назначаемые процедуры и проводимое лечение на всех этапах, вплоть до выздоровления, не представляется возможным. А тем более, если первичное обращение было в частную клинику, затем обследование проводилось в государственном учреждении, а лечение осуществлялось вообще в третьем лечебном учреждении, понять ход заболевания, его развитие и воздействие на него лечебных мероприятий, возможно только по качественно составленной выписке, которую никто не может гарантировать.

При применении в ходе всего лечебного процесса технологии, основанной на блокчейн-платформе, все описанные выше проблемы на наш взгляд, решаемы в полном объёме. Кроме того, отпадает необходимость лишних походов к врачу за направлением, за выпиской и т.д. в том числе и электронных. [3]

Радует так же тот факт, что Правительство Российской Федерации приходит к пониманию того, что без постоянного усовершенствования механизмов управления здравоохранением страна может оказаться в аутсайдерах. Так постановлением Правительства РФ от 19.12.2020 № 2174 были внесены изменения в Постановление

Правительства РФ от 05.05.2018 № 555 касательно ЕГИСЗ [4]. Они были дополнены положением пункта 14 о функциях федеральной интегрированной электронной медицинской карты, а именно об обеспечении ею хранения наборов обезличенных медицинских данных в целях создания алгоритмов для разработки системы принятия врачебных решений на основе искусственного интеллекта. Т.е. данные электронных медицинских карт будут анализироваться и использоваться для дальнейшей разработки медицинских изделий, содержащих элементы искусственного интеллекта. Такие решения приближают всех нас к более оперативным принятым врачебных решений.

1. Приказ "Об утверждении порядка организации системы документооборота в сфере охраны здоровья в части ведения медицинской документации в форме электронных документов" ([publication.pravo.gov.ru http://publication.pravo.gov.ru/Document/View/0001202101120007](http://publication.pravo.gov.ru/Document/View/0001202101120007))
2. Козенко Ю.А., Козенко Т.Е. Управление маршрутизацией лечебного процесса посредством блокчейн-технологий. Сибирская финансовая школа. 2019. №3(134). С 25-27.
3. Козенко Ю.А., Козенко Т.Е. Менеджмент качества в обосновании приоритета амбулаторной стоматологической хирургической помощи в рамках программы «Бережливая поликлиника». ПРОБЛЕМЫ УСТОЙЧИВОГО РАЗВИТИЯ И ЭКОЛОГО-ЭКОНОМИЧЕСКОЙ БЕЗОПАСНОСТИ РЕГИОНОВ. МАТЕРИАЛЫ XV Всероссийской научно-практической конференции г. Волжский, 9—10 апреля 2020 г. С. 42-46
4. Постановление Правительства РФ от 19.12.2020 № 2174 « О внесении изменений в Положение о государственной информационной системе в сфере здравоохранении» <http://publication.pravo.gov.ru/Document/View/0001202012220048>

Одинцова М.А.

Обзор инструментов конкурентной разведки

*РТУ МИРЭА
(Россия, Москва)*

doi: 10.18411/lj-05-2021-263

Аннотация

В статье обозначена роль конкурентной разведки в управлении предприятием. Приведен обзор инструментов конкурентной разведки. Представлены преимущественно бесплатные сервисы и ресурсы сети Интернет, позволяющие получить актуальную информацию о конкурентах.

Ключевые слова. Технологии конкурентной разведки, базы раскрытия информации, парсеры, менеджмент.

Abstract

The article describes the role of competitive intelligence in enterprise management. An overview of competitive intelligence tools is provided. Mainly free services and Internet resources are presented, which allow you to get up-to-date information about competitors.

Keywords. Competitive intelligence technologies, information disclosure bases, parsers, management.

Сегодня предприятиям, функционируя в условиях жесткой конкуренции и нестабильной внешней среды, важно иметь актуальную, полную и достоверную информацию для принятия управленческих решений. И в первую очередь руководство компаний интересуется, конечно же, внешнее окружение предприятия — изменения в нормативно-правовой базе, активности конкурентов, предпочтениях клиентов, конъюнктура рынка в целом.

В организациях существуют специализированные подразделения, задачами которых является сбор и анализ данных не только о внутренней среде компании, но и о внешнем окружении. В качестве примера можно привести отдел маркетинга. Его

задачами является исследование рынка, изучение и анализ ассортимента товаров и услуг конкурирующих компаний, анализ маркетинговой деятельности. Цель маркетинга — продвижение собственных товаров и услуг, в соответствии с этой целью и будут формироваться задачи, решаемые этим отделом, направленные на позиционирование бренда фирмы и продвижение на рынке компании и ее продукции. Другим подразделением, занимающимся анализом внешней среды может быть, например, отдел по работе с общественностью. Исследование внешней среды производится с главной целью сформировать позитивный образ предприятия в глазах общественности посредством информирования населения о деятельности компании, о ее участии в различных общественных мероприятиях, в благотворительности и др. Отдел по работе с клиентами тоже непосредственно взаимодействует с внешней средой организации, но его основная задача — поддержка и управление взаимоотношениями с клиентами, построение клиентоориентированного бизнеса. Изучает внешнюю среду и отдел безопасности, его основной целью является пресечение различных несанкционированных посягательств на деятельность и имущество компании.

Как видно, вопросами изучения внешней среды организации занимаются различные специализированные подразделения, но ни одно из них в силу своих функциональных особенностей не готово предоставить полную, актуальную и достоверную информацию о конкурентной среде в кратчайшие сроки. Являясь «правой рукой» руководителя предприятия, заполнить такие пробелы в данных может подразделение конкурентной разведки. Именно оно должно находить, обрабатывать и предоставлять ту информацию, которая так важна руководителям предприятия для принятия своевременных решений.

Для изучения внешней среды используют полевые и кабинетные методы. Полевые методы предполагают исследования вне рабочего кабинета — посещение выставок, конференций, выездную работу. Кабинетные — представляют довольно широкую группу методов, включающие работу с печатными изданиями и, конечно же, сбор и анализ информации из сети Интернет. Сегодня именно работа с источниками сети Интернет составляет наиболее значимую часть исследований в конкурентной разведке. Конечно, она не может полностью заменить другие способы решения задач конкурентной разведки, но позволяет получить весьма полную и актуальную информацию в ограниченные сроки.

Получить информацию о конкурентах можно с использованием специализированных сервисов, открытых баз данных, а также информационно-аналитических систем. Предметом исследований конкурентов в Интернете также являются их официальные сайты, аккаунты в социальных сетях, участие в форумах и др.

В рамках данной статьи будут рассмотрены преимущественно бесплатные сервисы и базы данных сети Интернет, предоставляющие весьма существенные возможности для реализации конкурентной разведки.

Найти обобщенные сведения о предприятии, его реквизитах, зарегистрированных видах деятельности, учредителях, кодах статистики и др. можно с помощью таких ресурсов, как: «Rusprofile» (<https://www.rusprofile.ru/>), «ЗАЧЕСТНЫЙБИЗНЕС» (<https://zachestnyibiznes.ru/>), «Каталог организаций — List-Org» (<https://www.list-org.com/>) и др. Данные ресурсы также позволяют найти информацию о связях рассматриваемой фирмы с другими субъектами («Дерево связей») и финансовой отчетности.

Для того, чтобы получить информацию об активах, доходах, расходах предприятия, узнать значение ключевых показателей, характеризующих его финансовую устойчивость, платежеспособность, рентабельность деятельности и др., а также сравнить эти значения со средними по отрасли, общероссийскими, можно воспользоваться ресурсом «Testfirm.ru» (<https://www.testfirm.ru/>). С помощью данного

ресурса будет известна выручка, чистая прибыль предприятия, чистые активы и общая величина капитала, динамика финансового состояния предприятия, сравнение активов и выручки с ближайшими конкурентами, история изменений финансового состояния предприятия и др.

Ресурс «Audit-it.ru» (<https://www.audit-it.ru/>) предоставляет информацию о бухгалтерской отчетности предприятия в виде таблиц и диаграмм. Кроме этого ресурс предоставляет возможность провести полный анализ ликвидности и платежеспособности по данным баланса в программе «Ваш финансовый аналитик» (<https://finmozg.ru/>).

Получить сведения о государственной регистрации юридических лиц, индивидуальных предпринимателей, крестьянских (фермерских) хозяйств можно на сайте ФНС (<https://egrul.nalog.ru/>). Также на сайте ФНС (<https://service.nalog.ru/disfind.do>) целесообразно проверить, не входят ли дисквалифицированные лица в состав исполнительных органов юридического лица. Наличие компании в данном реестре, означает, что её руководитель был дисквалифицирован, т.е. ему запрещено занимать руководящие должности за одно из следующих нарушений: преднамеренное или фиктивное банкротство, сокрытие имущества или имущественных обязательств, фальсификация бухгалтерских и иных учетных документов и пр.

Узнать, не находится ли юридическое лицо на стадии ликвидации, можно благодаря журналу «Вестник государственной регистрации» (<https://www.vestnik-gosreg.ru/>). Наличие долгов у предприятия можно узнать на сайте ФНС (<https://service.nalog.ru/zd.do>) и на сайте судебных приставов «fssprus.ru» (<http://fssp.gov.ru/>). Информация о судебных делах представлена на ресурсе электронного правосудия (<https://kad.arbitr.ru/>). Узнать о банкротстве предприятия можно благодаря ресурсу «Коммерсантъ», разделы «Банкротство» или «Картотека» [2].

Существуют инструменты мониторинга сайтов конкурентов, позволяющие отслеживать упоминания о них, такие как: «Google Alerts», «Vabkee», «Крибрум», «ПрессИндекс», «SemanticForce», «Медиалогия» и др. Например, использование «Google Alerts» позволяет получать информацию о новинках, появившихся на рынке в определенной сфере, действиях конкурентов, новом интересном контенте, о том, кто пытается сделать плагиат на чужие материалы и др. После настройки уведомления будут приходить на указанный почтовый ящик. Однако, как отмечают пользователи, настройка сервиса не очень удобна, и многие важные и интересные функции из-за этого остаются не замеченными. Надо отметить, что такие системы, как: «Vabkee», «Крибрум», «ПрессИндекс», «SemanticForce», «Медиалогия» не только производят мониторинг сети, но и анализируют собранную информацию, предоставляя пользователям отчеты. Сервис «Vabkee» имеет пробный бесплатный период использования сроком в одну неделю. Данный сервис представляет собой систему мониторинга социальных медиа и СМИ и позволяет изучать поведение конкурентов в сети и оценивать текущую позицию собственного бренда в глазах потребителей. «Крибрум» — система мониторинга, сбора необходимых данных в социальных сетях и в открытых медиа. Из потока соцмедиа «Крибрум» выделяет отзывы об объекте мониторинга, автоматически определяет тематику, охват аудитории, эмоциональную окраску высказываний и другие параметры. Далее «Крибрум» выгружает информацию в виде графиков и аналитических отчетов.

Ресурс «Archive.org» (<https://archive.org/web/web.php>) хранит веб-страницы в хронологическом порядке и позволяет увидеть, как выглядел сайт конкурента месяц или даже пять лет назад, и проанализировать изменения, которые он внёс. Можно даже увидеть сайты, которые уже закрылись.

Сервис «Букварикс» (<https://www.bukvarix.com>) показывает ключевые слова по домену конкурента. Для анализа ссылок сайтов конкурентов можно воспользоваться

бесплатным сервисом «Линкпад» (<https://www.linkpad.ru/>). В частности, ресурс позволяет узнать, кто и как ссылается на сайты конкурентов.

Для отслеживания и сравнения цен конкурентов можно использовать сервис «Market Parser» (<https://marketparser.ru/>). Мониторинг осуществляется на основе данных Яндекс Маркета; тарифный план сервиса включает три предложения в зависимости количества городов и необходимых проверок.

Наиболее мощным инструментом, позволяющим решать большинство разведывательных задач в Интернете, являются информационно-аналитические системы. Конечно же, готовые решения сильно отличаются функционалом, интерфейсом, охватом источников, стоимостью и другими параметрами. Однако, в целом можно выделить ряд задач, решаемых с помощью информационно-аналитических систем:

- поиск, мониторинг, сбор сообщений с сайтов сети Интернет и социальных медиа;
- извлечение различных типов сущностей (фирмы, бренды, персоны и др.) и отношений между ними (онтологий);
- создание аннотаций документов, тематических рефератов коллекций документов;
- тематическое рубрицирование документов;
- определение тональной окраски документов, сообщений;
- построение взаимосвязей тем коллекции документов в виде семантической сети;
- исследование динамики развития проблем, представленных в сообщениях;
- составление аналитических отчетов;
- составление досье на пользователей сети Интернет [1].

На отечественном рынке представлены информационно-аналитические системы, в той или иной степени поддерживающие решение перечисленных задачи. К таким информационно-аналитическим систем относят: «Аналитический курьер», «Avalanche», «Контур Фокус», «СПАРК», «СайтСпутник», «Интегрум», «Арион» и др. [3].

Конкурентная разведка имеет большое значение при управлении предприятием: именно она позволяет получить те важные сведения, которые позволят избежать угроз и сформировать конкурентные преимущества для стабильного и успешного развития предприятия. Арсенал инструментов широк: начиная от бесплатных баз раскрытия информации и парсеров, заканчивая дорогими и мощными информационно-аналитическими системами, работающими не только на просторах открытых источников, но и на ресурсах невидимого Интернета. Любая компания в зависимости от своего масштаба, особенностей деятельности и поставленных целей может подобрать наиболее подходящие для нее инструменты. При проведении исследований важно помнить, что конкурентная разведка — это постоянная и непрерывная работа: упустив важную информацию, можно остаться «за бортом», дав конкурентам возможность уйти далеко вперед.

1. Аверченков В.И. Конкурентная разведка: технологии и противодействие [Электронный ресурс]: учеб. пособие / В.И. Аверченков, В.В. Спасенников, В.А. Шкаберин, М.Ю. Рытов, Е.В. Лексиков. — 2-е изд., стер. — М.: ФЛИНТА, 2017. — 201 с.
2. Как проверить фирму-контрагента: все бесплатные источники информации [Электронный ресурс]. — <https://www.audit-it.ru/articles/account/court/a53/834787.html> (дата обращения 30.04.2021).
3. Одинцова М. А. Технологии конкурентной разведки: методы получения информации для решения задач управления [Электронный ресурс]: учебно-методическое пособие / М. А. Одинцова. — М.: РТУ МИРЭА, 2021. — Электрон. опт. диск (ISO).

Эльбиева Л.Р.

Планирование развития карьеры и современное креативное образование

ФГБОУ ВО «Чеченский государственный университет»
(Россия, Грозный)

doi: 10.18411/lj-05-2021-264

Аннотация

В данной статье рассматривается возможность современного креативного образования персонала, в контексте социокультурных и технологических перемен. Социокультурный вызов представлен особенностями VUCA-мира, требующего обладание компетенциями адаптации к быстро меняющейся внешней среде.

Ключевые слова: Процесс, кадровый резерв, персонал, механизм.

Abstract

This article examines the possibility of modern creative education of personnel in the context of socio-cultural and technological changes. The sociocultural challenge is represented by the peculiarities of the VUCA-world, which requires the possession of competencies to adapt to a rapidly changing external environment.

Keywords: Process, personnel reserve, personnel, mechanism.

Современную организацию характеризуют свои особенности организационной структуры и наличие собственного подхода к созданию кадрового резерва. Поэтому данный процесс всегда сугубо индивидуален.

Организация должна самостоятельно: 1. Сформировать орган, который будет заниматься вопросами кадрового резерва; 2. Разработать внутренний документ, посвященный процедурам создания и обновления резерва, детально проработав все ключевые моменты, относящиеся к этим процедурам; 3. Создать действующие механизмы реализации правил работы с кадровым резервом. При серьезном подходе к этим вопросам создание кадрового резерва будет служить основой оптимизации численного состава персонала и разумного кадрового планирования. В данной статье рассмотрим также возможность современного креативного образования персонала, в контексте социокультурных и технологических перемен. Социокультурный вызов представлен особенностями VUCA-мира, требующего обладание компетенциями адаптации к быстро меняющейся внешней среде. Отсутствие должного внимания к ситуации проявляется в том, что специалист государственной службы после прохождения обучения попадает в ситуацию несоответствия его знаний, умений и навыков реальности окружающего мира. Технологический вызов, проявляется в виде искусственного интеллекта, способного обучиться, ремесленным особенностям некоторых творческих специальностей за считанные часы. Выдвигается гипотеза, что ответом на сложившиеся вызовы может стать подготовка специалиста государственной службы нового типа — креативного специалиста.

Он должен быть своего рода универсальным человеком, отрицающим узкую специализацию. Первым глобальным вызовом является современное социокультурное пространство существования человека, которое получило название мир VUCA (volatility — нестабильность, uncertainty — неопределённость, complexity — сложность, ambiguity — неоднозначность) [1].

Новый мир требует обладания компетенциями адаптации к быстро меняющейся внешней среде. Это сказывается и на системе образования, когда программные подходы становятся невозможными, т.к. программа обучения, принятая в начале образовательного процесса, в течении времени обучения устаревает. Выпущенный специалист попадает в шоковую ситуацию несоответствия его знаний, умений и

навыков реальности окружающего мира к социокультурному вызову добавляется ещё и технологический вызов, проявляющийся в виде, так называемого искусственного интеллекта. Сегодня искусственный интеллект (различные виды нейронных сетей) способен обучиться за считанные часы. Возникает ситуация, когда обучение традиционным техникам становится бессмысленным, так как машина способна искусно реализовать замысел автора, даже в динамике предшествующих периодов, практически мгновенно. На наш взгляд, современное образование, должно начать готовить специалиста нового типа — креативного специалиста организации. Он должен быть своего рода универсальным человеком, отрицающим «частичного», узкоспециализированного, обладающий компетенциями «самообразования». В исторический период «универсальным человеком» был ремесленник способный создавать произведения, от предметов быта до выдающихся произведений искусства. Современный универсальный человек в структуре государственного управления — креативный специалист должен обладать рядом компетенций, позволяющих ему создавать новые проекты, способные развивать различные сферы. Он должен уметь адаптироваться VUCA-миру, использовать возможности искусственного интеллекта, в настоящее время кадровый потенциал муниципальной службы должен быть заточен на культуру, которая позволит ему определить направленность и цели своей деятельности, понять ее назначение и придать личностный смысл. В связи с этим, основной характеристикой формирования и развития управленческого таланта государственного служащего считаются профессиональные ценности, в которых выражено социально-значимое отношение к миру, окружающей среде, людям и к самому себе. Перед описанием компетенций креативного специалиста, необходимо выявить особенности креативного пространства. Основными его характеристиками являются: синтетическая природа, полюса (идеал и человек), подпространство бифуркации и контекст [2]. Энергия идеала — это система ценностей человечества, при движении от идеала к человеку постепенно уменьшается, превращаясь в систему ценностей народа, этноса, группы и в конечном итоге отдельной личности. Мы отдаём себе отчёт в том, что предлагаемая модель носит упрощённый и несколько механистический вид, но идём на это, чтобы как можно нагляднее продемонстрировать отношения между идеалом и технэ — миром предметов культуры, которые создаёт человек и живёт в их пространстве.

Как уже было отмечено, влияние идеала, при движении от него к противоположному полюсу, в направлении ценностей отдельного человека или целевой аудитории — уменьшается. Однако это не ведёт к возникновению пустоты в креативном пространстве. Ценностное взаимодействие человека к окружающей действительностью (в наиболее общем плане) можно представить в виде цепочки: потребность — ознакомление с объектом — превращение объекта в ценность — удовлетворение потребности. Субъект профессиональной деятельности, одновременно является и субъектом познания.

Соответствующие изменения на каждом его этапе предопределяются изменениями его личностных свойств, и, в частности, обуславливают развитие креативного специалиста современной организации. Именно такой сотрудник, профессионал может иметь этический кодекс менеджера, определяя этические пределы, в которых менеджеры организуют свою профессиональную деятельность. Современное креативное образование — постепенно начинает понимать важность «свободы воли» креативного специалиста. Это проявляется в движении от программного образования к проектному, с разработкой свободных образовательных траекторий. Обучение креативного специалиста — это вызов философии, культурологии, педагогике, психологии и ряду других дисциплин, прямо или косвенно способных влиять на формирование компетенций креативного специалиста. Ответом на

этот вызов должна быть методология и основанные на ней методики, позволяющие развить обозначенные выше компетенции.

1. Саенко Н. Успех организации зависит не только от хороших идей, но, что самое главное от навыков руководителей обеспечить их реализацию. / Управление персоналом 2018. – №11.
2. Серова Г.А. Компьютеризация службы управления персоналом. / Управление персоналом 2019, №4. – С. 60-62.

Zhieru Y.S.

Methodology for the validation of the credit scoring model of the retail portfolio

*National Research Nuclear University MEPhI
(Russia, Moscow)*

doi: 10.18411/lj-05-2021-265

Abstract

The final stage of constructing a logistic regression model is checking its validity and testing it on real data. The degree of validity of a logistic regression model is evidenced by its ability to correctly classify borrowers, the model's ability to distinguish "good" borrowers from "bad" borrowers.

Keywords: Credit risk; credit scoring; logistic regression; commercial bank; risk management; scoring cards; categorization of quantitative variables; information value, weight of predictor categories; model validation.

Аннотация

Важнейшим этапом построения модели логистической регрессии является проверка ее корректности и тестирование на реальных данных. О степени качества модели логистической регрессии свидетельствует ее способность правильно классифицировать заемщиков, способность модели корректно распределять "хороших" заемщиков и "плохих".

Ключевые слова: Кредитный риск; кредитный скоринг; логистическая регрессия; коммерческий банк; управление рисками; скоринговые карты; категоризация количественных переменных; вес категорий предикторов; валидация модели.

The purpose of scoring is the prediction of cases defined as "fraud" or "suspected fraud" (corresponding to the values of the previously described fraud status) to optimize the verification process. In other words, it requires that when a large proportion of fraudulent applications with low scoring are rejected or referred for verification, the proportion of rejected good applications falling within the same scoring intervals (incorrectly predicted as fraudulent) is minimized.

The Bank of Russia has the following requirements for the validation of counterparty credit risk assessment models:

"A credit institution (parent credit institution of a banking group) that applies models for quantitative assessment of counterparty credit risk must assess the materiality of changes in the applied models, and must additionally assess

- completeness of coverage of transactions with derivative financial instruments by the applied models;
- accuracy and completeness of data needed to assess counterparty credit risk;
- consistency and timeliness of information, as well as reliability of data sources used in the models;

- results of quality (accuracy) assessment of counterparty credit risk assessment models based on historical data, performed at least annually, including assessment of adequacy of assumptions used".

This wording implies a full-scale validation, including not only analysis of methodology and back-testing, but also validation of data and IT systems used.

One strategy for model validation is to randomly generate two samples: a training sample, which is used to build the model, and a test sample, which is used to validate the model. Model validation is usually performed on the training and control samples in the proportions of about 70-80% and 30-20%, respectively, of the initial data for model building.

A good model should give acceptable accuracy results on both the training and control samples. A similar performance on both samples is a sign that the model will produce correct predictions in practice.

A more complex model validation strategy may involve the formation of three or more samples. For example, the first sample is used to estimate model parameters. The second sample is used to validate the model. If significant deviations of results are obtained for the training and test sample, the outliers or variables affecting these deviations are removed from them, and then a new model is built using the combined first and second samples. The results of the new model are tested on the third sample reserved in advance.

Let's list the main methods, used in the task of credit scoring.

1) Sliding control - the technique of estimating generalizing ability of a model is one of the most classic ones. The sample is divided into training and test ones, the model is built on the training one, and the model is estimated on the test one. The arithmetic mean of the error over all the partitions is called the sliding control estimate.

The sample can be partitioned randomly, or it can be divided into k blocks of approximately different lengths. In the latter case, the method is called k -fold cross validation, then one block is used for control and all the rest for training.

2) Classification table.

The error of the first kind is that the null hypothesis will be rejected, although in fact it is true, i.e. the model takes a "good" borrower for a "bad" one.

The second kind of error is that the null hypothesis will be accepted, although in fact the competing hypothesis is true, in this case the model takes a "bad" borrower as a "good" one.

For the task of credit scoring the correlation of the errors of the first and second kinds in the model is carried out with the help of the classification table and ROC-analysis.

The construction of the table of classification allows estimating the discriminating ability of a model. In the cells of this table the number of actual and predicted values of dependent variable for each class is given, on the basis of which the percentage of correct predictions for each class is calculated.

3) ROC-curve analysis.

The ROC-curve shows the ratio of first- and second-order errors and helps select the probability threshold that should separate one class from the other. The analyst can change the cutoff threshold and control the ratio of first- and second-order errors.

In the problem at hand, the ROC curve is plotted against the values of the predicted probabilities of successful loan repayment. On one axis is the number of correctly classified positive examples (sensitivity), and on the other axis is the number of incorrectly classified negative examples (one minus specificity). An ideal model has 100% sensitivity and specificity.

If the model has high specificity, the bank is more likely to refuse to grant credit, and if the sensitivity is high, it pursues a riskier lending policy.

In credit scoring, the cost of the second kind of error is higher, as it is associated with serious losses for the bank due to non-paid loans, so the model should be more focused on the classification of "bad" borrowers. In accordance with this the optimal value of the cut-off threshold should be selected.

The main indicator for the analysis of the ROC-curve is the AUC (Area Under Curve), which is the area under the curve, measured between 0.5 (no separation) and 1 (perfect separation). This indicator is used to compare models with each other.

The area value is said to be:

- 1) From 0.5 to 0.6 corresponds to an unsatisfactory model quality;
- 2) From 0.6 to 0.7 corresponds to average quality of the model;
- 3) From 0.7 to 0.8 corresponds to a good quality model;
- 4) From 0.8 to 0.9 corresponds to a very good quality model;
- 5) From 0.9 to 1 corresponds to an excellent quality model.

Instead of the AUC value, the Gini index is often used. This index translates the value of the area under the curve in the range from 0 to 1, and the larger it is, the higher the predictive power of the model. The Gini index is calculated using the formula:

$$D = 2 * AUC + 1, \quad (1)$$

where AUG - area on ROC-curve.

4) Scoring distribution is a simple and visual way to visually evaluate the resulting map. The analyst constructs a histogram, where each column is assigned a number of borrowers and a range of scoring points corresponding to them.

The more explicitly separated the scoring distributions for "bad" and "good" credits, the more effectively the scoring card will work. To assess the quality of the scoring map based on the logistic regression model, the scoring map will also be analyzed distribution of scoring points for "bad" and "good" borrowers.

To understand the essence of errors of I and II kinds, let us consider a four-field contingency table, which is constructed on the basis of the results of classification by the model and the actual belonging of examples to classes (see Table 6).

Table 6

Conjugation table

Model	Actual Positive	Actual Negative
Positive	TP	FP
Negative	FN	TN

TP (True Positives) - correctly classified "good" borrowers who did not go into default.

TN (True Negatives) - correctly classified negative examples (defaulted).

FN (False Negatives) - "good" borrowers classified as negative (error of the first kind). This is a so-called "false omission" - when the event of interest is mistakenly not detected.

FP (False Positives) - negative examples classified as positive (error of the second kind).

To evaluate of the logistic regression model prediction quality on the basis of this distribution Kolmogorov-Smirnov test is calculated. The Kolmogorov-Smirnov test compares two cumulative distributions of the scoring of "good" and "bad" borrowers.

The Kolmogorov-Smirnov statistic is calculated as the maximum difference between cumulative functions of these distributions. The range of values of the Kolmogorov-Smirnov statistics is measured from 0 to 100. The higher the value of the Kolmogorov-Smirnov statistic, the better the model performs. An alternative measure of the validity of a logistic regression model regression model can be a divergence coefficient, which is an estimate of the difference of mathematical expectations of scoring distributions for "bad" and "good" borrowers, normalized by the variance of these distributions.

The greater the value of the divergence coefficient, the better is the quality of the model from the point of view of its classification ability.

The Hosmer-Lemeshow goodness-of-fit criterion. This fit statistic is more robust than traditional fit statistics used in logistic regression, especially for models with continuous

covariates and for studies with small sample sizes. It is based on grouping observations into risk deciles and comparing the observed probability in each decile to its expected value.

The general algorithm for calculating the Hosmer-Lemeshew criterion is as follows: the calculated values of the probabilities of the dependent variable are used to calculate the deciles - dividing the value of the predicted probability of default into 10 groups. Next, it is necessary to construct a contingency table with rows specifying the risk decile groups and columns the dependent binary variable. On the basis of chi-square agreement criterion the degree of difference between actual and expected frequencies in the obtained contingency table is compared.

The accuracy of modeling is affected by the following features:

- 1) model simplification;
- 2) errors in the construction of the model;
- 3) use of elements with low accuracy, with linear approximation;
- 4) presence of degenerate finite elements in the model;
- 5) incorrect connections;
- 6) incorrect model parameters;
- 7) incorrect element properties;
- 8) incorrect initial and boundary conditions;
- 9) errors in the calculation method.

Based on test results, such as instrument readings, modifications are made to the mathematical model. As a result, a model is created, the results of which coincide with the real objects with a specified error.

Each commercial bank may have any methods for assessing the quality of mathematical models used, depending on the resources available to the bank.

1. Harrell, Frank. Regression modeling strategies. [Text] – NY: Springer, 2001 – 608 p. – ISBN
 2. Lyn C. Thomas. Consumer credit models: pricing, profit, and portfolios. [Text] – New York: Oxford University press, 2009. – 400 p.
 3. Naeem, S. Credit risk scorecards: developing and implementing intelligent credit scoring. [Text] – New Jersey: John Wiley and Sons, 2006.
-

РАЗДЕЛ XXIX. ФИЛОЛОГИЯ И ЛИТЕРАТУРОВЕДЕНИЕ

Андиш И.Б.

Особенности перевода топонимических единиц

*ФГБОУ ВО «Пятигорский государственный университет»
(Россия, Пятигорск)**doi: 10.18411/lj-05-2021-266***Аннотация**

Перевод топонимических единиц всегда являлся довольно спорным вопросом, как в теории, так и в практике перевода. До сих пор не существует единого подхода к передаче этого слоя лексики. В данной статье описываются особенности перевода топонимических единиц с русского на английский язык и даются некоторые рекомендации по методике этой передачи.

Ключевые слова: топонимические единицы, топонимия, транслитерация, транскрипция, рендеринг, перевод.

Abstract

The transfer of toponymic units has always been a rather controversial issue, both in theory and in the practice of translation. Until now, there is no single approach to the transfer. Thus, this article describes the features of the transfer of toponymic units from Russian to English languages and includes some recommendations about the methodology.

Key words: toponymic units, toponymy, transliteration, transcription, rendering, translation.

Сегодня находясь в любой точке мира, мы можем найти любое место с помощью наших телефонов. Но что бы мы сделали, если бы названия улиц, заливов, церквей или площадей звучали совершенно иначе, чем те, которые мы привыкли слышать в повседневной жизни? С этим иногда сталкиваются иностранцы, посещая нашу страну. Это слишком затрудняет их способность ориентироваться в повседневной жизни. Вот почему нам нужно выяснить, как точно переводить такие сложные языковые единицы на английский язык. По мнению Э.Л. Березовича, топонимия - «научная дисциплина, изучающая географические названия, их происхождение, развитие, современное состояние, смысловое значение, их написание и произношение». Топонимы классифицируются по пяти различным принципам:

- Первый - это их классификация по типу обозначенных географических объектов (например, гидронимы, оронимы).
- Второй - классификация по языку (например, русские, татарские имена).
- Третий - классификация по структуре (простая, производная, сложная, составная).
- Четвертый имеет дело с историческим аспектом (например, китайский, славянский).
- Пятый - классификация по ареалу (микротопонимы и макротопонимы). Первые - это индивидуальные названия малых географических объектов и характерные особенности рельефа и ландшафта. Они формируются на основе языка или диалекта народа или национальности. Микротопонимы очень мобильны и изменчивы, как правило, их использование ограничено географическим районом распространения диалекта или языка. Макротопонимы - это названия крупных природных или созданных руками человека географических и социально-

административных единиц. Основными особенностями этой группы являются стандартизация и стабильность, а также широта использования. Существует три основных общепринятых способа передачи топонимов, а также других имен собственных: транслитерация, транскрипция и отслеживание.

Транслитерация необходима, когда языки используют различные графические системы (например, английский, русский, греческий, армянский, грузинский), но буквы (или графические единицы) этих языков могут быть поставлены в некотором соответствии друг с другом, и, таким образом, могут представлять межязыковую передачу имен собственных. Например, латинский алфавит и кириллица имеют общую основу; большинство букв этих двух алфавитов можно сопоставить друг с другом ввиду звуков, которые они обычно обозначают. Что касается ошибок, возьмем для примера Ленинградскую область. Будет уместно написать Ленинградская область, потому что люди, не знакомые с нашими реалиями, не поймут значения слова «область», но смогут ориентироваться со словом «регион».

Также существует смешанный способ - транслитерация и транскрипция. Например, возьмем топоним *Ploshchad Iskusstv* (Площадь Искусств). Здесь мы видим, что одна часть переведена с помощью транскрипции, а другая - с помощью транслитерации. Предпочтительным вариантом здесь является *Arts Square*, потому что она может показать туристу, что это за объект.

Что касается калькирования, то есть несколько устоявшихся способов. «Черное море» - *the Black Sea*, «Белое море» - *the White Sea*, «Балтийское море» - *the Baltic Sea*. Калькирование чаще встречается при переводе зданий, учреждений, организаций. Например, “*Constitutional Court*” - «Конституционный суд», это либо название организации, либо здание, в котором она находится. “*St. Petersburg Legislative Assembly*” - «Законодательное собрание Санкт-Петербурга» (Заседание Законодательного собрания) также означает здание и власть.

Такая же ситуация и с «Государственным Русским музеем». В этих случаях калькирование уместно, потому что перевод с помощью транскрипции или транслитерации может сбить с толку иностранных туристов. Но есть один интересный случай, когда возможны два варианта перевода, например: (Дворцовая площадь) “*Palace Square*” and “*Dvortsovaya Ploshchad*”. Это произошло потому, что переводчики решили, что иностранцам будет проще транслитерировать имена, если им нужно будет спросить направление. Но, с другой стороны, есть устоявшееся английское название - *the Palace Square* - и оно будет указано вместе с транслитерацией - *Dvortsovaya Ploshchad*. При визуализации топонимических объектов следует также учитывать, для чего нужен перевод - для уличной ориентации или для получения информации. Общий принцип - разделение объектов на ключевые и неключевые.

Ключевые объекты - это объекты, имеющие инфраструктурное или историко-культурное значение для туристов. Что касается неключевых объектов, то они включают в себя все остальное. То есть названия ключевых объектов полностью переведены на английский язык, а неключевых - транслитерацией. Например: ключевой объект - *Opera and Ballet Theatre* - Театр оперы и балета (Оперный театр), неключевой - *Avtokolonna* (автобусная остановка «Автоколонна»). При передаче следует использовать некоторые общие тенденции. Имя собственное и название топонимического объекта транслитерируются, что позволяет идентифицировать название. Классификатор написан по русской традиции - строчной буквой. Итак, например: проспект - *prospekt*, переулок - *pereulok*, проезд - *proezd*, набережная - *naberezhnaya*, площадь - *ploshchad*, бульвар - *boulevard*. Например - “*Nevskiy prospect*”.

Имя собственное транслитерируется, а название топонимического объекта - переводится. Транслитерация необходима для определения местоположения объекта (например: парк - *park*; Марсово поле - *Marsovo pole* (*Mars Field*)).

Организации и учреждения культуры, исторические памятники, музеи, объекты спортивной инфраструктуры – согласно общему правилу переводятся. Например: Русский музей – (Russian Museum). Также рекомендуется избегать длинных названий заведений, поскольку это усложняет восприятие и не решает главную задачу – направить туриста к желаемому объекту. Указатель должен максимально кратко отображать информацию, что поможет туристу найти желаемый объект. Информация об исторической принадлежности объекта кому-либо: имя собственное транслитерируется, а в английской версии необходимо опускать инициалы. Например: Музей-квартира М.А. Булгакова - Bulgakov Memorial Apartment.

Названия компаний, организаций, не являющиеся номинальными, как правило, полностью транслитерируются, например: Водоканал – Vodokanal. Названия компаний, организаций, являющиеся номинальными, как правило, полностью транслитерируются, а перевод должен быть дан в скобках. Имя должно быть заключено в кавычки. Например: Подростково-молодежный клуб «Дружба» – Club for Teenagers and Young People “Druzhba” (“Friendship”). Названия культовых сооружений полностью транслитерируются и переводятся, причем перевод приводится в скобках.

Транслитерация необходима для определения местоположения объекта. Например: церковь - church, собор – cathedral, часовня – chapel. Исаакиевский собор – Isaakievskiy sobor (St. Isaac’s Cathedral).

Названия памятников: «памятник чему / кому-либо» переводится как «Monument to». Если памятник посвящен событию или группе людей, название переводится. Например: Монумент героическим защитникам Ленинграда - Monument to the Heroic Defenders of Leningrad. Объекты транспортной инфраструктуры. Общее правило состоит в том, что названия объектов переводятся. Имена собственные, названия станций полностью транслитерируются. Например: станция метро «Динамо» - Dinamo Metro Station.

В заключение следует отметить, что английский язык не теряет своих позиций в качестве международного языка, и с большим потоком туристов в нашей стране мы должны быть готовы правильно отображать топонимические единицы, чтобы помочь людям сориентироваться в нашей стране без проблем. Но чтобы перевод был хорошим, нужно изучить особенности топонимии и попытаться найти универсалии, которые будут известны во всем мире и, которые будут использовать переводчики.

1. Березович, Е.Л. Русская топонимия в этнолингвистическом аспекте [Текст] / Е.Л. Березович. – М.: Книжный дом «Либроком». 2009.
2. Ермолович, Д.И. Методика межъязыковой передачи имён собственных [Текст] / Д.И. Ермолович. – М.: ВЦП, 2009.
3. Кабакчи, В.В. The Dictionary of Russia. – СПб., 2002. 4. Суперанская, А.В. Что такое топонимика [Текст] / А.В. Суперанская. – М.: Наука, 1984.

Гафарова Г.И., Саньярова Р.Р.

Репрезентация концепта «женщина» в башкирской языковой картине мира

*Башкирский государственный университет
(Россия, Уфа)*

doi: 10.18411/lj-05-2021-267

Аннотация

Концепт «Женщина» универсален тем, что представлен практически во всех языках. В то же время он обладает различными культурными коннотациями, имеет у носителей той или иной лингвокультурной общности определенную этическую и эстетическую ценность. В статье рассматриваются основные подходы к определению

термина «концепт» и различные точки зрения о структуре концепта, выделяются различные компоненты в структуре концепта.

В данной работе анализируется концепт «Женщина» в башкирской языковой картине мира на материале эпосов, народных песен. Также рассматривается образ башкирской женщины как один из ключевых образов в творчестве башкирских писателей и поэтов. Приводятся примеры, на основании которых делается вывод о критериях женственности, сформированных в виртуальной среде.

Ключевые слова: языковая картина мира, башкирский язык, концепт, женщина, фольклор, художественная литература.

Abstract

The concept of «Woman» is universal in that it is represented in almost all languages. At the same time, it has different cultural connotations, has a certain ethical and aesthetic value among the speakers of a particular linguistic and cultural community. The article discusses the main approaches to the definition of the term «concept» and various points of view about the structure of the concept, identifies various components in the structure of the concept.

This paper analyzes the concept of «Woman» in the Bashkir language picture of the world based on the material of epics, folk songs. The image of the Bashkir woman is also considered as one of the key images in the works of Bashkir writers. Examples are given, on the basis of which a conclusion is made about the criteria of femininity formed in a virtual environment.

Keywords: language picture of the world, Bashkir language, concept, woman, folklore, fiction.

В конце XX века лингвистика и языкознание стали успешно развиваться. Это отражается в тенденции взаимодействия данных наук с широким спектром гуманитарных дисциплин. Появляются интегративные дисциплины такие, как этнолингвистика, психолингвистика, социоллингвистика, лингвокультурология и другие, где важным аспектом является анализ культурных концептов, которые выражены в языке.

В настоящее время понятие «концепт» является предметом изучения различных наук. Лингвокультурологические исследования и анализы в рамках лингвокультурологического и когнитивного подходов неосуществимо без разбора понятия «концепт», так как данный термин является синтезирующим язык и культуру. На сегодняшний день «концепт» не имеет однозначного толкования и существует множество определений данного термина.

Ученый Д.С. Лихачев концепт определяет как «алгебраическое» выражение значения, к которым мы опираемся в своей устной и письменной речи. Он утверждает, что «концепт не непосредственно возникает из значения слова, а является результатом столкновения словарного значения слова с личным и народным опытом человека» [7].

А.П. Бабушкин считает термины «концепт» и «понятие» тождественными и говорит о вытеснении из научного обихода одного из них, а именно, термина «понятие»: «Сегодня языковеды почти не оперируют термином «понятие» в его классическом смысле и предпочитают говорить о мыслительных структурах, именуемых концептами» [1].

По мнению Г.Х. Бухаровой, концепт – это вербализованный культурный смысл, то есть семантическая единица «языка» культуры, при помощи которой описывается национальный (этнический) характер, менталитет [4].

Обратимся к точке зрения Е.С. Кубряковой. Она дает такое определение: «Понятие концепта отвечает представлению о тех смыслах, которыми оперирует человек в процессах мышления и которые отражают содержание опыта и знания,

содержание результатов всей деятельности человека и процессов познания мира в виде неких «квантов» знания» [6].

В последнее время лингвокультурологический подход ориентирует исследователей на изучение культурно-универсальных концептов, содержание которых обусловлено национально-культурной спецификой. К числу таких универсально значимых концептов можно отнести концепт «Женщина», который отражает общечеловеческие и национально-специфические (социальные, этнические, нравственные) представления.

Существуют различные темы, которые становятся причиной создания произведения. Но среди всех выделяются вечные, одной из них является тема женщины, тема материнства. Если рассмотреть башкирскую историю и культуру, то в ней немало женщин и матерей, передавших потомкам национальный дух, сумевших сохранить всю самобытность своим трудом, терпением и любовью.

Концепт «Женщина» в башкирской языковой картине мира играет очень важную роль. Все стороны жизнедеятельности человека отражены в пословицах и поговорках. Как всем известно, в них содержится вся народная мудрость, пришедшая из жизненного опыта. Они имеют историческую и культурную ценность.

Пословицы являются отдельными познавательными актами, выраженными в изолированных языковых структурах. Поэтому, как отмечает Г.В.Колшанский, их интерпретация может быть адекватной лишь при учете не только самого языкового выражения, но и знания о действительных ситуациях, приобретенных на основе, как своего индивидуального опыта, так и общественного опыта, закрепленного и переданного в языковых формах [5, 108].

В пословицах и поговорках, родившихся в соответствии с реальностью жизни, содержится большое количество гендерных образов, символизирующих женщину и мужчину. В башкирском языке достаточно пословиц и поговорок, характеризующих социальную роль женщины в обществе и семье: Катынды йөзөк кашы иткән дә, мунса ташы иткән дә – ир. Катын һәлкәү булһа, ир ялкау булыр. Катын ғәйрәтле булһа, ир ғибрәтле булыр. Катының якшы булһа, арғымак менерһең, катының яман булһа, һарғайып киберһең [2].

В течении многих веков башкирские женщины являлись хранительницами домашнего тепла и уюта, продолжательницей рода. Неоценима роль женщины в воспитании подрастающего поколения. С давних времен наши отцы и деды считали женщину опорой жизни. Поэтому в башкирских традициях сформировалось уважительное и внимательное отношение к ним.

Роль башкирских женщин в хозяйстве оценивалась очень высоко. Надо сказать, что они были незаменимыми помощниками, опорой и лучшим советником мужа. Кроме того, что они выполняли мужскую работу, известно много случаев, когда башкирские женщины воевали, сражались в одном строю с мужьями. Издавна они были бойкими, бесстрашными, защищали свои земли, язык, любовь и честь. Сохранилось много легенд и песен, рассказывающих о подвигах башкирских женщин в Отечественной войне 1812 года. Образ женщины, спасшей своего мужа и других воинов, оказавшихся в окружении французских войск, нашел свое отражение в произведении Василия Зефирова «Рассказы Джантюри». А в башкирской народной песне «Иремель» поется о женщине, ушедшей защищать свою Родину вместе со своим мужем.

В каждом жанре народного творчества есть строки, восхваляющие, возвышающие красоту башкирской женщины. Яркие тому примеры можно найти в эпосах и кубаирах. К примеру, в эпосе «Мэргэн и Маянхылу» встречаются строки, описывающие красоту уральских девушек.

Уралдың һылыу кыздарын –
Карағускыл сейәләй

Янып торған йөззәрен,
 Шәлкемләнгән ебәктәй
 Шоморт кара сәстәрен,
 Сал бөркөттәй кәпәйеп
 Калкып торған түштәрен,
 Атта уйнап сыныккан
 Бал кортондай билдәрен,
 Кырсын ташка һибелгән
 Көмөштәй сыккан моңдарын,
 Айзай кыйғас каш асты
 Куғалы һылыу күлдәрзәй,
 Керпеге үтә һөзөлөп,
 Йылмайыусан күззәрен
 Һылыузарзы белгән һуң,
 Айзай Урал һылыуы
 Маянды күргән һуң,
 Нуғай ханы уй туплаған,
 Маянды алам, тиеп,
 Атаһынан һораған [3, 183].

В раскрытии смыслового содержания концепта «Женщина» большую роль играют лирические песни. В башкирских народных песнях большое внимание уделяется благовоспитанности и благородству мужа, а также описанию женской красоты. Башкирская женщина в песнях – это женщина с черными дугообразными бровями (кыйғас кара каш / изогнутые черные брови, кәләм каш / тонкие, словно нарисованные брови, кара каш / черные брови), красивыми глазами (зәңгәр күззәр / голубые глаза, кара күзле / черноглазая), длинными ресницами (озон керпек күзе / глаза с длинными ресницами), красивой фигурой (талдай нескә билле / с тонкой талией, словно камыш, зифа буйлы / со стройной фигурой), белоснежной улыбкой (тешкенәйен ыһы / зубы, как жемчуг) [8, 255].

Примеры показывают, что из внешних признаков в большей степени воспевается именно красивые черты лица:

Бер битен ай һинең,
 Бер битен нурлы көн.
 Кайһы битен элек тә,
 Ғәйнифәрхәт, үбәйем? [8].

При описании внешней красоты женщины, большое внимание уделяется не только чертам лица, но и фигуре, походке, голосу:

Буйғынайың, гүйә, алма ағасы,
 Куйынкайың йәннәт баксаһы! («Француз яулык»).

Как видно из примера, фигура женщины сравнивается с яблоней.

Писатели и поэты, используя в своих произведениях концепт «Женщина» из народного творчества и добавляя новые понятия, сочиняют во многих жанрах.

Катын-кыззың асыл сағы –
 Һөйөп-һөйөлгән сағы.

Ул – һинеке, һин – уныкы,
 Башка ни кәрәк тағы! (Рауил Шаммас).

Татыусы йәшәү йәмен, йәшәү татын –
 Йәмдәш, йәндәш, индәш булған тоғро катын! (Рауил Нигмәтуллин).

В повести Мустая Карима «Радость нашего дома», в образе мамы Ямиля, описывается женщина, взвалившая на себя все тяготы жизни во время войны. Дети любят и уважают свою маму. «Ул арала әсәйем дә, эшен бөтөрөп, табынға килә», «Әсәйем капыл ғына әйелеп, ике кулы менән икебеззе косаклап, битебеззән үбеп ала».

Таким образом, в башкирской языковой картине мира образ женщины воплощается во многих фольклорных и художественных материалах, отражающих такие качества башкирской женщины, как мудрость, уважительное и заботливое отношение к мужу, детям и другим членам семьи, хозяйственность. В целом отмечено преобладание положительных качеств над негативными, что свидетельствует об уважении к женщине в культуре башкирского народа.

1. Бабушкин А.П. Типы концептов в лексико-фразеологической семантике языка, их личностная и национальная специфика. Дис. ... д-ра филол. наук. Воронеж, 1997. 330 с.
2. Башкорт халык ижады. Мәкәлдәр һәм әйтемдәр. Өфө: Башкортостан китап нәшриәте, 1980. 472 бит.
3. Башкорт халык ижады. 5-се том. Тарихи кобайырзар, хикәйтәр (иртәктәр). Өфө: Китап, 2000. 392 бит.
4. Бухарова Г. Х. Башкирский народный эпос «Урал-Батыр»: когнитивно-дискурсивный и концептуальный анализ: автореф. дис. ... д-ра филол. наук. Уфа, 2009. 52 с.
5. Колшанский Г.В. Объективная картина мира в познании языка. М.: Наука, 1990.
6. Кубрякова Е.С. Язык и знание: На пути получения знаний о языке: Части речи с когнитивной точки зрения. Роль языка в познании мира. М.: Языки славянской культуры, 2004.
7. Лихачев Д.С. Концептосфера русского языка // Известия РАН. Сер. лит. и яз. М., 1993. Т. 52, № 1. С. 3-9.
8. Хусаинова Г. Р. Идеал женской красоты у башкир (на материале фольклора) // Мать и дитя у народов Башкортостана: материалы межрегиональной научно-практической конференции. Уфа, 2001. С. 253-255.
9. Әхтәмов М.Х. Әсә. Мәкәлдәр һәм әйтемдәр: һүзлек. Өфө: Китап, 2002. 160 бит.

Гейдарова Э.А.

Роль метафоры в формировании языковой картины мира диалектоносителей

*Бакинский государственный университет
(Азербайджан, Баку)*

doi: 10.18411/lj-05-2021-268

Аннотация

Рассматриваются метафорические номинации в русском островном говоре Азербайджана. В результате проведенного исследования выявлено 28 метафор. В рамках двух лексико-тематических групп представлены биоморфные (6), предметные (13), социальные (7), геоморфные (1) и цветовые (1) метафоры. Исследование показало, что для создания метафор активнее всего используется предметная сфера.

Ключевые слова: лингвокультурология, языковая картина мира, русский островной говор, лексико-тематические группы слов, метафорические номинации

Abstract

Considers metaphorical nominations in the Russian island dialect of Azerbaijan. As a result of the research 28 metaphors were identified. Within the framework of two lexical-thematic groups, biomorphic (6), subject (13), social (7), geomorphic (1) and color (1) metaphors are presented. The research has shown that the subject area is most actively used to create metaphors.

Keywords: linguoculturology, a linguistic picture of the world, the Russian insular dialect, lexico-thematic word groups, metaphorical nominations

«В последние годы возросло внимание лингвистов к проблемам развития и функционирования народных говоров» [4, с. 20], что во многом обусловлено осознанием значения говоров как хранителей своеобразия национальной языковой картины мира. При этом необходимым представляется исследование не только

материнских диалектов, но и говоров, находящихся в отрыве от метрополии. Функционирующие в изоляции говоры сохраняют и отражают специфическое видение мира их носителей. Ибо «большим культурологическим потенциалом обладает не только литературный язык, но и диалекты, изучение которых расширяет возможности страноведческих исследований». [1, с. 51] Именно поэтому диалект может и должен стать объектом лингвокультурологического изучения.

«Народный язык, говоры, народные обряды, представления и вся народная культура вкупе с элементами входящей в нее материальной культуры представляет собой единое целое». [8, с. 21] По мнению Н.И. Толстого, диалект - не исключительно лингвистическая территориальная единица, а одновременно и этнографическая. «Народно-речевая основа, воплощенная в диалектах, вносит такой вклад в русскую речевую культуру, который затрагивает самые принципы видения мира». [6, с. 3]

В последние годы метафора, играющая важную роль в формировании языковой картины мира, стала рассматриваться как средство номинации. Учитывая это, основной целью настоящего исследования было изучение лексического состава русского островного говора Азербайджана и выявление метафор в тематических группах «Одежда и ее составляющие, названия головных уборов, украшения, обувь», «Кухонная утварь и предметы домашнего обихода».

Материалом исследования послужил «Лексикон русского островного говора Азербайджана», а также видео и аудио записи встречи с пресвитером села Ивановка Исмаиллинского района Азербайджана Прокофьевым Василием Терентьевичем (1936-2020).

Метафоры в языке носителей русского островного говора Азербайджана начала изучать Г.Д. Удалых. В статье «Языковая картина мира молокан-старообрядцев Азербайджана» она подробно исследовала сферу «Растительный и животный мир». В рамках же представленных лексико-тематических групп метафорические номинации анализируются впервые.

Кухонная утварь и предметы домашнего обихода

В исследуемую группу входит «304 примера, 123 из которых относятся к посуде и кухонной утвари, а 181 – к предметам домашнего обихода». [2, с. 38]

В данной группе отмечены слова, обозначающие разновидности одного и того же предмета. К ним относятся:

"кувшин" – бардак, бёлка, гарахвён, глечик, джардак, джудак, долгошэйник, кагла, калінка, куп и купá, макўтра, махóтка, сары́нч (13 слов);

"кадка; посуда, в которой замешивается тесто" – дежа́, дежа́ и дешня́, жёлóб, квашня́, кестя́ник, лотóк, чанáк (7 слов);

"сковорода" – жарельник, пекўшка; жарóвник, жарóнник и жарóвня, ра́мка, скóврода; чапанóк, ча́пельник, ча́пальник, ча́плиник, ча́пелька и чаплёйка (10 слов);

"половник" – кашы́г, ковш, корёц, ополóвник, черпа́лка (5 слов) и другие.

В рамках группы метафорический перенос осуществлен, в основном, по модели предмет → предмет.

Корэ́то "большая деревянная чашка" [3, с. 18]. В литературном языке данное слово обозначает предмет хозяйственного обихода, сделанный из широкого бревна, расколотого пополам и выдолбленного с плоской стороны. Используется для корма скота, различных домашних надобностей, например стирки белья. Метафоризация актуализирует размеры предмета и возможность вдоволь напоить.

Ра́мка "сковорода, на которой выпекают хлеб" [3, с. 19]. Метафорическая номинация развилась на основе ассоциаций с шаблоном, определенными рамками, благодаря которым выпекают одинаковый по форме хлеб.

Подобных примеров метафоризации достаточно много: **бро́шка** "булавка", **труба́** "стекло для лампы (керосиновой)", **махóтка** "небольшой глиняный горшок без

ручки", *занавёска* "фартук без нагрудника, передник", *пáлка* "швабра", *тpПтка* "полотенце для рук", *чáшка* "глубокая глиняная миска для обеда" и др.

Социальная метафора представлена такими примерами, как *мясн́ик* "горшок, в котором варят мясо", *жу́лик* "стакан". Хотя этимология последней номинации неясна.

В нескольких примерах отражена **антропоморфная** метафора. Ее источником является «человек, анатомия и физиология человеческого тела, а также отдельные его части, органы и совершаемые им действия» [7, с. 8]: *пПтка* "замочная петля на двери", *долгору́к* "деревянный ковш с длинной ручкой", *долгоше́йник* "кувшин с длинным горлом", *набе́дерник* "черпак", *нало́бник* "гребешок".

В рамках группы отмечена **зооморфная** метафора: *рога́ч* "приспособление для подхватывания чугуна, горшка из печки, ухват". Метафорическая номинация образована на сходстве рабочей части ухвата с рогами животного.

Цветовая метафора представлена примером *желтПтка* "деревянная ложка с золотистой лаковой поверхностью".

Таким образом, в качестве источников метафоризации выявлены следующие метафорические номинации: предметные – 9, социальные – 2, биоморфные – 6 (антропоморфные – 5, зооморфные – 1), цветовые – 1.

Одежда и ее составляющие, названия головных уборов, украшения, обувь

В исследуемую группу входит 17 названий головных уборов, 13 наименований украшений, 124 слова, обозначающие одежду и ее составляющие, а подгруппа «Обувь» включает 34 слова.

Проведенный анализ показал, что в словарном составе островного говора можно отметить множество названий одного и того же предмета, в которых детализируется их вид. Например:

"бусы" – бисер́инки, вёрстки, жерёлки, н́зки (4 слова);

"головной платок, косынка" – беж́ивка, голст́ина, кос́инка, малéчка, подшáльник, полушáлок (6 слов);

"кафтан" – азём и азём, архалу́к, зипсн, капта́н, трухкл́инка (5 слов);

"кофта" – ба́ска, бибéшка, вязáнка, дува́йка, éшка, зуя́вка, казачќи, кирáска, ко́хта, кратáйка, крутя́шка, ливо́к, ли́фчик, распу́шенка и распушо́нка, стану́шка (15 слов).

В тематической группе выявлены **социальные** метафоры, образованные от этнонимов: *беду́н* "широкая юбка", *кабарди́нка* – 1) старинный женский головной убор; 2) женская высокая четырёхугольная бархатная шапка.

Источником метафоризации может выступать название рода деятельности. Примерами такого переноса являются следующие номинации: *манже́тница* "женская рубашка с кружевной оборкой", *ла́потник* "лапоть", *ходоки́* – 1) самодельная мужская обувь из кожи; 2) башмаки; 3) тапочки, связанные из шерсти; 4) сапоги без голенищ; ботинки; 5) рабочие туфли (женские).

В тематической группе отмечена также **геоморфная** метафора: *вилюшки* "бисер": «*Мáт' майá в'ил'ушк'и самá д'эльль*». [5, с. 71] В островном говоре употребляется также слово *вилюшка* (мн.ч. *вилюшки*) – "извилистая горная дорога, тропинка": «*Пъдн'имáл'ис' пь в'ил'ушкъм*». [5, с. 70] Это небольшой географический объект, не имеющий своего названия. Возможно, причиной появления метафоры послужило сходство строчки, вышитой бисером, с извилистой тонкой тропинкой. Вышивание бисером популярно среди рукодельниц. Женщины часто расшивают бисером элементы одежды, рушники.

К **предметным** метафорам относятся, например: *оше́йник* "воротник", *палáтка* "брюки", *подста́вка* – 1) нижняя часть женской рубашки; 2) нижняя самотканная юбка из холста с кружевами; *корабли́* "обувь наподобие калош до щиколоток, калоши". Метафорический перенос осуществлен по модели предмет → предмет. Так, слово

ошейник употребляется в значении "воротник" в силу того, что мужчины носят рубашку навыпуск, однако верхняя пуговица обязательно должна всегда оставаться застегнутой. Это вызывает ассоциацию с тугим ошейником.

Таким образом, в пределах группы представлены социальные (5), геоморфные (1) и предметные (4) метафоры.

Всего было выявлено 28 метафорических номинаций: предметные (13), социальные (7), биоморфные (6), геоморфные (1) и цветные (1). В них отражаются результаты познания мира, которые предстают яркими россыпями в повседневной речи носителей говора. Исследование показало, что для создания метафор активнее всего используется предметная сфера.

Некоторые номинации в их прямом значении употреблялись не столь часто. Но, благодаря метафорическому переносу, они вошли в активный словарь диалектоносителей, например: *бедуин, кабардинка*.

Метафорические номинации в говоре схожи с красками, благодаря которым художник передает всю палитру окружающего мира.

1. Брыкина Е.В. Диалект через призму лингвокультурологии. // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 2. Языкознание, 2012, №2 (16), с. 51-56.
2. Гейдарова Э.А. Языковой портрет русского островного говора Азербайджана. Москва: Университетская книга, 2017, 303 с.
3. Гейдарова Э.А. Лексическая система русского островного говора Азербайджана. Баку: AVROPA, 2015, 178 с.
4. Гейдарова Э.А. Особенности выражения категории рода в русском островном говоре Азербайджана. // Sciences of Europe. Praha, Czech Republic, 2021, № 67, с. 20-25.
5. Гулиева Л.Г., Гейдарова Э.А. Лексикон русского островного говора Азербайджана. Баку: Европа, 2014, 498 с.
6. Гольдин В.Е. Теоретические проблемы коммуникативной диалектологии. Автореферат диссертации доктора филологических наук. Саратов, 1997, 33 с.
7. Удалых Г.Д. Языковая картина мира молокан-старообрядцев Азербайджана. // Русский язык и литература в Азербайджане. Баку: БСУ, 2015, № 4, с. 4-9.
8. Толстой Н.И. Язык и народная духовная культура. Очерки по славянской мифологии и этнолингвистике. М.: Языки славянской культуры, 1995, 483 с.

Демидова М.М.

К проблеме передачи категории диминутивности при переводе с русского на английский язык

*Брянский государственный технический университет
(Россия, Брянск)*

doi: 10.18411/lj-05-2021-269

Аннотация

Статья посвящена вопросам перевода русской субстантивной лексики с уменьшительно-ласкательными суффиксами на английский язык. Исследование проводилось на богатом материале художественного произведения Л. Улицкой. В статье рассматривается понятие категории диминутивности в русском и английском языках, анализируются способы передачи суффиксов на английский язык.

Ключевые слова: диминутивность, перевод, уменьшительно-ласкательные суффиксы, существительные, русский язык, английский язык.

Abstract

The article is devoted to the translation of Russian substantive lexis with diminutive suffixes into English. The research was carried out on the rich material of L. Ulitskaya's

novel. The article considers the concept of the category of diminutivity in the Russian and English languages, analyzes the ways of transferring suffixes into English.

Keywords: diminutivity, translation, diminutive suffixes, nouns, the russian language, the english language.

Категория диминутивности является характерной чертой русской разговорной речи. По мнению многих лингвистов, диминутивность присуща русскому языку в большей степени, чем многим другим современным языкам. «Русский язык исключительно богат уменьшительными формами, кажется, что они встречаются в речи на каждом шагу» [1]. Наиболее продуктивны морфологические средства выражения диминутивности. По некоторым подсчетам в русском языке 22 суффикса, которые в той или иной степени передают указанное значение. Самые распространённые из них: *ик-/-ек-*, *-иц-/-ец*, *-очк-/-ечк-*, *-оньк-/-еньк-*, *-урк-*, *-ушк-(-юшк-)*, *-инк-*, *-ышк- (-ишк-)*. В разное время изучением данного вопроса занимались Н.А. Петровский, А.В. Суперанская, Д.И. Ермолович, А. Вежбицкая и другие.

Английский, как язык аналитического строя, не обладает таким обширным спектром аффиксов, как русский, однако небольшой набор уменьшительно-ласкательных суффиксов присутствует: *-let*, *-ie/y*, *-ette*, *-kin*, *-ule*, *-ock*, *-ling*. Следует отметить, что уменьшительные суффиксы в британском варианте английского языка употребляются нечасто. Активное выражение эта категория получила в именах собственных: *Annie*, *Kitty*, *Willy*, *Jimmy*. Категория диминутивности в английском языке не могла остаться без внимания русских лингвистов. Так, Гальперин И.Р., Черкасская Е.Б. и Иванова И.П. тщательно изучали данное явление с середины 20 века.

В нашей статье нам бы хотелось рассмотреть данную категорию с точки зрения теории перевода. Цель исследования – выявить способы передачи уменьшительно-ласкательного значения средствами английского языка. Важно отметить, что уменьшительные суффиксы – не просто словообразовательные аффиксы, они значимы, т.е. придают существительному дополнительный оттенок значения, который важно отразить в переводе.

В качестве материала для анализа нами было выбрано художественное произведение Л. Улицкой «Даниэль Штайн, переводчик» и его англоязычная версия. Литературный текст сам по себе представляет трудную задачу для переводчика, а перевод с русского на английский в особенности ввиду разносистемности языков. В тексте художественного произведения важно отразить все нюансы, а значит постараться передать даже минимальные оттенки значения. Из текста романа методом сплошной выборки нами было отобрано 30 субстантивных лексических единиц с уменьшительно-ласкательными суффиксами. В ходе сравнительно-сопоставительного анализа нам удалось установить, что в английском языке они могут быть интерпретированы 5 способами.

1. Нулевой перевод.

Она обняла меня лёгкими ручками [6]... - She gave me a little hug [9]...

Как мы видим, в переводной версии анализируемое существительное не используется. Однако при помощи правильно подобранной конструкции и уточняющего определения *little* переводчику удалось передать смысл предложения с большой степенью достоверности. «Опущению подвергаются, как правило, те детали, которые, по мнению автора перевода, являются не существенными или даже избыточными в текущий момент повествования» [2].

2. Нейтрализация диминутивности.

В данном случае, под нейтрализацией мы понимаем опущение добавочных смысловых оттенков, выраженных суффиксами в русском языке. Мы разделили примеры на группы в зависимости от того, какой компонент значения опущен. С точки зрения передачи лексической единицы в целом, можно говорить об относительной

эквивалентности, поскольку во всех примерах используются сложившиеся соответствия.

В первой группе примеров суффиксы подчеркивают размер указанных предметов, т.е. указывают на тот факт, что они маленькие. В переводной версии это никак не репрезентируется.

*Мебель не гарнитурная, а явно собранная поштучно, и на каком-то низком **шкафчике** [6]... – The furniture was not a suite but had clearly been assembled piece by piece, and on a kind of low **cupboard** [9]...*

*...В **городке** было ужасное истребление евреев [6]... – ... There had been a terrible slaughter of Jews in **the town**[9]...*

*Здесь никаких **ручек-ножек** нет, а висят картинки детей [6]... – There were no **arms or legs** here [9]...*

*Дядя прислал фотографию **домика** в саду [6]... – His uncle had sent a photograph of the **house** and garden [9]...*

Следует отметить, что данные компоненты значений не являются первостепенно важными в контексте абзаца, главы и тем более произведения в целом, поэтому могут быть опущены без значимых семантических потерь, однако тон и стиль изложения утрачиваются.

*Та **комнатка** была маленькой [6]... – **The room** had been small [9]...*

*Мы живём в Кфар Сабе, у нас крохотная **квартирка** [6]... – We live in Kfar Saba in a **tiny flat** [9]...*

В вышеприведенных иллюстрациях используется двойное преуменьшение: уменьшительный суффикс и определение с аналогичным значением. Такое явление характерно для русского языка, но не свойственно английскому. Как видим, в переводе исходное значение сохраняется неизменным за счет характеристик, выраженных прилагательными. Таким образом, здесь можно говорить о верном переводческом решении.

Вторая группа состоит из иллюстраций, в которых при переводе опускается оценочный компонент значения: ласковое отношение говорящего, тем самым придавая переводу более формальный и сухой тон.

*Эти крестьянские **лошадки** [6]... – They were peasants' **horses** [9]...*

*...Вот такую женщину, — хорошо бы в матери, в **тётушки**, в бабушки [6]. – She would have been the perfect mother, **aunt** or grandmother [9].*

*Целую тебя, дорогой **сыночек** [6]. – All my love, **dear son** [9].*

*Целую тебя, Мишенька, **крестничек** мой дорогой [6]. – I kiss you, Misha, my **dear grandson** [9].*

Два последних примера представляют собой заключительную строчку личного письма, следовательно, каждое слово наполнено любовью и привязанностью. Несмотря на отсутствие ласкательного суффикса, переводной вариант полностью передает те теплые эмоции, которые выражает героиня, так как в английском тоже используются слова с эмоциональной окраской, и словосочетание *мой дорогой* воспроизводится дословно.

*Добавила то, чего не знала и что рассказал мне Нафтали, весёлый **старичок** из Израйля [6]... – I did not know but have been told by Naphtali, a cheery **old man** from Israel [9]...*

*Такая **старушка** в платочке, которая еду крестила в шаббат [6]. – She was **the old lady** in a shawl [9]...*

Здесь вместо аналогичного существительного в английском языке используется именное словосочетание. Следовательно, можно констатировать отсутствие подобной лексической единицы, а значит сохранить ласкательный окрас вдвойне сложно.

Нижеследующий пример мы выделили в отдельную группу, поскольку с нашей точки зрения, в данном случае суффикс передает два компонента: нежное отношение говорящего и размер, и оба они опущены в переводе.

Он **ручки** раскинул и бросился целоваться [6]. - He opened his **arms** and rushed to kiss me [9].

3. Компенсация за счет лексических средств, т.е. передача диминутивного значения посредством вставок, как правило, – это размерные или оценочные прилагательные.

В первой группе относительная эквивалентность при переводе достигается за счет вставки сразу двух добавочных элементов.

И обращается она ко мне «**деточка**» [6]. – She even called me “**my dear child**” [9].

Он молчал, но время от времени клал мне руку на голову, гладил по волосам и вздыхал: **доченька** моя [6]... – Put his hand on my head, stroked my hair, and sighed, “**My dear daughter**” [9]...

Притяжательное местоимение *my* в английском всегда придает фразе более мягкий, ласкательный тон, а определение *dear*, выраженное оценочным прилагательным, очень ярко репрезентирует отношение говорящего и его чувства, тем самым передавая значение, выраженное суффиксом в русском языке.

Во второй группе русское существительное переводится на английский язык при помощи именного словосочетания: прилагательное + существительное.

Церковка чудесная, маленькая, сложена из камня [6]... - **The little church** is wonderful, small, built of stone [9]...

...Ведь старец был похоронен в подвале её **домишки** [6]. – ...The elder was buried in the cellar of that **little house** [9].

Прилагательные характеризуют размер существительных.

...Комната размером с большой диван **и кухонька** [6]... – There was one room the size of a large divan and a **small kitchen** [9]...

Данный вариант перевода представляется нам спорным, поскольку существует устойчивое соответствие: *кухонька* – *kitchenette*. Как в русском, так и в английском вариантах, существительные содержат уменьшительно-ласкательные суффиксы с идентичными значениями. Однако автор перевода предпочел воспользоваться вставкой.

...А в конце XIX века представляла собой небольшую арабскую **деревушку** [6]. - By the end of the 19th century it was a **modest Arab village** [9].

Примечательно, что автор переводной версии использует различные прилагательные: *small, little, modest*. Однако все они тем или иным образом указывают на размер, так *modest* – «not very big or expensive» [7]. Таким образом, в английском варианте получилось словосочетание с двумя определениями.

А как мой **братик** в тебя был влюблён [6]? - And my **little brother** was in love with you [9].

Здесь, как нам кажется, помимо размерного компонента значения, который репрезентирован в английском языке при помощи дополнительной лексической единицы, важно и ласковое отношение говорящего. Тем не менее, оно не получило своего отражения в переводе.

4. Приближенный перевод – это перевод лексической единицы ИЯ при помощи единицы ПЯ с относительно аналогичным значением [3].

На самом деле все организовал один еврей, молодой **парнишка** [6]... – In reality everything was being organized by a young **chap** [9]...

Русское существительное *парнишка* имеет несколько подобных единиц в английском языке: *guy, lad, fellow, chap*. Все они отличаются мельчайшими оттенками значения. Употребление существительного *парнишка* в данном контексте подчеркивает

возраст героя и передает трепетное, родительское отношение говорящего. Возраст героя дополнительно репрезентирован эквивалентными прилагательными в русском и английском языках. В толковом словаре находим: «*chap* – a man you know and like» [7]. Таким образом, ласкательный компонент заложен в основное значение, следовательно, можно говорить о некоем соответствии.

Мы подружались с пареньком [6]... – The boy and I became friends [9].

Форма *паренек* очень близка семантически форме *парнишка*, хотя даже еще более мягкая. «*Boy* – male child or young man» [7]. Так, характеристика возраста включена в английское понятие, а вот эмоциональная окраска полностью отсутствует.

...Возле речушек, которые попадались по пути, стояли очереди на водопой [6]. – People were queuing to water their horses at any streams [9]...

Английское *stream* – «a small, narrow river» [7], аналогичное понятие в русском выражается не специальным термином, а уменьшительно-ласкательной формой существительного *речка*, т.е. в данном предложении можно говорить о практически эквивалентном соответствии и о верном переводческом решении.

Я посылаю тебе фотографию Анечки, чтобы твои дети знали, какая у них есть сестричка в Москве [6]. – Your children should know what their cousin in Moscow looks like [9]...

В русском языке не существует однословного номинанта для понятия двоюродная сестра или двоюродный брат. Степень родства очень часто не уточняется. В нашем случае, из контекста понятно, что речь идет о двоюродной сестре, следовательно, вполне логично при переводе используется соответствующий английский термин. Однако дополнительные, эмотивные оттенки не репрезентируются.

Знаешь ли ты, что у него появилась подружка, от которой он в большом восторге [6]? – Did you know he has a girlfriend he is completely crazy about [9].

В этой паре также можно отметить очень высокую степень эквивалентности, поскольку и *подружка* и *girlfriend*, это кто-то, к кому испытывают теплые чувства, а значит набор семем почти одинаковый.

5. Контекстуальный перевод – это нерегулярное соответствие, которое возникает только в конкретном предложении и определяется контекстом.

Наконец мостик кинули, и пошёл народ — туристы, конечно [6] ... – Finally they lowered the gangway [9] ...

Gangway – «a movable bridge linking a ship to the shore» [6], т.е. трап. В данном контексте подобная замена вполне объяснима, поскольку *мостик* используется как общий термин, а в английской версии имеет место конкретизация, дополнительный оттенок *маленький* утрачивается.

Итак, мы рассмотрели 30 иллюстраций и выявили 5 способов перевода. Тем не менее, диминутивность в той или иной степени сохраняется лишь в 36% случаев. При нулевом переводе, нейтрализации и контекстуальном соответствии диминутивность полностью утрачивается. Наиболее продуктивно диминутивные компоненты значения воспроизводятся при помощи компенсации и лишь частично при использовании аналогичных лексических единиц. Следует отметить, что на морфологическом уровне категория диминутивности в английской версии выражения не получила, поскольку «носитель английского языка...не может даже отдаленно вообразить себе все то огромное суффиксальное богатство русского языка, которое предоставляет его носителям возможность выразить столь же огромное богатство тончайших нюансов любящей души» [5]. Подводя итог вышесказанному, можно с уверенностью утверждать, что передать все коннотации, выраженные в русском языке уменьшительно-ласкательными суффиксами, при переводе на английский язык чрезвычайно сложно. Вследствие чего, «в английской версии авторское повествование

становится более плоским, не отражающим ту игру точками зрения, которая заложена в русском оригинале, а языковая личность повествователя проявляется менее ярко» [4].

1. Вежицкая А. Язык. Культура. Познание/ А. Вежицкая. – М., 1996.
2. Демидова М.М. Особенности перевода герундия в художественном тексте // Вестник ТГПУ. Томск, 2018. Вып. 8 (197). С. 39-44.
3. Демидова М.М. Способы передачи безэквивалентной лексики при переводе художественного текста (на материале романа Jane Austen "Sense and Sensibility" и его русскоязычной версии) // Филологос. Елец, 2020. № 3 (46). С. 34-43.
4. Менькова Н.В. Русские диминутивы в английском переводе романа М.А. Булгакова «Мастер и Маргарита»/ Н.В. Менькова// Ярослав. вестник. – 2010. – №5. – С.174 –179.
5. Тер-Минасова С.Г. Язык и межкультурная коммуникация/ С.Г. Тер-Минасова. – М., 2002.
6. Улицкая, Л. Даниэль Штайн, переводчик: Роман / Л. Улицкая – М.: Эксмо, 2008. -528 с.
7. The Cambridge English dictionary. URL: [http:// www.dictionary.cambridge.org](http://www.dictionary.cambridge.org) (дата обращения 23.02.2021).
8. Longman Dictionary of Contemporary English. 3d ed. – Harlow. - Longman, 2001. – 1800pp.
9. Ulitskaya, Ludmila. Daniel Stein, interpreter: a novel in documents / Ludmila Ulitskaya; tr. by Arch Tait. – New York: Overlook press, 2011. – 408 pp.

Клемпач О.А.

Лингвистический анализ идиолектов жителей юго-запада Брянской области

*Филиал Брянского государственного университета в г. Новозыбкове
(Россия, Новозыбков)*

doi: 10.18411/lj-05-2021-270

Аннотация

В статье проанализированы речевые особенности жителей юго-западных районов Брянской области, непосредственно граничащей с двумя восточнославянскими республиками – Беларуссией и Украиной. Лингвистический анализ идиолектов показал, что их специфика может быть объяснена таким понятием, как межъязыковая интерференция восточнославянских языков.

Ключевые слова: идиолект, лингвоперсоносфера, юго-запад Брянской области, российско-белорусско-украинское пограничье.

Abstract

The article analyzes the speech features of residents of the southwestern regions of the Bryansk region, directly bordering the two East Slavic republics – Belarus and Ukraine. Linguistic analysis of idiolects showed that their specifics can be explained by such a concept as inter-language interference of East Slavic languages.

Keywords: idiolect, linguopersonosphere, south-west of the Bryansk region, Russian-Belarusian-Ukrainian border.

Наибольший вклад в изучение проблемы индивидуального использования языка внесли А. М. Пешковский, В. В. Виноградов, А. А. Шахматов. Последний утверждал, что «реальное бытие имеет язык каждого индивидуума; язык селá, города, области оказывается известной фикцией, ибо он слагается из фактов языка, входящих в состав тех или иных территориальных или племенных единиц индивидуумов» [6, с. 59]. Е. В. Богданова указывает, что интенсивное и многоплановое исследование речи отдельных носителей языка привело к появлению новых терминологических единиц: речевой портрет, идиолект, языковая личность, идиостиль [1, с. 102]. Остановимся подробнее на термине идиолект.

Идиолект – это индивидуальный язык, совокупность формальных и стилистических особенностей речи. В отечественной лингвистике под идиолектом

принято понимать всю совокупность формальных и стилистических особенностей, свойственных речи отдельного носителя языка [2, с. 171].

В ходе исследования мы обратились к лингвистическому анализу идиолектов жителей, проживающих в юго-западных районах Брянской области, занимающей приграничное положение по отношению к Белоруссии и Украине. Здесь русский язык испытывает влияние белорусского и украинского языков и говоров. Идиолект старожилов, проживающих в юго-западных районах Брянской области, исследуется в работах доцента С. М. Пронченко «Фольклор и язык Российско-Белорусского пограничья» [5], «Диалектные особенности в произведениях устного народного творчества Новозыбковского района Брянской области (по материалам полевых исследований)» [3] и др.

Так, мы проанализировали речь жительницы села Верещаки Новозыбковского городского округа Брянской области Нины Макаровны Елисеенко 1937 г. р. и можем указать на следующие особенности.

1) Значительным разнообразием отличается фонетика респондента, для которой характерно:

- сильное яканье в первом предударном, а также в заударном слогах: у мяне́, ня́ б́уду, сяды́я, мяша́й, смята́на и др; Же́нячка, че́твяра, о́чянь, ве́чярам, во́сямь и др.;
- произнесение на месте г взрывного γ фрикативного: перебе́ула, у́рки, нау́амы, у́ра́ить, у́ра́т, беу́ить и др.;
- произнесение на месте приставки и предлога с – [з]: звяза́ть, зня́ла, зве́рху, з на́мы и др.;
- изменение ударения в словах: стара́я, дачка́, атхо́дить, нико́му и др.;
- протетические и, с: изде́лали, ишла́, ирва́ла, спако́й (покой) и др.;
- произнесение на месте [ф] – [хв], [к], [кв], [х]: ко́хве, бухве́т, хве́рма, кухва́йка (фуфайка), квасо́ля (фасоль), ко́хта и др.

Приведем пример из беседы:

Ты ба́чишь, что у мя́не па́ска ще ста́ить на сталé? То па́сачка спéчная. На Па́ску спякля́, и во пака́ зацветé яна́. Так на́да... **Канхвэ́тачки** слажу́, пры́ничек слажу́. А як же? Раді́тели ш памё́рли... .

- прогрессивная ассимиляция в сочетании с j: пяхэ́ння, варэ́ння, но́ччю, пла́ття, кры́лля и др.;
- твёрдый [р]: трэ́ттий, крэ́пкий, хрэ́ст, скарэ́й, интярэ́сна; уры́бы, крыча́ть, абрэ́зали, крыні́ца, сястры́ца, рысу́ю и др.;
- отсутствие перехода е в о под ударением: живéть, ищё́, тячé и др.;
- твёрдые губные на конце слов: во́сем, два́дцать сем, па́ста́в и др.;
- выпадение звуков: кала́, Ляксе́й, выма́ли, никада́, Ражаство́ и др.;
- наличие протетического в: во́зара, ву́лица, во́чи, ву́мный;

Приведём отрывок из речи Нины Макаровны:

Пайдú из **во́сяни**. Абу́цца не́ в шта. Надéцца не́ в шта. Ничёуа ж нимá! Бédные! Дáжэ хлéба на сталé крупі́ны ни было́. Жыва́я смерть была́ нам. И мы вы́жыли. Бох дав.

- замена [з], [г] на [ж]: спужа́лась, дражні́ли.

2) Употребление лексических диалектизмов: ба́чить (видеть), каза́ть (говорить), до́бра (хорошо), ху́ста (платок), атту́ляки (оттуда), туды́ (туда), трóхи (чуть-чуть), пы́та́ть (спрашивать), пампу́шки (оладьи), сне́дать (завтракать), ве́чэра́ть (ужинать), гаманéть (разговаривать) и др.

3) Словообразовательные особенности заключаются в употреблении форм 3-го лица ед. и мн. числа глаголов без суффиксов -ева, -ива, -ыва: надыа́ють, спра́шуя, закру́чуя, пока́зуя и др.

4) Грамматические особенности:

- глаголы 1 спряжения с окончанием 2 спряжения: объясня́ть, рабо́таеть, зна́ть, наряжа́ть, во́зьять и др.;
- постфикс -ся в глагольных формах: де́лаеть, не дажду́сь, аде́лаеть, свары́лась и др.;
- глагольные формы 3 л. ед. ч. без -т: рве́, пиче́, мо́жа, е́здя, пры́дя и др.

Приведем пример колыбельной, исполнявшейся респондентом: Баю-баюшки-баю, / Ни лажы́ся на краю́. / Пры́дя се́рэнький валчѣк, / Схва́тя Де́ньку за бачѣк / И патя́ня у лясо́к.

- в формах имён существительных Т. п. мн. ч. окончание -амы вместо -ами: рука́мы, нага́мы, пе́снямы, драва́мы, частя́мы и др.;
- употребление «счётных» форм: тры клáсы, тры сыны́, два хлѣпцы, два ряды́ и др.;
- употребление уличных прозвищ, «обусловленное местной речевой традицией» [4, с. 143–144]: «А **Младни́ца** (у нас такая была ведьма). Каро́ва тья́лилась, яна́ пришла́: «Во! Ужо́ дажда́ли вы свае́?». То́льки яна вѣйшла, тья́ленак брызъ – и здох. Парасе́нак. Парася́ты э́тыя. Ой, у **Жываде́рак** уже свѣнни, парася́ты ужо́ свѣнни тэ́й!». Вѣйшла – и парасе́нак здох адѣн. Во яка́я ё́ люди.

Н. М. Елисеенко активно употребляет глагольно-междометные формы со значением мгновенности действия: бах, брызъ, пых, зирк, фить, шух.

Проведём лингвистический анализ идиолекта Анны Тимофеевны Сошилиной 1940 г. р., жительницы села Казаричи Гордеевского района Брянской области. Речь респондента характеризуется следующими чертами.

1) Аканье – неразличение /a/ и /o/ в безударных слогах: вады́, хадѣ́ть, лажы́ли и др.

2) Сильное яканье – тип вокализма, при котором в первом предударном слоге после мягких согласных гласные неверхнего подъёма всегда или в некоторых позициях совпадают в звуке [a]: нясли́, утякля́, брявнѣ, пьякля́ и др.

3) Изменение ударения: нячо́уа, было́, радѣ́лась, зя́рно, ууа́лья (уголь), пры́дутъ и др.

4) Произнесение на месте литературного г взрывного γ фрикативного: кау́о, ничо́уенько, зауа́дываеш, уро́шай, урыбы́ и др.

5) Произнесение твердого [p]: табурѣ́тка, скарѣ́й, тарѣ́лачка, трѣ́мтитъ (дрожит от страха) и др.

6) Отсутствие перехода е в о под ударением: ещѣ́, ме́рзлую, еѣ́, иде́ш, спякѣ́ш, жнеш и др.

7) Произнесение [y̥] (у краткого) на месте в, л в середине слов перед согласными и на конце слов: ва́ука, прысына́уся, бы́у и др.

8) Наличие протетического в: И **во́кна** завѣшывываеш, и ико́ны завѣшываеш рушника́ми. Хто стира́ет, хто но́вые ве́шает. Рушники́ тада́ бы́ли вышыва́ные, краси́вые, партрѣ́ты завѣшывали и **во́кна** то́же, у кау́о како́й даста́так пазваля́л.

9) Выпадение звуков: Ну пражыва́ла я, ате́ц бы́у и ещѣ́ тры́ бра́та во́т. А тада́ уже́ **када́** нача́лась вайна́, ате́ц уше́у на вайну́ и ма́ть аста́лась с четвяры́ми дитя́ми адна́.

10) Замена и на ы, вследствие чего происходит отвердение предшествующего согласного: На Ра́дуницу хадѣ́ли по́сле обе́да, да абѣда́ агаро́ды садѣ́ли и усѣ́. А тада́ по́сле абѣда́ шли на кла́дбище. На кла́дбище засты́лали ма́гылки́ и абѣдали на са́мой последне́й мау́ылке́.

11) В глагольных формах 3 л. ед. ч. и мн. ч. глаголов -ть:

Калдава́ли па-всѣ́каму. Ё́сли на сме́рть, так а́ни хо́дють на кла́бдище но́чью, **бе́руть** зѣ́млю кладби́щенскую и тады́ **калдую́ть** на э́ту зѣ́млю и **падсыпа́ють** лю́дям пад калі́тку, хто ўде. Жар гаря́чий **ло́жуть**, што́б ха́та сүра́ела.

12) Употре́бление диалектної лексики: бузо́к (сирень), ску́лья (нарывы), га́нки (крыльцо), мост (пол), по́рацца (усиленно трудиться) и др.

13) Употре́бление уличных прозвищ – индивидуальных, семейных, отфамильных женских [4, с. 143–144]:

Была́ у нас ба́бка **Парамо́ниха**. Ана́ мно́га зна́ла малы́твов, и она бау́ата памау́ала лю́дям. И ана́ ат уры́жы шапта́ла, и ат валасня́ шапта́ла, и от улавно́й бо́ли шапта́ла; Минé принимала́ ба́ба **Ана́ниха** зва́ли её. И всех дите́й у ма́тки мае́й ба́ба **Ана́ниха** прынима́ла. Патаму́ шта бальни́ц тада́ не було́.

Специфика проанализированных идиолектов жителей юго-запада Брянской области обусловлена, прежде всего, приграничным положением. На речь жителей этой территории оказывает влияние белорусская и украинская культура, белорусские и украинские языки и говоры.

1. Богданова Е. В. О некоторых аспектах изучения термина идиолект в отечественной и западной лингвистике // Вестник Ленинградского государственного университета им. А. С. Пушкина. – 2011. – № 4. – С. 100–108.
2. Лингвистический энциклопедический словарь / гл. ред. В. Н. Ярцева. – 2-е издание, дополненное. – М.: Большая Российская Энциклопедия, 2002. – 707 с.
3. Пронченко С. М. Диалектные особенности в произведениях устного народного творчества Новозыбковского района Брянской области (по материалам полевых исследований) // Коммуникативные позиции русского языка в славянском пограничье: двуязычие и межъязыковая интерференция: Научные доклады участников Международного форума русистов (г. Новозыбков, Брянская область, 24–26 мая 2018 г.) / Под ред. С. Н. Стародубец, В. Н. Пустовойтова. – Брянск: ООО «АВЕРС», 2018. – С. 598–604.
4. Пронченко С. М. Имена собственные в речи сельских жителей юго-запада Брянской области (по материалам полевых исследований) // Известия Южного федерального университета. Филологические науки. – 2019. – № 3. – С. 138–147. – DOI: 10.23683/1995-0640-2019-3-138-147.
5. Пронченко С. М., Мухина М. А. Фольклор и язык Российско-Белорусского пограничья // Вестник Нижегородского университета им. Н. И. Лобачевского. – 2011. – № 6 (2). – Ч. 2. – С. 553–557.
6. Шахматов А. А. Очерк современного русского литературного языка. – 4-е издание / С вводной статьёй проф. С. И. Бернштейна. – М.: Учпедгиз, 1941. – 288 с.

Козлова Л.Н.

Модели звеньев композиционно-речевых форм «описание» и «характеристика»

*ФГБОУ ВО «Брянский государственный технический университет»
(Россия, Брянск)*

doi: 10.18411/lj-05-2021-271

Аннотация

В статье рассматривается структура композиционно-речевых форм «описание» и «характеристика», выделяется специфика составляющих их звеньев. Особое внимание уделяется таксисным отношениям, лежащим в основе композиционно-речевых звеньев.

Ключевые слова: композиционно-речевая форма, описание, характеристика, звено композиционно-речевой формы, таксис.

Abstract

The article considers the structure of the compositional speech forms «description» and «characteristic», points out the specifics of their components. Special attention is paid to the taxi relations underlying the compositional speech links.

Keywords: compositional speech form, description, characteristic, link of the compositional speech form, taxis.

Композиционно-речевые формы (далее – КРФ) являются специфическими функционально-коммуникативными единицами, которые упорядочивают и структурируют содержание художественного произведения, управляя процессами его восприятия и понимания. Являясь инструментом формирования текста, КРФ влияют на организацию текста в целом и продолжают функционировать в нём в виде единообразных, связанных и законченных единств [2, с. 120 – 121].

При этом КРФ обладают собственными характеристиками, которые определяются типами внутритекстовой связи между предложениями. К фундаментальным типам такой связи можно отнести соположение (пространственную связь), последовательность (временную связь), каузальность (связь логического развития). В соответствии с данными типовыми видами связи в качестве основных КРФ выделяются следующие: «описание» (пространственное соположение), «сообщение» (временное следование), «рассуждение» (связь логического развития) [1, с. 20]. В структуре каждого типа КРФ можно выделить определённые двучленные образования – композиционно-речевые звенья, представляющие собой комбинацию двух эксплицитно выраженных пропорций, связанных общей функцией [4].

Основная задача данной статьи заключается в рассмотрении особенностей построения и функционирования композиционно-речевых звеньев одной из основных разновидностей КРФ – «описания», а также выделяемой в отдельную форму и активно описываемой в лингвистической литературе последних лет «характеристики». Практический материал был получен методом сплошной выборки из художественных произведений немецкоязычных авторов.

Следует отметить, что основу звена каждого типа КРФ образует определённый вид таксисных отношений. Так, описательное звено передаёт одновременность двух действий, задаваемую хронологически ненаправленным таксисом. В основе звена характеристики, которая представляет собой некоторый перечень более или менее постоянных, но не обуславливаемых друг другом признаков, находится логически ненаправленный таксис [4, с. 89]. Например:

Als Quandt den Park verließ, war leichter Regen gefallen, der Damm spiegelte. Der Strom der Autos floss dünner. Die Schaufenster drüben im Erdgeschoß waren erleuchtet [5, S. 89].

В данном звене КРФ «описание» одновременность действия определяется тремя глагольными формами: *spiegelte*, *floss*, *waren erleuchtet*, две из которых представляют собой Präteritum, третья – Präteritum Stativ. Вследствие чего мы как будто наблюдаем открывшуюся перед глазами персонажа произведения картину в тот момент, когда он вышел из парка.

Über den Chauffeur Braake konnte Claudia noch weniger sagen, außer dass er mit Vorname Alfons hieß, seine Aufgaben vorbildlich erfüllte, nie krank und immer dienstbereit war [8, S. 291].

Логически ненаправленный таксис в характеристике шофёра в данном примере выражается также тремя глагольными формами в Präteritum: *hieß*, *erfüllte*, *war*. При этом ни одно из перечисленных сведений не оказывает влияния на остальные.

Следует отметить, что при формировании описательного звена действия, представленные ненаправленным таксисом, оказываются не упорядочены во времени, что допускает перестановку глагольных словоформ без значительного нарушения смысла. Сравним пример и его возможную трансформацию:

Seine große Hände waren manikürt, er war gut rasiert... [8, S. 189].

Er war gut rasiert, seine große Hände waren manikürt...

Непредельный характер звена КРФ «описание» может быть усилен за счёт использования лексических указателей, подчёркивающих длительность изображаемых событий или обозначающих время их протекания. Например:

Goldmund blieb eine Weile in seinem Bett nachsinnend liegen, Bilder aus einem Traum waren noch um ihn, doch ohne Zusammenhang [9, S. 125].

Описательное звено может по-разному реализовываться в любом текстовом сегменте независимо от того, какую синтаксическую структуру он из себя представляет: одно простое предложение, сложносочинённое или сложноподчинённое предложение, два отдельных предложения и т.д. Особый стилистический эффект производят отдельные простые предложения с одним подлежащим:

Er trug einen blauen Rock, ein weißes Hemd, weiße Seidenstrümpfe und schwarze Schnallenschuhe. Er war nicht gefesselt [13, S. 299].

Однако гораздо чаще встречаются композиционно-речевые звенья, в которых глагольные словоформы соотносятся с разными лицами или предметами. В таких случаях описательное звено может представлять собой два простых или одно сложное предложение. Например:

Langsam stach die Morgensonne weiße Häuser aus dem Dunst heraus, ein Leuchtfener bellte rot-weiß dem Schiff entgegen [6, S. 15].

Auf der Bühne gab es immer rasselnde Schwerter und viel raues Geschrei. Inmitten der rauhen Geselle bewegte Hendrik sich mit trauriger Geziertheit [10, S. 388].

Da schien die Sonne lau durch das Gestänge der kahlen Bäume, Amseln flohen vor seinen Schritten ins Gebüsch [9, S. 251].

Важно отметить, что для звена описания являются типичными определённые семантические виды сложноподчинённых предложений. Это, прежде всего, сложноподчинённые предложения с придаточными предложениями времени (в первую очередь соединяемые союзами *solange* и *während*), а также с определительными придаточными предложениями [3, с. 28]. Например:

Die Straßen lagen darunter wie Schluchten von dunklem Blau, während sich oben im Weltraum weiß zischende Sonnen drohten [12, S. 40].

Das Meer roch wie ein geblähtes Segel, in dem sich Wasser, Salz und eine kalte Sonne fingen [13, S. 46].

Очевидно, что семантика подобных сложноподчинённых предложений также направлена на передачу одновременности действий.

По своей функциональной направленности КРФ «описание» оказывается весьма близкой к «характеристике», модель звена которой обладает, однако, рядом особенностей. Как известно, модель звена характеристики представляет собой сегмент связного текста, обнаруживающий две глагольные словоформы и обладающий набором постоянных признаков, которые дают оценку какой-либо личности или предмету.

Как правило, звено характеристики формируется на основе как непрерывных, так и дискретных или повторяющихся действий. Например:

Grete Bende war ein merkwürdiges Geschöpf. Sie erging sich in starken, unbekanntem Gefühlen [7, S. 21].

Приведённые в данном примере факты, описывающие героиню как «удивительное создание», способное испытывать «сильные, неизвестные чувства», опираются на одновременность их изложения. В следующем примере этого не наблюдается:

Aber Christoph hat Stimmungen. Seine guten Launen sind manchmal ebenso schwer zu ertragen wie seine Schlechten [11, S. 22].

Передача не одновременных, а повторяющихся фактов обусловлена тем, что дифференциальным признаком КРФ «характеристика» являются логические таксисные отношения. Этот признак сближает характеристику с рассуждением. Однако КРФ «рассуждение» присуща более строгая логическая упорядоченность, чем характеристике. Для звена характеристики типична подача фактов в любой последовательности, их зависимость друг от друга прослеживается неявно и может практически отсутствовать [3, с. 32]. Подобного рода логически ненаправленный

таксис также допускает трансформации в звене характеристики без особой потери смысла. Например:

Sie war gar nicht und lebenslustig. Sie wohnte mit ihrer Mutter zusammen, an der sie hing [7, S. 19].

Или:

Sie wohnte mit ihrer Mutter zusammen, an der sie hing. Sie war gar nicht und lebenslustig.

Также представляется важным отметить, что для звена характеристики не является существенной связь с тематизированным текстом. Синтаксическое оформление звена характеристики значительно не отличается от оформления звеньев других КРФ. Его реализация осуществляется главным образом в сложноподчинённом предложении с придаточным определительным [3, с. 33]. Данный тип предложения встречается и в приведённом выше примере (*Sie wohnte mit ihrer Mutter zusammen, an der sie hing*).

Таким образом, можно сделать вывод, что в модели звена характеристики выделяется ряд признаков, позволяющих рассматривать её как самостоятельную КРФ, а не отождествлять её исключительно с описанием или рассуждением.

1. Брандес М.П. Рассуждение как конструктивный элемент информационной формы текста // Учёные записки. Серия: Лингвистика. Межкультурная коммуникация. Перевод. – Курск: изд-во РОСИ, 1999. – 89 с.
2. Клочков А.В. Особенности функционирования композиционно-временных форм в структуре текста художественного произведения // Актуальные проблемы филологии и педагогической лингвистики. 2019. № 1. С. 119-127.
3. Россихина Г.Н. Как строится немецкая речь. – М.: Высшая школа, 1992. – 109 с.
4. Россихина Г.Н. Функциональное взаимодействие языковых средств в композиционно-речевом звене (на материале немецкого языка) // Филологические науки. – М.: Высшая школа, 1994. – С. 89-97.
5. Bentz H. Licht von jenseits der Straße. – Im Bertelsmann Lesering, 1960.
6. Böll H. Irisches Tagebuch. Deutscher Taschenbuch Verlag, 1962.
7. Döblin A. Die beiden Freundinnen und ihr Giftmord. Suhrkamp Verlag, 1971.
8. Fischer M-L. Elbchaussee. Goldmann Verlag, 1990.
9. Hesse H. Narziß und Goldmund. Suhrkamp Taschenbuch, 1990.
10. Mann K. Mephisto. Roman einer Karriere. Rowohlt Taschenbuch Verlag Reinbek bei Hamburg, 1995.
11. Mendt D. Aller guten Dinge sind vier. Union Verlag Berlin, 1968.
12. Musil R. Ausgewählte Prosa. – М.: Прогресс, 1980.
13. Süskind P. Das Parfum. Die Geschichte eines Mörders. Diogenes Taschenbuch, 1994.

Кюрегян А.Л.

**Развитие парадигмы сложного предложения с временной предикативной
единицей при настоящем времени в главной части на протяжении
новоанглийского языка**

*ФГБОУ ВО «Самарский государственный технический университет»
(Россия, Самара)*

doi: 10.18411/lj-05-2021-272

Аннотация

Данная статья посвящена исследованию парадигмы сложного предложения (СП) в новоанглийском языке. Новоанглийский период является одним из этапов в долгой истории английского языка, поэтому для отражения изменений в системе языка в разные этапы его существования в истории английского языка принято выделять определённые периоды.

В работе были рассмотрены все возможные сочетания видо-временных форм в сложном предложении с временной предикативной единицей (ПЕ) при настоящем

времени глагола в главной ПЕ. В абсолютном большинстве случаев настоящему времени в главной ПЕ также соответствует настоящее время и это свидетельствует, с одной стороны, об обыденной, повседневной тематике разговора, а с другой – о стремлении собеседников к использованию простейших видов – временных форм глагола в сложном предложении в данном стиле.

Ключевые слова: новоанглийский период, сложное предложение, временная предикативная единица.

Abstract

This article is devoted to the study of the complex sentence (SP) paradigm in New English. The New English period is one of the stages in the long history of the English language. In order to reflect the changes in the language system at different stages of the English language it is customary to allocate certain periods.

The paper considers all possible combinations of time forms in a complex sentence with a time predicative unit (PU) in the present tense. The present tense in the main PU is most widely used and this indicates, on the one hand, the ordinary, everyday topic of conversation, and on the other – the desire of the interlocutors to use the simplest time forms of the verb in a complex sentence in this style.

Key words: new English period, compound sentence, time predicative unit.

Настоящая работа представляет собой исследование парадигмы сложного предложения (СП) в новоанглийском языке. Новоанглийский период является одним из этапов в долгой истории английского языка, поэтому для отражения изменений в системе языка в разные этапы его существования в истории английского языка принято выделять определённые периоды.

Как отмечают грамматисты, «формы неопределённого вида (Simple) не характеризуют действия со стороны характера его протекания, они только констатируют его наличие (или отсутствие) и помещают его в тот или иной временной отрезок» [1]. Форма Present Simple, естественно, помещает действие во временной интервал настоящего. Посмотрим, какие же при этом имеют место соотношения видовременных форм в СП с временной предикативной единицей (ПЕ).

Первый вид соотношения форм глаголов- сказуемых главной и зависимой ПЕ можно представить как "Present Simple - Present Simple".

Этот вид соотношения относится к числу ведущих во всех подпериодах разговорной речи (РР) новоанглийского языка. В РНА подпериод число таких примеров составляет 84 % исследуемого материала, в США – 76, 5 % и в СА – 85% .

Такое соотношение времён используется, во-первых, для констатации регулярного, обыденного положения вещей. Например: ранненовоанглийский (РНА): But cruel are the times, when we are traitors, and do not know ourselves. (Sh, ТТ, 148)

средненовоанглийский (СНА). When a girl finds a fellow's outside to her taste, she sets about guessing the rest of his furniture. (G, Sh, 62)

Эта же оппозиция используется для выражения жизненных наблюдений, философских изречений. Приведём пример:

РНА: All beasts are happy when they die. (M, ТТ, 182)

СНА: A man is tired of getting the better before his wife is tired of losing the victory. (G,25)

Необходимо отметить средства, за счёт которых достигается обобщение, помимо значения самой глагольной формы: во-первых, использование обобщённо - личных местоимений: you, we, they и существительного собирательного значения «people».

РНА: Now you begin, when crimes are done. (J,107)

СНА: And betray us when we most want to excel. (G,Sh, 48)

- But then, *when* people put down their weapons, it doesn't mean they've necessarily stopped fighting. (MEP, 128)

Наряду с вышеназванными средствами для обозначения обобщения употребляется также неопределённый артикль - а, числительное - one, местоимения some, any:

РНА: Yet what can it *when* one can not repent? (Sh, TT, 61)

- For some must watch, *while* some must sleep. (Sh, TT, 56)

СНА: *When* a husband entertains a groundless suspicion of his wife, the original compact is broken. (Sheridan, 278)

Обобщение также достигается при помощи употребления существительного men, имеющего собирательное значение. Приведём примеры:

РНА: For they are friends that help to wean my state, *till* men and kingdoms help to strengthen it. (M, TT, 11)

Соотношение «Present Simple - Present Simple» также используется и для выражения регулярных, повторяющихся действий. В таких предложениях, как правило, наблюдается наличие союза -whenever, наречий частотности - always, never, sometimes.

РНА: I always smile to think *when* this field is fought. (M, TT, 100)

- Whenever I ask, I am not to be put off. (M, TT, 37)

СНА: I never see you *when* you are in spirits. (G, Sh, 53)

Это соотношение может использоваться для передачи одновременных и разновременных действий. Одновременность как грамматическое явление языка имеет своё семантическое содержание: действий главного и придаточного предложений протекают в один и тот же момент. [2]

Одновременность действий подчёркивается за счёт использования временного союза while. Напрмер:

РНА: And in my blood wash all your hands at once, *while* I sit smiling to behold the sight. (M, TT, 91)

СНА: *While* he is with them I may go out with safety. (Sheridan, 110)

Как видно из приведённых примеров, действия сложноподчинённого предложения замыкаются в пределах одной временной сферы и это отражено в грамматической монотемпоральности главной и придаточной частей предложения [2].

Однако встречаются случаи, когда соотношение «Present Simple – Present Simple» употребляется для выражения разновременных действий, то есть действия во времени их протекания не совпадают, что подчёркивается временными союзами till, before.

РНА: He dies that touches any of this fruit *till* I and my affairs are answered. (Sh, 42)

СНА: I m not a complete rogue *before* I turn the corner. (Sheridan, 260)

Второй вид соотношений в сфере настоящего представлен оппозицией «Present Simple- Present Perfect».

Наряду с Present Simple, в придаточной части сложного предложения может употребляться и видо – временная форма Present Perfect, число таких примеров в XVI веке равно 6 %, в XVIII – 8,5% и в современном языке- 7% от общего числа примеров в сфере настоящего.

Перфект настоящего времени передаёт завершённость действия к моменту речи; он не требует особого указания в тексте посредством обстоятельства времени, хотя оно при желании и может быть указано.

Перфект предельных глаголов передаёт достижение предела действия, при необходимости акцентировать его. Напомним, что предельные глаголы – «это глаголы, обозначающие такое действие, которое по достижении предела не может продолжаться» [1, с.49], т.е. действие исчерпывает себя. Таковы глаголы, например, to

meet, to make, to catch, to come, to arrive, to discover, to finish, to give. Они достаточно активно используются в РР новоанглийского периода развития английского языка:

РНА: I perceive only that you answer one gentleman *before* he has finished, and the other *before* he has well begun. (Sh, As, 75)

СНА: Why, than, you wonder *before* I have given you a proof of it?(Sheridan, 212)

Зарегистрированы также и перфектные формы неопределённых глаголов, которые не содержат указание на ограниченность протекания обозначаемого ими действия; в этом случае "предел может мыслиться как поставленный извне., но не вытекающий из семантики глагола: to sleep, to live, to belong, to enjoy, to think". Например:

РНА: What dreams come true, *when* we have thought of this. (Sh, ТТ, 46)

Употребление перфекта неопределённых глаголов в придаточном предложении означает прекращение действия к моменту речи, без достижения предела.

Наряду с вышеописанными сочетаниями видо – временных форм в главном и придаточном предложениях, встречаются также употребления разряда Present Perfect в главной части и Present Simple в придаточной. Такое сочетание встречается крайне редко (2% от группы примеров в сфере настоящего), но и они имеют место только в материале РНА периода. Например:

- Hath spread his colours to our high disgrace, *while* you faint – hearted base Egyptans lie slumbering on the flow banks on Nile. (M, ТТ, 40)
- And oft hath warn ‘d thee to be still in field, *when* he himself admidst the thickest troops. (M, ТТ, 100)

Употребление формы Present Perfect в главной части означает завершение действия и наличие результата, то есть, действие в главной части предшествует действию в придаточной.

- *When* a man thanks me heartly, I have given him a penny. (Sh, As, 38)

В нашем материале отмечены соотношения, когда в главной ПЕ употреблена форма Present Simple, а в зависимой Present Continuous. Такое соотношение также не типично для РР новоанглийского периода. Эта оппозиция используется в экспрессивной функции, когда при параллельных действиях форма Continuous подчёркивает процессуальность, непрерывность нежелательного действия. Например:

РНА: And I think she never appears to such advantage as *when* she is doing everything in her power to plague me. (M, ТТ, 28)

СНА: But one cannot help *when* the house is going out of the windows. (V, G, 178)

Наряду с вышеописанными сочетаниями видо – временных в главном и придаточном предложениях, встречаются также употребления разряда Present Continuous в главной части и Present Simple в придаточной. Такое сочетание отмечено в материале средненовоанглийского подпериода (2% от группы примеров в сфере настоящего) и в современном материале (6%):

Действие, выраженное длительным разрядом, в этом случае мыслится как непостоянное, ограниченное в отрезке времени, которое уточняется временным придаточным.

And *when* he looks at me – What’s she thinking? (MED, 137)

Таким образом, придаточное времени здесь выступает как временной центр, указывающий на параллельное протекание другого действия.

Последний пример интересен с точки зрения построения. Предложение разделено посредством «тире». Такой процесс называется «парцеляция», то есть содержание высказывания реализуется не в одной, а в двух или нескольких интонационно – смысловых речевых единицах [3].

Итак, выше были рассмотрены все случаи, когда и в главной, и в зависимой временной ПЕ сказуемые выражены видо - временными формами настоящего.

Соотношение времён Present-Past составляет 7% от примеров в сфере настоящего в ранненовоанглийском подпериоде, 13% - в среднеанглийском подпериоде и только 1% - в современном языке. Во всех подпериодах встречается оппозиция

«Present Simple – Past Simple», составляющая 5 % - РНА, 2% - СНА. Например: РНА: They were all like one another as halfpence are; every one fault seems monstrous *till* his fellow fault came to match it. (Sh, As, 55)

СНА: I remember *when* poverty began to show her face. (L, 299)

Таким образом, во временном придаточном описываются события, уже имевшие место, которые вспоминаются говорящим – об этом свидетельствует семантика сказуемого главной части – to remember, to put in mind, to imply.

В двух подпериодах новоанглийского языка встречается также соотношение «Present Perfect -Past Simple» (XVI – XVII вв. - 2 % от числа примеров в сфере настоящего, XVIII в. – 9%):

СНА: My sister has been with her aunt *since* she was a child... (G, 30)

Из приведённых примеров видно, что форма Present Perfect в этих случаях передаёт длительное действие, то есть выступает в роли Perfect Continuous, которое не может употребляться с глаголом to be; придаточное времени вводится союзом *since* и обозначает начальный момент действия или процесса, о котором идёт речь в главной части.

Соотношение «Present Perfect Continuous – Past Simple» зарегистрировано впервые в материале XVIII века: You have been dosing me *since* I was born. (G, Sh, 53)

В этом случае в главной части выражается длительное действие, а

придаточное времени передаёт его начальный момент. Форма Perfect Continuous сформировалась в языке довольно поздно, что может объяснить её отсутствие в материале ранненовоанглийского подпериода; однако эта форма не отмечена и в современном материале. Следовательно, можно предположить, что она в целом мало характерна для РР в силу её «тяжеловесности».

Итак, мы рассмотрели все возможные сочетания видо-временных форм в сложном предложении с временной ПЕ при настоящем времени глагола в главной ПЕ. В абсолютном большинстве случаев настоящему времени в главной ПЕ также соответствует настоящее время и это свидетельствует, с одной стороны, об обыденной, повседневной тематике разговора, а с другой – о стремлении собеседников к использованию простейших видо – временных форм глагола в сложном предложении в данном стиле.

1. Иванова И.П., Бурлакова В.В., Почепцов Г.Г. Теоретическая грамматика английского языка: Учебник/- М.: Высш. школа, 1981. С.54.
2. Дреева Дж.М., Отрошенко А.И. Особенности употребления синтетических форм настоящего и прошедшего времени в текстах четвероевангелия Библии Уиклифа, Тиндейла и короля Иакова //Филологические науки. Вопросы теории и практики. Тамбов: Грамота, 2017. № 12(78): в 4 ч. ч. 2.С. 100–104.
3. Кюрегян А.Л., Рыбальчик О.А. Парадигматика и синтагматика как два аспекта изучения языковой системы // Актуальные проблемы теоретической и прикладной лингвистики. Сборник статей II Всероссийской научно-практической конференции. Пензенский государственный университет; Межотраслевой научно-информационный центр; Под редакцией С.С. Пашковской, Т.А. Румянцевой, Г.В. Вишневской. 2015. С. 84-86.

Лисевская А.И., Титаренко Н.В.

Трансформация падежей и склонений имени существительного от латинского до испанского языка (на материале «Cantar de mio Cid» XII)

*ФГБОУ ВО «Волгоградский государственный социально-педагогический университет»
(Россия, Волгоград)*

doi: 10.18411/lj-05-2021-273

Аннотация

В статье рассмотрены такие понятия как имя существительное, падеж, склонение имени существительного в латинском языке и эволюция форм

существительного от латинского до современного варианта испанского языка (на материале «Cantar de mio Cid» XII)

Ключевые слова: имя существительное, падеж, склонение, род, число

Abstract

The article deals with such definitions as the noun, case, declension of the noun in Latin and the evolution of noun forms from Latin to the modern version of Spanish (based on the material "Cantar de mio Cid" XII)

Keywords: noun, case, declension, gender, number

Наша статья посвящена трансформации имени существительного, а именно падежей и склонений в латинском языке и их эволюции до современного испанского языка, на материале испанского героического эпоса XII века «Cantar de mio Cid». Изучением данной темы занимались такие ученые как: В.П. Григорьев, Гурычева М.С, М. Торрес Альварес и др.

Испанский язык является романским языком, именно латинский язык заложил основы и оказал влияние на его формирование. С течением времени, испанский потерпел значительные изменения прежде чем стать таким, каким мы знаем его сейчас. Для того чтобы проследить изменения, произошедшие в формах существительного от латинского до современного испанского, нами были проанализированы имена существительные в героическом эпосе XII «Cantar de mio Cid»

Для начала, считаем необходимым пояснить, что из себя представляет имя существительное его падежи и склонения в латинском языке, а также какие изменения в них произошли.

Для этого были поставлены следующие задачи:

- 1) Обозначить понятие имени существительного на основе анализа научной литературы по теме исследования;
- 2) рассмотреть специфику падежей и склонений имени существительного в латинском языке;
- 3) провести анализ трансформации форм имени существительного древнеиспанского языка (на материале «Cantar de mio Cid» XII)

Система склонений латинского языка, является потомком проиндоевропейской системы. В испанском языке, как и в других романских языках, склонения латыни были утрачены.

Имя существительное – самостоятельная часть речи, которая обозначает предмет, лицо или явление, отвечающее на вопросы «кто?» или «что?». Очевидно, что семасиологическим свойством существительного является передача значения предметности. Категории рода, числа и соотнесённости считаются категориями имени существительного.

Имена существительные в латинском языке, так же, как и в русском, изменяются по падежам. В латинском языке выделяют шесть падежей:

Nominativus– именительный (кто? что?)

Genetivus– родительный (кого? чего?)

Dativus– дательный (кому? чему?)

Accusativus– винительный (кого? что?)

Ablativus– творительный (кем? чем? где? когда?)

Vocativus– звательный (кто? что?)

Падежи -это каждая из форм, которые принимает существительное для выражения синтаксической функции. Именно падеж указывает на связь слов в предложении и показывает, как слова зависят друг от друга.

Именительный падеж (Nominativus) в основном выражает функцию подлежащего в предложении или является частью сказуемого, независимый в предложении.

Родительный падеж (Genetivus) преимущественно в латинском языке передает определение т.е слово, которое стоит в форме родительного падежа обычно зависит от существительного.

Дательный (Dativus) является падежом косвенного дополнения и указывает на то, что слово зависит от глагола.

Винительный падеж (Accusativus) без предлога, обычно выражает прямое дополнение т.е слово, которое стоит в этом падеже зависит от глагола. С предлогом он выражает косвенное дополнение, значение которого задается предлогом.

Творительный падеж (Ablativus) является падежом предложного или косвенного дополнения, также зависит от глагола.

Звательный падеж (Vocativus) выражен в форме обращения и не является членом предложения. Всегда выделяется запятыми и в латинском и в испанском.

Каждое существительное в латинском языке относится к одному из 5 склонений. Склонение определяется по окончанию родительного падежа единственного числа:

- I склонение -ae,
- II склонение -i,
- III склонение -is,
- IV склонение -us,
- V склонение -ei.

Таким образом, мы видим, что латинская морфология имеет род и число, как и испанская, но помимо этого имеет третью ось - падеж, который практически исчезнувший из испанского языка. Хотя термины «падеж» и «склонение», могут в конечном счёте использоваться расплывчато и взаимозависимо, падежи - это те 6 о которых мы уже упоминали, в то время как склонения, можно рассматривать как совокупность падежей. По историческим причинам латинские имена склоняются по пяти различным шаблонам, поэтому у нас есть пять склонений. Таким образом, в латыни существовало 6 падежей и 2 числа, т.е 12 окончаний (по одному для каждого случая как в единственном, так и во множественном числе).

В процессе эволюции языка имена существительные среднего рода переходили в разряд существительных мужского или женского рода. Например, латинское слово *fatum* - судьба, в произведениях народной латыни употребляется в форме мужского рода *fatus*. *Caelus* вместо *caelum* у Петрония и Лукреция. Таким образом, мы наблюдаем изменения в системе склонения. Пять типов склонения сведены к трём, количественное ограничение неравносложных существительных 3-го склонения, подравнение основ, которое заключается в образовании именительного падежа по косвенному [Гурычева, 1959, с.44].

Винительный падеж вытесняет дательный. Например, вместо *blandus illi* встречается *blandus ad illum*. В свою очередь фонетические изменения привели к тому, что в 1-м и 2-м склонении формы винительного падежа совпали с творительным. Изменения в области синтаксиса и распространение предложных конструкций послужило также одним из факторов для изменений в системе склонения. Так произошло сокращение падежей.

Не мало важным является тот факт, что в литературе существуют две точки зрения на то, какая падежная форма является исходной для форм существительных языков иберо-романской и галло-романской группы, т.е для испанского, португальского, каталонского и французского.

Рейнуар считал, что в основе форм существительных романской группы языков лежит винительный падеж. Данная точка зрения получила широкое распространение и на сегодняшний день большая часть филологов-романистов разделяют именно её. В свою

очередь Дибербах предполагал, что именно творительный падеж лежит в основе форм имен существительных.

К моменту образования романских языков установилось 3 типа склонения, а существительные 4-го и 5-го склонения, переходили в другие формы склонения.

Для того, чтобы проследить изменения форм существительных от латинского до древнеиспанского и затем и до современного языка, также был проведен анализ форм имени существительного от латинского до современного испанского. Анализ существительных проводился на материале испанского героического эпоса «Cantar de mio Cid».

Начиная с самых первых строк героического эпоса, мы видим существительные *ojos y cabeza*.

De los sos **ojos** tan fuertementre llorando,
tornava la **cabeça** e estávalos catando.

Слово *ojos* произошло из латинского *oculus*. Со временем окончание *-culus* преобразовалось в *-jo*. В данном примере существительное *ojos* имеет форму множественного числа, поскольку имеет окончание *-s*, мужского рода так как имеет окончание *-o*. В качестве примера, также можно привести слово *veclus > viejo*, однако в современном испанском *viejo* чаще используется как прилагательное.

Слово *cabeza* имеет интересную этимологию. Оно происходит от вульгарного латинского *capitia*, образованного от *caput*, *capitis* - голова от классической латыни. Первоначальная форма *caput* сохранилась в романских языках с переносными значениями: в испанском *cabó* - старший из какой-либо группы. В португальском и в испанском есть *cabeça* и в каталонском *у сар*. В строчках из «Cantar de mio Cid», *cabeça* является формой женского рода, что мы можем определить по окончанию *-a*, единственного числа.

Vio puertas abiertas e uços sin **cañados**,
alcándaras vazías, sin **pielles** e sin mantos,

Слово *cañados* имеет современную форму испанского языка *candados* - замки. Этимологически оно произошло от латинского *catenātus*, с таким же значением, и также от слов *catena* (*cadena*) - цепь. В данном примере мы видим, что данное слово ещё не приобрело современный вид, присутствует буква *-n*, а не *-p* как в современном варианте. Имеет форму мужского рода, множественного числа.

В вышепредставленных строках есть слово **pielles**, которое произошло от латинского *pellis*, а в современном испанском имеет вариант без *-ll* - *piel*. Латинское слово *pellis* связано с индоевропейским корнем *pel-* (*piel*, *membrane*). В примере из «Cantar de mio Cid» слово *pielles*, имеет форму множественного числа, что доказывает окончание *-s*, а также является существительным женского рода.

¡Grado a ti, Señor, Padre que estás en alto!
¡Esto me an buelto mios **enemigos** malos!—

Существительное *enemigos* здесь имеет уже современную форму. Оно произошло от латинского *inimicus*, которое в свою очередь означает не друг. Данное слово образовано при помощи префикса *in*, таким образом получается, что данный префикс присоединяется к слову *amicus*.

Враг, не обязательно был соперником или агрессором, он просто был тем, кто не был другом. Во времена римлян, ты был с ними или против них. Для римлян, любой народ, не являвшийся друзьями, был кандидатом на роль следующей жертвы Римской империи.

Conbusco iremos todos, Cid, por **yermos** e por **poblados**,
ca nunca vos falleceremos en cuanto seamos bivos e sanos,
conbusco despenderemos las mulas e los **cavallos**
e aun demás los averes e los **paños**,
siempre vos serviremos commo leales amigos e **vasallos**.

Слово *yermo* согласно DRAE происходит от позднего латинского *eremus*, а это - от греческого *ἔρημος* (*erēmos*), одинокая, необитаемая, бесплодная пустыня. Согласно Хорхе Бергуа Каверо особым случаем дифференциации является дифтонгизация гласной, которая в испанском языке систематически влияет на *e*, *o* превращаясь в *ie*, *io* соответственно: *ἔρημος* > *latin vulgar éremus* > **iermo* > *yermo*. *ὄρφανός* > *latin órphanus* > *huérfano*. В данном примере слово *yermos* является существительным мужского рода, множественного числа.

Слово *roblados*, в данном случае обозначает небольшой городок, селение и произошло от слова *pueblo*, а оно в свою очередь от латинского *populus* - совокупность всех граждан мужского пола. В примере из эпоса, слово *roblados* имеет мужской род и представлено в форме множественного числа.

Слово *caballos* происходит от латинского *caballus*, так римляне называли мерингов, используемых для работы. Латинское слово происходит от того же корня, что и греческое *καβάλλης* (*kaballes*). Некоторые говорят, что это было бы галльское или кельтское происхождение, в то время как другие уверяют, что оно происходит из языков Балкан или Анатолии. Римляне называли мерингов - *caballus*, в то время как общее обозначение этого животного было *equus*, слово из доисторического индоевропейского термина *ekwo-*; но в вульгарной латыни средневековья *equus* практически исчез, заменив его словами, такими как *cavallo*, почти во всех романских языках, хотя он оставил свой след в таких словах, как *esuestre* у *equino*, а также в женском роде *uegua*. В строчках из анализируемого эпоса используется вариант *cavallos*, слово мужского рода и множественного числа.

Слово *paños* происходит от латинского слова *pannus* (кусок ткани, ткань), от него также произошли такие слова как *pañuelo*, *empañar*, *arañar*, *pañículo* у *panel*. Это латинское слово связано с индоевропейским корнем *rap*, связанным с идеей ткачества, с которым также связано греческое слово *πῆνος* (*penos*, *hilado*, *bobina de hilo*), что в дорическом греческом языке означает *πῆνος* и был заимствован из латыни с формой *panus*. От вульгарного варианта этого слова *panucula* происходит наше слово *pañocha* или *pañoja*.

В строчках из «Cantar de mio Cid», *paños* имеет форму множественного числа и имеет мужской род.

В средние века (VI - XV вв.) Слово **vasallos** относилось к крестьянам, которым приходилось платить царям дань. Слово *vasallo* происходит от кельтского *gwasí*. Вассал не обязательно должен быть крестьянином, маркизы, герцоги и высшие графы также были вассалами. В эпосе, слово *vasallos* имеет форму множественного числа и мужской род.

При решении задачи, которая состоит в раскрытии специфики имени существительного в латинском и испанском языках в сопоставительном аспекте (на материале «Cantar de mio Cid»), были проанализированы имена существительные из героического эпоса, обозначена цепочка изменений, которым они подвергались. На основании данного анализа, был сделан вывод, что имена существительные, приведенные в качестве примера, из «Cantar de mio Cid», приобрели свою современную форму и их окончания соответствуют современным.

1. Боровский Я.М., Болдырев А.В. Учебник латинского языка 4-е изд., доп. - М.: 1975. - 479 с
2. Васильева-Шведе О.К., Степанов Г.В. Теоретическая грамматика испанского языка: Морфология и синтаксис частей речи. - М.: Высшая школа, 2003. 387 с
3. Гурычева М.С. Народная латынь., М.: Издательство литературы на иностранных языках, 1959. — 190 с.
4. Корлэтяну Н. Г. Исследование народной латыни и её отношений с романскими языками. — М. : Наука, 1974. — 302 с.
5. Cantar de mio Cid / Anónimo; edición, presentación, estudio y notas de Alberto Montaner; con un ensayo de Francisco Rico; ensayo introductorio de Margit Frenk, 2014. 120 p. — (Clásicos de la Lengua Española)

Майборода Н.А, Кривошеева Е.И.

Особенности перевода материалов клинических исследований противовирусных препаратов с японского на русский язык

*Тихоокеанский государственный университет
(Россия, Хабаровск)*

doi: 10.18411/lj-05-2021-274

Аннотация

В статье рассматриваются сложности перевода научно-технических текстов фармацевтического дискурса с японского на русский язык. Выявлены и проанализированы особенности отчетов, составленных по результатам клинических испытаний противовирусных препаратов на японском языке, а также предложены адекватные пути из реализации в русском языке. Материалом для исследований послужили опубликованные на официальном сайте результаты клинических испытаний препарата против ВИЧ - инфекции СТОКРИН® от компании MSD.

Ключевые слова: технический перевод, японский язык, Япония, Россия, сотрудничество, фармацевтика, ВИЧ

Abstract

In the article the difficulties of translating scientific and technical texts in the field of pharmaceuticals written in Japanese are considered. One of the important aspects is the clinical trials of drugs aimed at combating HIV infection. In this article, the specifics of the translation of pharmaceutical texts are researched and also the difficulties and features of translation are identified and analyzed. The material for the research presents the results of clinical trials of the drug against HIV infection STOKRIN® from MSD, published on the official website.

Keywords: technical translation, Japan language, Japan, Russia, cooperation, pharmaceuticals, HIV

В рамках Плана взаимодействия из 8 пунктов, представленного Премьер-министром Японии С. Абэ Президенту Российской Федерации В.В. Путину в мае 2016 г., особое внимание уделяется сотрудничеству, которое позволит россиянам ощутить улучшение благоприятной жизненной среды с использованием японских технологий и соответствующего опыта Страны восходящего солнца в области профилактической медицины и фармацевтики.

В последнее время на первый план во всем мире вышла борьба с новой коронавирусной инфекцией. Это вывело из фокуса пристального внимания не менее актуальную проблему современного мира, которую также нельзя игнорировать – вирус иммунодефицита человека, более известный как ВИЧ - инфекция. Коронавирусная инфекция также замедлила стратегию ООН (ЮНЭЙДС) на 2016-2020 год по сокращению числа новых случаев инфицирования ВИЧ. Но, несмотря на то, что достичь поставленных целей к концу 2020 года не удалось, ООН утверждает глобальную стратегию по искоренению СПИД к 2030 году. В период с апреля по июнь 2021 года будет осуществляться 1 фаза процесса – обсуждение общей стратегии [4]. Учитывая данные фонда развития промышленности России, Япония занимает вторую ступень потенциального развития фармацевтического рынка в России, поэтому обмен знаниями в сфере фармацевтики достаточно актуален на сегодняшний день [2].

В данной работе выявляются и анализируются сложности перевода научно-технических текстов фармацевтического дискурса на основе клинических

исследований противовирусных препаратов с японского на русский язык. Материалом для исследований послужили опубликованные на официальном сайте результаты клинических испытаний препарата против ВИЧ - инфекции СТОКРИН® от компании MSD [3].

Из всего круга особенностей научных текстов, вызывающих затруднение с адекватной передачей смысла, является терминология. Фармакология - не исключение, поскольку содержит большое количество терминологических понятий. Еще одной особенностью текстов медико-фармацевтического дискурса является присутствие обильного количества аббревиатур, зачастую представляющих собой иноязычные (чаще всего латинские) вкрапления. Так, к особому разделу фармацевтики относят единицы измерения, при переводе которых на иностранный язык (например, в результатах анализа крови) необходимо учитывать определённые специфические нюансы. Рассмотрим их подробнее.

При осуществлении перевода материала были выявлены определенные трудности, связанные с недостаточным количеством фоновых знаний в области фармацевтики, а именно: 1) большое количество сокращений химических элементов (HMG-CoA); 2) прочие термины и понятия, имеющие связь с медицинской отраслью (ACU, max/min); 3) обозначения физических величин (T, t и тд); 4) наличие слов латинского происхождения (*in vivo/ in vitro*).

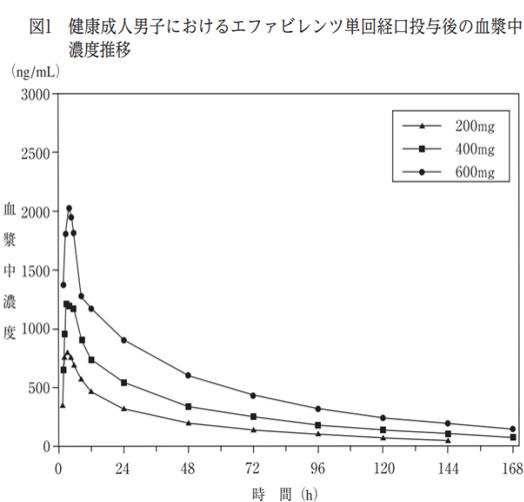

Рис.1

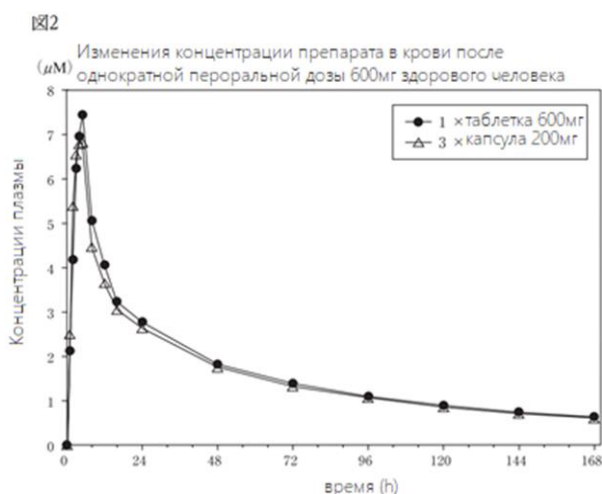

Рис.2

Графики стали одним из сложных аспектов при переводе текста клинических испытаний на русский язык, поскольку в данном случае необходимо не только перевести значения по оси y и x , но также и уметь их проанализировать. Например, параметром графиков (Рис.1 и рис.2) является AUC [3] — аббревиатура от англоязычного «Area Under the Curve» (площадь под кривой) вызывает определенные сложности. AUC—фармакокинетический параметр, характеризующий суммарную концентрацию лекарственного препарата в плазме крови в течение всего времени наблюдения. AUC является полезным показателем при попытке определить, приводят ли два препарата с одинаковой дозой (например, капсула и таблетка) к равному количеству воздействия на ткань или плазму. Другое применение - это терапевтический мониторинг лекарственных средств с узким терапевтическим индексом. Математически определяется как интеграл от 0 до ∞ функции концентрации препарата (фармакокинетической кривой) в плазме крови от времени и равен площади фигуры, ограниченной фармакокинетической кривой и осями координат (таблица 1 и таблица 2).

Таблица 1

用量及び剤形	AUC _{0-t} ($\mu\text{M} \cdot \text{h}$)	C _{max} (μM)	T _{max} ^{a)} (h)	t _{1/2} ^{b)} (h)
600mg錠剤	338.77 ± 111.37	8.06 ± 1.95	4 (2-8)	78.21 ± 27.74
200mgカプセル×3	326.97 ± 112.47	7.50 ± 2.81	4 (2-5)	75.81 ± 29.56

Таблица 2

Дозировка и лекарственная форма	AUC _{0-t} ($\mu\text{M} \cdot \text{h}$)	C _{max} (μM)	T _{max} ^{a)} (h)	t _{1/2} ^{b)} (h)
Таблетка, покрытая оболочкой 600 мг	338.77 ± 111.37	8.06 ± 1.95	4 (2-8)	78.21 ± 27.74
Капсула 200мг × 3	326.97 ± 112.47	7.50 ± 2.81	4 (2-5)	75.81 ± 29.56

Понимание данных графиков прояснило суть клинических испытаний, послужило определенным контекстом для их корректного перевода и адекватной передачи описания аналитики на русский язык.

Одной из особенностей текстов клинических испытаний является использование наименования химических элементов, используемых в составе того или иного вещества, что вызывает трудности в процессе перевода. Если говорить о текстах на японском языке, то следует обратить внимание на способы написания химических элементов. Помимо записи буквами латинского алфавита, в текстах фармацевтического дискурса довольно часто встречается запись по «формуле» азбука катакана + латиница». Так, например, цитохром P450, в текстах медицинского дискурса, написанных на японском языке, будет иметь запись- チトクロームP450, где チトクローム- непосредственно, название вещества. Таким же образом будет (латиница + катакана) записан и HDLコレステロール – холестерин ЛПВП (холестерин липопротеидов высокой плотности).

В процессе работы над переводом были выявлены трудности, связанные с синонимией терминологии. Так, выражения 合併症, 余病 «осложнение» имеют некоторую схожесть в значении, но не являются при этом равноправными по смыслу. Первый термин употребляется в значении «осложнение после (определенной) болезни» в отличие от второго слова, значение которого более универсально.

В заключение необходимо отметить, что продолжение совместных усилий России и Японии в разработке препаратов против ВИЧ - инфекции поможет не только снизить заражение вирусом, но и укрепить взаимоотношения между двумя странами для дальнейших разработок и поставок. Однако перевод фармацевтических текстов является одним из сложных видов перевода, при котором необходимо соблюдать ряд требований, таких как точная передача содержания и адекватный подбор терминологических эквивалентов. Также для работы в сфере медицинского и фармакологического дискурса важно понимать широкий пласт лексики, включающий в себя не только стандартную терминологию, но и слова, обозначающие симптоматику, фармацевтические препараты и медицинское оборудование.

1. Стадильская Н. А., Антипова Л. А. Сложности, возникающие при переводе текстов медико-фармацевтического дискурса / (Пятигорский медико-фармацевтический институт – филиал ГБОУ ВПО ВолгГМУ Минздрава России, г. Пятигорск), 2014. [Электронный ресурс] Режим доступа: <https://www.pmedpharm.ru/news/2014-12-03-02.html> (дата обращения 04.04.2021)

2. Обзор тенденций на глобальном и Российском фармацевтическом рынке / отчет подготовлен при поддержке Рынка Инноваций и Инвестиций (РИИ) московской биржи и Фонда развития промышленности (ФРП). [Электронный ресурс] Режим доступа: <https://docplayer.ru/32484978-Obzor-tendenciy-na-globalnom-i-rossiyskom-farmaceuticheskom-rynke.html> (дата обращения 04.04.2021)
3. 医療関係者の確認 | MSD Connect [Электронный ресурс] Режим доступа: https://www.msconnect.jp/disclaimer.xhtml?request_url=www.msconnect.jp/medinfo/productslist.xhtml# (дата обращения 04.04.2021)
4. Укрепить и развить успех в деле искоренения СПИДа: на старт, внимание, марш! [Электронный ресурс] Режим доступа: https://www.unaids.org/ru/Global_AIDS_strategy_process (дата обращения 17.04.2021)

Махрова М.М.

Цифра и текст: особенности числового обозначения в русскоязычных инфографиках разных видов

*Владимирский государственный университет им. А.Г. и Н.Г. Столетовых
(Россия, Владимир)*

doi: 10.18411/lj-05-2021-275

Аннотация

Несомненный интерес для исследования представляют структура и содержание современной русскоязычной инфографики как актуального явления информационного пространства XXI века. До настоящего момента специалистами с точки зрения лингвистической науки не рассматривалось соотношение числа и текста в инфографиках разного вида, данный аспект выбран для рассмотрения в настоящем исследовании.

Ключевые слова: инфографика, рейтинг, статистика, рецепт, хронология, число, цифра, текст

Abstract

The structure and content of modern Russian-language infographics as an actual phenomenon of the information space of the XXI century are of undoubted interest for the study. Until now, experts from the point of view of linguistic science have not considered the ratio of numbers and text in infographics of different types, this aspect is chosen for consideration in this article.

Keywords: infographics, rating, statistics, recipe, timeline, number, figure, text

Любопытное явление современного информационно-коммуникационного пространства – инфографика на протяжении последних десятилетий привлекает внимание отечественных и зарубежных специалистов, в их числе В. Лаптев, Р. Крам, М. Смикиклас. Существуют разные подходы к изучению и определению данного понятия. На наш взгляд, инфографика представляет собой креолизованный текст, включающий в себя элементы разных знаковых систем.

Интересным аспектом для лингвистического анализа представляется соотношение слова и цифры при числовых обозначениях в инфографиках разных видов. Попыток лингвистического исследования соотношений цифровых и буквенных обозначений в инфографических текстах до настоящего момента не предпринималось, что обуславливает актуальность предлагаемой работы.

Целью настоящего исследования является описание наиболее типичных случаев числового обозначения информации в структуре современных русскоязычных инфографик. Автор ставит перед собой следующие задачи: проследить, как функционирует цифра в креолизованном тексте, установить закономерности между особенностями числового обозначения информации и конкретным видом инфографики.

Рис. 1 Пример инфографики смешанного типа с элементами рейтинга и статистики издания «Аргументы и факты»

Нами были рассмотрены 500 статичных (без изменяющихся аудио/видео эффектов) русскоязычных инфографик, представленных в открытом доступе.

В рекламном и публицистическом дискурсах, в рамках которых, как правило, рассматривается явление инфографики, сложились закономерности и правила обозначения числа в текстах. Исследователь К.М. Накорякина выделяла следующие наиболее типичные особенности: числа первого десятка обозначаются словами, двузначные и многозначные числа – цифрами [3]; если в публицистическом тексте встречается падежная форма (количественно-именное сочетание), число обозначается словами. Следует отметить, что в случае, когда автор хочет подчеркнуть точное числовое значение, то передаёт его на письме цифрой. Кроме того, цифровое обозначение информации выполняет в тексте аттрактивную функцию. В проанализированных нами примерах инфографик встречается смешанная запись (буквенная или числовая). Отметим, что соотношения большого количества цифр и данных лежат в основе инфографики любого вида, однако можно выделить виды русскоязычных инфографик, в которых числовой компонент можно считать необходимой составляющей.

Числовые обозначения (текстовые и цифровые), на наш взгляд, являются обязательными в инфографиках-рейтингах, инфографиках-рецептах, инфографиках-статистических схемах, инфографиках-хронологиях.

Инфографики-рейтинги передают числовые показатели и большие объёмы данных, выстроенные в градационный ряд. В большей степени в инфографиках-рейтингах встречается цифровое обозначение пунктов списка или подборки. В словосочетаниях с именем существительным числовой показатель обозначается цифрой, ср., например, *1 место*.

Количественно-именных сочетаний в проанализированных нами примерах инфографик-рейтингов не встречалось. Интересной особенностью, отмеченной нами в некоторых заголовках инфографик данного типа, стало избыточное сочетание числового и текстового обозначения количества, ср., например, *5 Пятёрка лучших показателей*, что может быть обусловлено целью автора привлечь внимание читателей к содержанию инфографики.

Рис. 2 Пример инфографики-рецепта издания «Аргументы и факты»

Инфографики-статистики раскрывают количественные соотношения и зависимости, в отличие от инфографик-рейтингов, по структуре и содержанию, статистики наиболее аналитичны. Цифровое обозначение данных по содержательности в инфографиках-статистиках превалирует над текстовым, в контексте даётся минимум пояснений, так как наиболее показательны с точки зрения информативности именно числовые обозначения ср., например, словосочетание *76% старше 60 лет*. Дроби в проанализированных нами инфографиках-рейтингах и инфографиках-статистиках встречались в виде десятичной записи, ср., например, *4,7% Москва*.

В инфографиках-рецептах, демонстрирующих процесс приготовления блюда или напитка, наибольший объём числовых обозначений сгруппирован в тематическом блоке ингредиенты. Данный вид, на наш взгляд, наиболее интересен с точки зрения соотношения числа и текста. Цифры передают объём продуктов и веществ, время приготовления, и сочетаются с единицами измерения веса, времени, количества объектов. Ср., например, *1 кг спелых помидоров, пассивное время приготовления 4 часа*

10 минут, 1 столовая ложка уксуса. Отметим, что в проанализированных примерах, в инфографиках-рецептах наблюдается тенденция цифрового, а не текстового обозначения числовых значений объектов ср., например, *Хлеб разломить на 4 части*, что объясняется, на наш взгляд, стремлением автора к конкретности данных и дополнительным привлечением внимания адресата инфографики. Отметим, что в некоторых инфографиках прослеживается избыточность данных ср., например, *замесить эластичное тесто и поставить в холодильник на 1 час*. В контекстуальном примере единица измерения времени *час* сама по себе даётся в единичном значении и цифровое дополнение оказывается лишним. В тематическом блоке ингредиенты употребление цифрового обозначения количества продукта, которое стоит в форме единственного числа, что объясняется необходимостью максимально конкретного пояснения вместо *цедра лимона*, в инфографике фиксируется *цедра 1 лимона*. В падежном сочетании, обозначающем приблизительное время приготовления блюда, единица измерения передаётся словом без цифрового дополнения, что соответствует норме современного русского языка: *тушить около часа*. Единицы измерения температуры приготовления в инфографиках обозначаются цифрой *запекать жульен в духовке при 160 С до золотистой корочки*.

Дробные числа в проанализированных нами инфографиках-рецептах передаются цифрами, а единицы измерения даются в сокращении $\frac{1}{2}$ ч.л. *жидкой ванили*, ч.л. в данном случае *чайной ложки*. В некоторых примерах инфографик-рецептов для привлечения внимания читателя числовые обозначения дублируются в визуальном и в текстовом компоненте. Ср., например, рис. 1, *50 минут* и *160 С* встречаются дважды: в изображении и текстовом пояснении. Приблизительность количества передаётся инверсивным порядком слов ср., например, *Выключить и дать настояться минут 20; печь 50 минут; дать салату пропитаться часа 3-4*. На наш взгляд, автор сам определяет, какие факторы в приготовлении блюда являются наиболее существенными и требуют предельной конкретики, а в каких пунктах возможна вариативность. Отметим ещё одну интересную особенность, числовое обозначение количества, в некоторых примерах инфографик-рецептов, обозначается с помощью визуализации, ср., например, количественно-именное сочетание заменяется абстрактным изображением считаемого объекта, например, *три картофелины* в одной из проанализированных инфографик представляют собой сочетание лексемы картофель и изображений трёх картофельных клубней.

Инфографики-хронологии раскрывают динамику развития временных отрезков крупного исторического события или целой эпохи. Наиболее частотно для инфографик-хронологий сочетание числа, названия месяца и лексемы год в постпозиции, ср., например, *9 мая 1945*. Дробных чисел в проанализированных нами примерах инфографик-хронологий не встретилось, что объясняется спецификой данного вида инфографики, отражающего завершённые целые хронологические фрагменты.

Таким образом, сочетания цифры и текста в русскоязычных инфографиках разных видов варьируются в зависимости от замысла автора и остаются интересной сферой для дальнейшего лингвистического исследования. Отдельные текстовые элементы часто дополняются или заменяются изображением. Наиболее объёмно числовые данные представлены в инфографиках-рейтингах, инфографиках-рецептах, инфографиках-статистических схемах, инфографиках-хронологиях. Показательно, что в инфографиках данного вида цифровая запись чисел превалирует над текстовой, что объясняется необходимостью точно, конкретно и кратко передать информацию аудитории и привлечь внимание к цифровым показателям в содержании конкретной инфографики.

2. Лаптев В. Русская инфографика. – СПб.: Издательско-полиграфический центр Политехнического университета, 2018. – 399 с.
3. Накорякова К. М. Цифра в публицистическом тексте. URL: http://www.gramota.ru/biblio/magazines/gramota/28_39
4. Смиклас М. Инфографика: коммуникация и влияние при помощи изображений. – СПб: Питер, 2014. – 150 с.

Молчанова С.Е., Лысенко Н.А.

Основные стилистические функции повтора в современных английском и немецком языках (на материале художественного стиля)

*РФ ФГБОУВО «Российский государственный университет правосудия»
(Россия, Ростов-на-Дону)*

doi: 10.18411/lj-05-2021-276

Аннотация

В статье выявляется частотность употребления и основные стилистические функции различных видов повтора в современном художественном стиле английского и немецкого языков. Рассматриваются функции таких видов повтора, как синтаксический (многосоюзие, синтаксический параллелизм, подхват, анафора, эпифора, синтаксическая тавтология, рамочная конструкция), лексический (простой, синонимический, плеоназма), морфологический (корневой, аффиксальный). Выявляются сходства и различия в употреблении и функционировании повтора в английской и немецкой художественной прозе.

Ключевые слова: повтор, различные виды повтора, стилистические функции повтора, художественный стиль.

Abstract

The article deals with the frequency of usage of different types of repetition as a stylistic device and their main stylistic functions in the belles-letters style of modern English and German. The functions of the following types of repetition are considered: syntactic (polysyndeton, syntactic parallelism, anadiplosis, anaphora, epiphora, syntactic tautology, pleonasm), lexical (simple, synonymic, pleonasm), morphemic (root, affixal). Similarities and differences of usage and functioning of repetition in English and German prose are revealed.

Key words: repetition, different types of repetition, stylistic functions of repetition, belles-letters style.

Повтор как стилистический приём служит одним из основных средств реализации авторского замысла. Он способствует усилению эмоциональности и экспрессивности высказывания, является способом выражения субъективно-оценочного отношения к предмету речи, индивидуализации и интенсификации речи, одним из важнейших средств побуждения, воздействия на адресата.

Проведённый анализ примеров нашей выборки показал, что в современных художественных произведениях английских и американских авторов встречаются следующие виды повтора: синтаксический (50 %), лексический (32 %) и морфемный (18 %).

Частотность употребления различных видов синтаксического повтора распределяется следующим образом: полисиндетон (23 %), синтаксический параллелизм (21 %), подхват (19 %), анафора (18 %), эпифора (10 %), синтаксическая тавтология (5 %), рамочная конструкция (4 %).

Вышеперечисленные виды синтаксического повтора выполняют следующие функции: эмфатическая (26 %), эмоциональная (21 %), объединяюще-выделяющая (20 %), перечисления (10 %), кульминационная (11%), объясняюще-уточняющая (7 %), последовательности (5 %). Следует отметить, что повторам практически во всех

случаях их употребления свойственна также ритмическая функция. В некоторых случаях указанные функции могут встречаться в различных сочетаниях друг с другом.

Основной функцией полисиндетона в художественном стиле является объединяюще-выделяющая функция. Например: *Female slaves, captives from previous conquests, pour out the scarlet hrang from the skin bottles in which it is fermented, and cringe and stoop and serve, carrying bowls of undercooked stew made from rustled thulks* [1, p. 105]. Повтор союза в данном предложении акцентирует внимание на том, как тяжело было выполнять каждое действие в отдельности, в то же время, подчёркивает, насколько сложно выполнять их все по очереди в непрерывном и изнуряющем ритме. *I'd loved it. Loved the snappy reviews and the witty cartoons and the feeling of being admitted to a special, members-only club for readers* [8, p. 2]. Многосоюзие придаёт важность каждому из перечисляемых элементов и одновременно объединяет их в единое целое.

Ещё одной функцией, свойственной полисиндетону, является функция передачи последовательности событий. Например: *And then there was light. And shrieking. And hugging* [8, p. 89]. В данном примере реализуется также эмоциональная функция, заключающаяся в передаче радости героев.

Эмоциональная функция может быть превалирующей. Например: *His desk was sleek and black and topped with a flat-screen monitor, and the matching black leather chair was backed and very plush* [8, p. 90]. Употребление полисиндетона в описании интерьера способствует точной передаче обстановки, отражающей характер и вкусы героя, который эту обстановку создал. Привычная детально подобранная обстановка кабинета отца главной героини действует на неё успокаивающе.

Для синтаксического параллелизма в стиле художественной прозы характерны функции перечисления и последовательности событий. Например: *They arrived here eight thousand years ago. They brought a lot of plant seeds with them. They also brought animals. Then they blew themselves up through being too clever* [1, p. 179]. Полисиндетон способствует созданию многомерной картины происходивших событий.

Такая разновидность синтаксического параллелизма как хиазм выполняет преимущественно эмфатическую функцию. Например: *She won't fire you. Believe, you won't be fired* [7, p. 367]. Хиазм в данном примере придаёт убедительности словам говорящего.

Подхват в художественном стиле выполняет в основном объясняюще-уточняющую функцию. Например: *Underneath the rocks, they say, a king is buried – a king without a name* [1, p. 27].

Одной из функций такого вида синтаксического повтора, как анафора в стиле художественной прозы является функция передачи последовательности событий. Например: *I'll interview you. I'll turn your answers into prose* [4, p. 90].

Рассматриваемый вид повтора может способствовать созданию эффекта нарастания напряженности, то есть выполнять кульминационную функцию. Например: *Well, yes, ask him. Ask him why he illegally kidnaps British citizens in another country and hands them over to be tortured. Ask him if he knows about the techniques the CIA uses to stimulate drowning. Ask him what he plans to say to the widow and the children of the man who died of a heart attack* [4, p. 95]. В данном примере наблюдается нарастание негодования и гнева говорящего, который перечисляет ужасные действия, повлёкшие за собой смерть человека.

Анафора может встречаться в объединяюще-выделяющей функции. Например: *As if to protect himself from her. As if to protect her* [1, p. 67]. С одной стороны подчёркивается важность каждого элемента описания, с другой стороны создаётся единый образ.

Объясняюще-уточняющая функция также свойственна анафоре. Например: *The coarse grass in the foreground. The grass was yellow, because the weather was dry* [1, p. 55].

Эпифора в художественном стиле чаще всего реализует эмфатическую функцию. Например: *I was furious with Laura for what she'd done, but also with the policeman for implying that she'd done it* [1, p. 57]. С помощью данного вида повтора подчёркивается ужас произошедшего события и невозможность ничего изменить.

Эпифора может сочетаться с анафорой, в результате чего образуется рамочная конструкция, компоненты которой занимают психологически наиболее отчетливо выделенные синтаксические позиции. Данный вид повтора выполняет в основном эмфатическую функцию. Например: *The photo is one of them together, her and this man, on a picnic. Picnic is written on the back, in pencil, - not his name or hers, just picnic* [1, p. 11]. Пожилая героиня рассматривает фотографию из далёкого прошлого и понимает, что самые обыденные события в жизни человека могут впоследствии стать судьбоносными.

Синтаксическая тавтология выполняет в художественном стиле эмфатическую функцию и придаёт речи героев разговорный характер. Например: *Mr. Jake Blasen, he arrived a little after four to pick up the truck* [7, p. 351].

Проведённый анализ примеров нашей показал, что частотность употребления различных видов лексического повтора в стиле художественной прозы распределяются следующим образом: простой повтор (70%), синонимический повтор (25%) и плеоназма (5 %).

Лексический повтор выполняет в художественном стиле следующие функции: эмфатическая (42 %), эмоциональная (27 %), объясняюще-уточняющая (18 %), образное воспроизведение сцены (10 %), кульминационная (3 %).

Одной из функций простого контактного повтора является образное воспроизведение сцены. Например: *She could see roof upon roof upon third storey upon third storey of the houses on the rising hill* [7, p. 74]. В данном примере подчёркивается плотность застройки и однообразие пейзажа.

Эмоциональная функция также характерна для простого лексического повтора. Например: *You will not throw up. You will not throw up. You're just here to talk about being an editorial assistant, and then it's straight back to the couch. You will not give up* [8, p. 15]. Лексический повтор во внутреннем монологе героини эксплицирует её решительный настрой и желание взять себя в руки.

Расширенному повтору свойственна объясняюще-уточняющая функция. Например: *Pain, even slight pain, tends to isolate. Pain, such as he had to suffer, cuts the last links with society* [4, p. 34].

Синонимический повтор также преимущественно выполняет объясняюще-уточняющую функцию. Например: *She lies in flat on the table and stares down into it, as if peering into a well or a pool, searching for something else* [1, p. 56].

Этот же вид повтора может реализовывать функцию образного восприятия сцены. Например: *The drunkard shouted and screamed at once, then caught the boy at the throat...* [7, p. 101]. Повтор детально передаёт характер издаваемых персонажем звуков.

Рассматриваемый вид повтора может иметь эмоциональную функцию. Например: *Where's the fun in all your perfectly planned, mapped-out, rule-filled life?* [8, p. 192]. Говорящий высказывает свое негативное отношение к образу жизни одного из героев произведения.

Плеоназма как разновидность лексического повтора выполняет в основном эмфатическую функцию. Например: *It was a clear, starry night, and not a cloud was to be seen* [7, p. 110]. Подчёркивается чистота ночного неба.

Лексический повтор в двух смежных репликах диалога реализует эмоциональную функцию и может выражать широкий спектр эмоций говорящих: удивление, радость, возмущение. Например: *He said, "I want something in a cage". "Something in a cage?", Mr. Parcell was a bit confused* [7, p. 57]. В данном примере передаётся удивление говорящего.

Результаты проведённого исследования показали, что частотность употребления морфемного вида повтора в художественном стиле распределяется следующим образом: корневой повтор (60 %), аффиксальный повтор (40 %).

Морфемные виды повтора могут выполнять следующие функции: эмфатическая (45 %), объясняюще-уточняющая (35 %), эмоциональная (20 %).

Корневой повтор в основном выполняет эмфатическую функцию. Например: *He remembered how his friend laid flat on the tracks while a goods train rumbled over him – a daredevil, who dared the others to do it, though nobody would take his «dare»* [3, p. 206]. В данном примере корневая морфема *dare* используется трижды. Такое употребление подчёркивает, насколько отважным был друг главного героя.

Эмфатическая функция может также реализовываться аффиксальным повтором. Например: *Whoever was unlucky enough to be around would have to tell her that there were no more white Hermes scarves, and that none could be made, shipped, created, formed, mailed, ordered or mandated* [8, p. 96]. В этом примере подчёркивается невозможность достать определённую вещь.

Корневой повтор выполняет также объясняюще-уточняющую функцию. Например: *As Mike started toward Julie again, Singer spun and walked beside him, nudging him playfully. Of course, playful was a relative term. The dog nearly sent Mike careening into the mailbox before he caught his balance* [7, p. 86].

Аффиксальный повтор может реализовывать эмоциональную функцию. Например: *Moveless. Lifeless. Breathless...* [3, p. 120]. Суффикс с семой отсутствия помогает передать эмоциональное состояние душевного опустошения. Морфемный повтор способствует также компрессии текста.

Аффиксальный повтор может способствовать созданию нарастания. Например: *Nor did she feel the heaviness she always had in the past. She pictured Jim in her mind, and though a faint feeling of sadness and loss came with the memories, it was like hearing a clock tower chime in the distance, echoing softly before fading away. In its place, there was a numbness* [7, p. 204]. В данном примере существительные описывают эмоциональное состояние героини, меняющееся каждый раз на более интенсивное.

Повторяющаяся морфема *semi-* может участвовать в создании комического эффекта. Например: *In the obscene world of Manhattan real estate, semilivable apartments were rarer—and more desirable—than seminormal straight guys. When you added semiaffordable into the mix, they became harder to rent than your private island somewhere off the southern coast of Africa* [8, p. 176]. Слова, содержащие общую морфему, являются авторскими окказионализмами и создают комический эффект в этом примере.

Анализ примеров, полученных методом сплошной выборки, показал, что в художественных произведениях современных немецких авторов частотность употребления повтора распределяется следующим образом: синтаксический повтор (48 %), лексический повтор (40 %), морфемный повтор (12%).

В художественном стиле современного немецкого языка встречаются следующие виды синтаксического повтора: синтаксический параллелизм (30 %), полисиндетон (23 %), подхват (19 %), анафора (17 %), рамочная конструкция (6 %), эпифора (5 %).

Вышеперечисленные виды синтаксического повтора выполняют следующие функции: эмфатическая (29 %), эмоциональная (25 %), объединяюще-выделяющая (20 %), объясняюще-уточняющая (17 %), кульминационная (9 %).

Синтаксический параллелизм в немецкой художественной прозе выполняет преимущественно эмфатическую функцию. Например: *Oft genug habe ich im Lauf meines Lebens getan, wofür ich mich nicht entschieden hatte, und nicht getan, wofür ich mich entschieden hatte* [5, s. 22]. Данный вид синтаксического повтора позволяет говорящему расставить правильное логические акценты на важных частях высказывания. *Sie würde sich normal verhalten, ich würde mich normal verhalten, und alles würde wieder normal sein* [9, s. 48].

Синтаксический повтор может быть связующим элементом в диалогах героев в художественном тексте. В эмоциональном разговоре говорящий уточняет интересующие его детали, повторяя последнее предложение, выражая при этом различные эмоции. Например: «*Ich bleibe sowieso sitzen.*» «*Wo bleibst du sitzen?*» [9, s. 11]. В данном примере выражено удивление говорящего.

Полисиндетон в немецких художественных произведениях реализует объяснительно-выделительную функцию. Например: *Robert war immer klug und kühl und nie ironisch* [2, s. 157].

Подхват в современной немецкой художественной прозе чаще всего выполняет объясняюще-уточняющую функцию. Например: *Viele Klingeln zeigen viele kleine Apartments an. Apartments, in die man einzieht und aus denen man auszieht, wie man Mietwagen nimmt und abstellt* [5, s. 8].

Эмоциональная функция свойственна анафоре. Например: *Ich erinnere mich nicht, im Treppenhaus jemals einem anderen Bewohner begegnet zu sein. Ich erinnere mich auch nicht mehr, wie ich Frau Schmitz begrüßt habe* [5, s. 13] (растерянность). *Steig ab, verflucht! Mrs. Fergus und ich haben was mit dir zu besprechen! Steig ab, sag ich.*» [9, s. 19] (настойчивость и нетерпение).

Эмфатическая функция также характерна для анафоры. Например: *Das Haus ist nicht düsterer als in der Bahnhofstraße. Das Haus ist blind* [5, s. 10]. Анафорический повтор подчёркивает главную разницу между двумя домами, которую автор устанавливает, основываясь на своих воспоминаниях. *Eine Woche später stand ich wieder bei ihr vor der Tür. Eine Woche lang hatte ich versucht, nicht an sie zu denken* [5, s. 19]. Характерной особенностью немецкого языка является инвертированный порядок слов при употреблении обстоятельства времени в начальной позиции.

Рамочная конструкция встречается в основном в эмоциональной функции. Например: *Warum hast sie so getan, warum?* [5, s. 78] (волнение и непонимание).

Как показали результаты проведённого исследования, в современных художественных произведениях на немецком языке употребляются следующие виды лексического повтора: простой повтор (60 %), синонимический (34 %) и тавтология (6 %).

Данные виды лексического повтора выполняют следующие функции: эмфатическая (35%), эмоциональная (30 %), объясняюще-уточняющая (15 %), образное воспроизведение сцены (13 %), кульминационная (7 %).

Основной функцией простого лексического повтора является эмоциональная функция. Например: «*Raus! Raus aus meinem Haus!*» [5, p. 36] (гнев). «*Geht nicht.*» «*Wieso nicht??!*» [9, s. 78] (удивление). «*Hören Sie auf, so zu schreien, um Gottes Willen! Sie machen mir ja das Pferd völlig verrückt! – Ruhig, ruhig, Lance, nur ruhig*» [9, s. 20] (переживание, желание успокоить животное). *Hatten Sie Angst? Hatten Sie Angst?* [9, s. 122] (волнение и любопытство).

Лексический повтор, при котором повторяются глаголы, выполняет преимущественно эмфатическую функцию. Например: *Sie blieb zurück, wie eine Stadt zurückbleibt, wenn der Zug weiter fährt* [5, s. 83]. Глаголы с отделяемой приставкой не встречаются в английском языке, поэтому такой вид повтора можно считать особенностью употребления повтора в немецком дискурсе.

Повтор союзных слов может быть использован для уточнения информации и побуждения собеседника закончить начатую мысль (эмфатическая функция). Например: «*Bin froh, daß ich Lance so weit gebracht habe ... nachdem Sie*» – *Er machte eine vielsagende Pause und lutschte an seiner Hand. Turner sagte ohne Atem: «Nachdem ich was?» «Nachdem Sie ihn so verstört haben»* [9, s. 19].

В случаях, когда лексический повтор используется с сопроводительными словами, чаще всего существительное с различными прилагательными, повтор выполняет функцию образного воспроизведения сцены и передаёт определённую атмосферу событий. Например: *Menschengesichter, wahrgenommen als helle Flecken,*

laute Stimmen, drängende Stimmen – er war wieder auf dem Turnierplatz inmitten der aufgebracht Menge [9, s. 18].

В немецком художественном тексте часто употребляется лексический повтор с грамматическими изменениями. Например: *Hatte sie deswegen ihre Schützlinge nach Auschwitz geschickt? Und hatte sie deswegen die Schwachen zu ihren Schützlingen gemacht?* [5, s. 127]. В данном примере изменения наблюдаются в падеже существительного и притяжательного местоимения.

В художественных текстах часто встречается синонимический повтор. Например: *Was das Treppenhaus ursprünglich an bescheidener, der Prächtigkeit der Fassade nicht vergleichbarer Schönheit besessen haben mochte, war längst vergangen* [5, s. 12]. Употребление синонимического повтора в данном случае помогает детально описать увиденную картину.

В художественном тексте на немецком языке достаточно редко встречается тавтология. Данный вид повтора используется преимущественно в устойчивых выражениях, которые состоят из двух компонентов, имеющих одинаковое значение. Например: *Nein, der Bericht verkenne ganz und gar, was sie in der Nacht gemacht, geleistet und gelitten hätten* [5, s. 120]. Тавтология выполняет эмфатическую функцию.

Частотность употребления морфемного повтора в немецкой художественной прозе представляет собой следующее соотношение: корневой повтор (65 %), аффиксальный повтор (35 %).

Основными функциями данного вида повтора являются эмфатическая (70 %), объясняюще-уточняющая (20 %), кульминационная (10 %).

Корневой повтор часто выполняет эмфатическую функцию. Например: *Das läßt nach, wenn es dem Kranken besser geht. Hat die Krankheit aber lange genug gedauert, dann ist das Krankenzimmer imprägniert und noch der Genesende, der kein Fieber mehr hat, in die Labyrinth verloren* [5, s. 20]. Такой вид лексического повтора больше характерен для немецкого дискурса, в котором больше сложных слов, образованных словосложением.

Корневой повтор нередко встречается в объясняюще-уточняющей функции. Например: *Ich sollte spazieren gehen, jeden Tag ein bißchen weiter, ohne mich anzustrengen. Die Anstrengung hätte ich gebraucht* [5, s. 19].

Корневой вид повтора в немецком языке может быть редуцирован в целях языковой экономии. Например: *Das Fenster ging zur Bahnhofstraße und der Blick auf das Gelände des ehemaligen Bahnhofs, das um- und umgewühlt wurde und auf dem hier und da schon die Fundamente neuer Gerichts-(gebäude) und Behördengebäude gelegt waren* [5, s. 13]. В описаниях и в речи героев общие части сложных слов редуцируются для упрощения структуры и облегчения понимания. Например: *Meine Mandantin hat sich bei jedem Wohnortwechsel polizeilich ab-(gemeldet) und angemeldet* [5, s. 93].

Корневой повтор может выполнять кульминационную функцию. Например: *«Todesmarsch?» fragt die Tochter im Buch und antwortet: «Nein, Todestrab, Todesgalopp.»* [5, s. 116]. В этом примере нарастание создают три слова *Todesmarsch, Todestrab u Todesgalopp*.

В английской и немецкой художественной прозе наблюдаются как сходства, так и различия в частотности употребления, а также в функционировании различных видов повтора.

1. Atwood M. "The Blind Assassin". - N.Y.: Anchor books, 2001. - 538 p.
2. Böll H. Billiard um Halb Zehn. – СПб.: КАРО, 2007. – 480 s.
3. Brown D. "Angels & Demons". - UK: Simon & Schuster, 2010. - 458 p.
4. Harris R. "The Ghost". – London: Arrow books, 2007. - 400 p.
5. Schlink B. "Der Vorleser". - Zürich: Diogenes Verlag, 2005. - 207 s.
6. Sparks N. "The Guardian".- N.Y.: Boston, 2003. - 492 p.
7. Weisberger L. "The Devil Wears Prada". - N.Y.: Anchor books, 2006. - 432 p.
8. Wolff E. "Im Schatten des Pferdemondes". - Frankfurt am Main: Fischer Taschenbuch Verlag, 2001. - 411 s.

Перевезенцева Ю.В.
«Долой Христа», или Богоборческий мотив в сборнике «Ego sum qui sum»
Александра Тинякова

Калужский государственный университет им. К. Э. Циолковского
(Россия, Калуга)

doi: 10.18411/lj-05-2021-277

Аннотация

В данной статье проведен анализ богоборческого мотива в сборнике «Ego sum qui sum» А. И. Тинякова – русского поэта Серебряного века.

Ключевые слова: богоборческий мотив, Тиняков, 20 век.

Abstract

This article analyzes the God-fighting motif in the collection «Ego sum qui sum» by A. I. Tinyakov – a Russian poet of the Silver Age.

Keywords: God-fighting motif, Tinyakov, 20th century.

Тема богоборчества была популярна в русской литературе XX века – ею интересовались классики и поэты декадентской волны [3]. Богоборческие идеи довольно тесно связаны с учением Ф. Ницше, который в своем трактате «Так говорил Заратустра» писал: «Умерли все боги; теперь мы хотим, чтобы жил сверхчеловек» [1, 57]. Но нельзя утверждать, что только на идее о сверхчеловеке строилась богоборческая тема в русской литературе, можно даже сказать, что в своих роптаниях поэты или писатели не утверждают, что «Бог умер», а скорее признают его существование, но корят или даже ненавидят за определенные деяния или, наоборот, бездействие. Такой позиции придерживался и поэт Александр Иванович Тиняков.

Сборник «Ego sum qui sum» («Аз, есмь сущий») – вершина творчества Тинякова. Каждое стихотворение здесь является демонстрацией всего безобразного, порочного и эгоистичного, что может быть в человеке, отражением психологии кутилы и распутника, с восторгом рассказывающего о своих похождениях. Этот образ отвергает любую мораль, нравственность и веру в Бога как проявление общественных норм поведения и жизни в целом. В данной работе мы рассмотрим богоборческий мотив, преобладающий в стихотворениях, посвященных образу гуляки.

Палестинский пигмей худосочный,
Надоел нам жестоко Христос,
Радость жизни он сделал непрочной,
Весть об аде он людям принес.

Но довольно возиться с распятым
И пора уж сказать: он – не бог;
Он родился и вырос проклятым,
По-людски веселиться не мог.

И без дела бродил по дорогам,
И в душе был мертвей мертвеца,
И, ютясь по глухим синагогам,
Проповедовал близость конца.

В наше время его б посадили
К сумасшедшим, за крепкую дверь,
Ибо верно б теперь рассудили,
Что он был вырожденец и зверь.

Но тогда его глупые речи
И запачканный, рваный хитон
Поражали сильнее картечи
Истеричных подростков и жен.

И хоть взял его царственный Ирод,
И распял его мудрый Пилат,
Все же был им в сознании вырыт
Отвратительный, мерзостный ад.

Но довольно садиста мы чтили,
Много крови он выпил, вампир!
Догнивай же в безвестной могиле, –
Без тебя будет радостней Мир [2]! –

В данном стихотворении с призывающим названием «Долой Христа!» герой обвиняет Христа в том, что тот дал людям понятие духовности, праведности; корит его за знание об «отвратительном, мерзостном» аде, который якобы не дает теперь людям в полной мере использовать «радости жизни»: «Радость жизни он сделал порочной, \ Весть об аде он людям принес» [2]. Обратив внимание на другие стихотворения третьего сборника, мы сможем понять, что герой, типичный для позднего творчества Тинякова, считает естественными радостями жизни сытость, сексуальное удовлетворение и другие плотские потребности, которые считаются в религии греховными (прелюбодеяние, чревоугодие и др.).

Христос зовется своим именем в данном стихотворении всего один раз, в самом начале, далее герой дает ему уничижительные прозвища: «палестинский пигмей», «распятый», «вырожденец и зверь», «садист», «вампир». Во многом это связано с тем, что герой считает Христа глупцом («... его глупые речи...» [2]). Мудрым же он зовёт не человека разумного, нравственного, знающего и понимающего, а пьяницу или гуляку, идущего по всевозможным путям телесного удовольствия; и проблему Христа он видит в том, что тот «по-людски веселиться не мог». Так, в стихотворении «Без морали» (1922) герой называет глупцом человека, задумывающегося о смысле жизни; а человека, которому чужда мораль, – мудрым: «Мудрый, сильный и здоровый \ Жизнью пьян, как от вина» [2]. Мораль он напрямую связывает с духом Христа, как его проявлением:

Все, в чем есть морали привкус,
Мне противно и смешно
И гнилым Христовым духом
Для меня осквернено [2].

Здесь также герой нелестно характеризует Христа, называя его «гнилым».

В стихотворении «Я гуляю!» (1922) также прослеживается тенденция отказа от нравственности и духовности, так, герой призывает ангелов – духовных существ – пить коньяк:

Кто назвал разгул позором?
Думать надо, что – дурак!
Пойте, девки, песни хором,
Пейте, ангелы, коньяк [2]!

Также в этих строках можно заметить намек на смену ролей: разгульные девки вместо питья алкоголя поют хоровую песню, а ангелы вместо хорового пения – пьют. Возможно, что слово «ангелы» здесь используется в роли обращения, выступая неким синонимом к слову «девки», что несет парадоксальную идею – ангелы не безгрешны.

В самом известном стихотворении А. И. Тинякова «Моление о пище» (1921) также можно заметить богоборческий мотив. Здесь лирический герой ставит потребность в пище выше веры в Бога и в Рай, ради куска «гнилой трески» он готов отречься от Рая и добровольно «полезть» в Ад:

За кусок конины с хлебом
Иль за фунт гнилой трески
Я, – порвав все связи с небом, –
В ад полезу в батраки [2].

В стихотворении «За веком век Христовы слуги...» (1921) мы видим прямое отречение от заветов Христа, от морали: «Я их заветы отвергаю» [2]. Герой уверяет, что, несмотря на свой разгульный образ жизни, на равнодушие к понятиям добра и зла, он счастлив даже в своих горестях:

Я их заветы отвергаю.
Добра от зла не отличаю, –
И все ж я, несомненно, жив
И даже весело играю,
И даже в горестях счастлив [2].

Герой пытается донести до читателя, что необязательно следовать божьей морали, трепетать перед Страшным судом, чтобы чувствовать себя полноценным и счастливым; он верит, что душа человека не поддается измерению со стороны только добра или только зла. Для героя все равны – независимо от поступков и жизненной позиции. Так, он говорит, что после смерти одинаково отнесется и к святому, и к убийце: «Святому жму я крепко руку, \ Убийце руку крепко жму» [2].

Что интересно, во всех стихотворениях, включая и «Долой Христа!» (1922), автор пишет слово «бог» с маленькой буквы, а вот слово «Мир» с большой – такой графический прием помогает понять позицию героя.

Тиняков сумел наиболее точно передать настроение богоборца, во многом благодаря иронии, доводящей позицию героя до абсурда. Он будто насмехается над этим пьяницей, не видящим ничего, кроме алкоголя и разгульных девок в кабаке.

Богоборческий мотив в сборнике «Ego sum qui sum» зиждется на разочарованности, неуверенности и непринятии религиозных, следовательно и нравственных, принципов. Герой ищет способ жизненного удовлетворения в плотский радостях, а не в духовности, стирает границы между добром и злом (это иллюстрируется в стихотворении «За веком век Христовы слуги...» словами: «Добра от зла не отличаю» [2]) через пропаганду «разгульного» образа жизни, так как для него Бог безмолвствует либо не замечает людских страданий; а Христос принес человечеству знание об этом самом молчащем Боге, знание о Страшном суде, который определит участь каждого человека по его грехам. Отсюда появляется и осуждение людей, следующих нормам морали. Герой считает, что они лишь трепещут перед Богом, а не искренне следуют его заповедям, потому и не идут по пути наслаждения, лицемерно осуждая гуляк, берущих, по мнению героя, от жизни все, что только могут.

2. Тиняков А. И. Ego sum qui sum. Третья книга стихов. 1921 – 1922 гг. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://viewer.rusneb.ru/ru/000200_000018_RU_NLR_DIGIT_132454?page=1&rotate=0&theme=white (дата обращения: 24.04.2021).
3. Хетагурова Д. К. Трансформация богоборческих мотивов в поэзии символизма (К. Д. Бальмонт, Ф. К. Сологуб, А. И. Токаев). [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://cyberleninka.ru/article/n/transformatsiya-bogoborcheskih-motivov-v-poezii-simvolizma-k-d-balmont-f-k-sologub-a-i-tokaev/viewer> (дата обращения: 24.04.2021).

Поштанова М.С., Овдиева Н.Л.

Прагматика вербальной иронии в англоязычном коротком рассказе

ФГБОУ ВО Калмыцкий государственный университет им. Б.Б. Городовикова

(Россия, Элиста)

doi: 10.18411/lj-05-2021-278

Аннотация

В статье вербальная ирония рассматривается с позиций Неограйсовской теории разговора и теории Д. Уилсон и Д. Спербера. Выявляются наиболее частотные случаи вербальной иронии в литературном дискурсе, а также их функции.

Ключевые слова: ирония, прагматика, импликатура, теория Грайса, теория релевантности, литературный дискурс

Abstract

The article examines verbal irony from a neo-Gricean perspective of conversation and theory by D. Wilson and D. Sperber. The most frequent cases of verbal irony are revealed, as well as their functions in literary discourse.

Keywords: irony, pragmatics, implicature, Gricean approach, Relevance theory, literary discourse

Вербальная ирония долгое время изучалась как художественный троп в различных типах литературного дискурса, однако сейчас среди исследователей прослеживается тенденция к уходу от традиционного понимания иронии. Утверждается, что ирония – это нечто большее, чем просто литературный прием, это образ мышления, стратегия ведения диалога, которая помогает говорящему более эффективно достигать своих целей в коммуникации. Этим новым осмыслением объясняется изучение иронии на современном этапе с точки зрения прагматики.

Прагматика, как наука о функционировании языковых знаков в рамках определенной ситуации, стремится установить интенции говорящего, использующего иронию, а также принципы ее функционирования в дискурсе. В разное время ирония в прагматике рассматривалась как притворство, эхо, аллюзия и значимая неуместность, однако впервые этот прием определил с позиции прагматики П. Грайс как разговорную импликатуру. По мнению лингвиста, ирония характеризуется нарушением максимы качества, которая является одной из четырех максим в принципе кооперации Грайса, и выведением оценочной импликатуры [4]. И хотя это понимание иронии подвергалось не раз критике, оно не утратило актуальности. Сегодня некоторые исследователи, используя идеи Грайса как базис, модифицируют их и, внося необходимые дополнения, говорят о новом Неограйсовском подходе к вербальной иронии.

Одним из таких последователей Грайса является М. Динел, которая доказывает несостоятельность критических замечаний в адрес подхода Грайса и, опираясь на его положение о том, что ирония основана на противопоставлении либо отрицании, выделяет два основных типа вербальной иронии: иронию, основанную на отрицании пропозиции (propositional negation irony), и иронию, основанную на

противопоставлении идей (*ideational reversal irony*) [3]. Последний тип в свою очередь может быть разделен еще на два подтипа, так как ирония противопоставления идей сосредоточена либо на изменении семантического значения *неправдивого лексического элемента (одного!)* в высказывании, либо изменении *прагматического значения* всего высказывания.

Примером иронии отрицания может служить фраза «You are a fine friend», когда адресат этого высказывания сделал что-то плохое говорящему. Смысл этой иронии можно интерпретировать как «You are **not** a fine friend». Примером же второго типа иронии является высказывание: «As I reached the bank at closing time, the bank clerk *helpfully* shut the door in my face», имплицатура которого отличается от оригинала только одним словом «*unhelpfully*». Здесь ирония основана на нарушении лексической сочетаемости между двумя коммуникативными полюсами *helpfully* и *shut the door in my face*, которое не влияет на пропозициональную силу всего высказывания. Второй подтип этой иронии особенно показателен в случаях использования директивов, вопросов, либо других типов речевых актов, которые не могут иметь значения истинности. Например, ироничное замечание «Thank you very much!» в ответ на оскорбление.

Авторы теории релевантности, Д. Уилсон и Д. Спербер, предлагают рассматривать вербальную иронию как эхоическое упоминание мысли, высказанной ранее. Они утверждают, что цель такой референции состоит в выражении своего неодобрения [8]. При этом говорящий обычно обладает какой-то дополнительной информацией, которая позволяет ему сделать вывод о его ложности. И хотя данная теория идет дальше традиционного определения иронии как антифразиса, некоторые ученые указывают на то, что не все случаи могут быть объяснены эхоическим употреблением.

Эти типологии вербальной иронии, по нашему мнению, достаточно точно описывают механизм вербальной иронии и помогают вычленивать то значение, которое имел в виду коммуникант. Однако недостаточно понятно, какие лингвистические и прагматические особенности характерны для этих типов, и существует ли связь между конкретным типом иронии и ее функцией в дискурсе.

Соответственно, мы решили проанализировать их случаи на материале литературного дискурса, чтобы лучше понять функционирование этих типов иронии. Начнем с примеров первого типа иронии, основанной на отрицании пропозиции. Такая ирония достаточно распространена в литературном дискурсе и легко распознается в тексте. В коротком рассказе ее главной функцией является выражение оценки действий собеседника. Примером такой иронии может служить следующий отрывок:

'It is one of the advantages of democratic government that if you have sufficient influence, merit, which otherwise might pass unnoticed, generally receives its due reward.'

'You are modesty itself, mon pauvre ami,' said she. [6]

Здесь жена губернатора прибегает к антифразису, мягко осаждая мужа, напоминая ему о том, что хвалить себя в обществе неприлично.

В другом примере ирония выражена более открыто. Этот тип иронии можно назвать сарказмом:

"I am going to ask you a question, Mrs Rymer," said Mr Pyne. "You are an honest woman. You will answer me honestly, I know. I am going to ask you if you are happy."

"Happy! That's a pretty question! Steal a woman's money and ask her if she's happy. I like your impudence!" [2]

В этом примере миссис Раймер прибегает к эхоическому повтору (Happy!), выражая насмешливое отношение к словам собеседника. Кроме того, она также прибегает к антифразису (I like your impudence!), подразумевая противоположное (I hate your impudence!) и выражая тем самым крайнюю степень негодования.

Рассмотрим примеры иронии, основанной на противопоставлении идей:

«*Don't you see, » he said, with a sort of desperate calmness, «that this girl has got to be sent home to-day - not to-night nor to-morrow, but to-day? I can't do anything for her. You know, I'm the janitor and corresponding secretary of the Down-and-Out Club. <...>*» [5]

Герой рассказа, описывая свое бедственное положение, называет себя членом клуба «Неимущих». За метафоричностью высказывания кроется ирония, основанная на семантической оппозиции. Это проявляется, главным образом, в лексической некогерентности модификатора (down-and-out) с существительным (Club), а также в несоответствии его обязанностей (the janitor and corresponding secretary), подчеркивая его униженное положение в обществе.

Второй подтип иронии, основанной на противопоставлении идей, представляет собой изменение прагматического значения. Такая ирония достигается использованием речевой акта в нехарактерной для себя функции:

'Oh?' She paused a moment. 'Don't you think that's rather inconsiderate? Do you think it's fair to give the cook unnecessary work? You English, you're all the same, you look upon servants as machines. Does it occur to you that they have hearts like yours, the same feelings and the same emotions? How can you be surprised that the proletariat are seething with discontent when the bourgeoisie like you are so monstrously selfish?'

'Do you really think that there'll be a revolution in England if I have my eggs in Paris fried rather than scrambled?' [7]

Герой рассказа М. Моэма, желая показать абсурдность позиции собеседницы, задает ей риторический вопрос, выражая скрытую критику и свое несогласие с ней. Таким образом, этот иронический вопрос можно рассматривать как основанный на прагматическом изменении смысла.

К случаям иронии можно также отнести эхоический повтор [8], например, ироничные слова-восклицания. Они чаще всего служат выражением несогласия или сомнения в ответ на реплику собеседника, а, следовательно, свидетельствуют о неуместности его слов в этой ситуации:

"Enter the Queen of Vamps," said Mr Parker Pyne, smiling.

"Vamps!" said Madeleine. She gave a hollow laugh. "I've never had such uphill work being a vamp. That man is obsessed by his wife! It's a disease." [1]

В этом примере ирония достигается лексическим повтором и экспрессией в пунктуации. Усиление иронического отношения осуществляется посредством гиперболы (uphill work) и негативного наречия «never». Мисс Мэделайн де Сара скептически относится к словам мистера Пайна и считает, что в данной ситуации ее чары бессильны.

Или:

"How long have you known her?" asked Mrs Wade suddenly.

"Er - who?"

"Miss de Sara, of course."

"Well I don't quite know. I mean - oh some time."

"Really? You never mentioned her."

"Didn't I? I suppose I forgot."

"Forgot indeed!" said Mrs Wade. She departed with a whisk of mauve draperies. [1]

Здесь ирония достигается лексическим повтором с усилительным словом «indeed» (гипербола) и экспрессивной пунктуацией (восклицательным знаком). Жена мистера Вейда на самом деле не верит в его забывчивость. Из этого следует импликатура иронии - уверенность миссис Уэйд в том, что муж ей изменял.

Таким образом, можно сделать вывод о том, что в литературном дискурсе случаи вербальной иронии чаще всего можно встретить в художественном диалоге, а точнее в ответных репликах собеседника. В ответных репликах, как правило, собеседник использует такие типы вербальной иронии, как иронию, основанную на отрицании пропозиции; иронию, основанную на противопоставлении идей; а также

эхоический повтор. Ирония, основанная на противопоставлении идей, может быть подразделена на два подтипа: иронию, основанную на изменении семантического значения *неправдивого лексического элемента (одного!)* в высказывании, либо изменении *прагматического значения* всего высказывания. В заключении хотелось бы отметить, что назначением всех указанных типов иронии является выражение насмешливого отношения персонажа к словам собеседника как способа оценки: имплицитного порицания, несогласия, сомнения или недоверия к словам собеседника.

1. Christie, A. The Case of the Discontented Husband Избранные рассказы. Сборник. На англ. яз. / Составитель Н.А Самуэльян. – М.: Издательство «Менеджер», 2004. – с. 254-271
2. Christie, A. The Case of the Rich Woman: An Agatha Christie Short Story, Harper Collins Publishers 2014. – pp. 5-23
3. Dynel, M., 2013. Irony from a neo-Gricean perspective: On untruthfulness and evaluative implicature. *Intercultural pragmatics*, 10(3), pp.403-431.
4. Grice, H. P. 1975. Logic and conversation. In P. Cole & J. L. Morgan (Eds.), *Speech acts* (Vol. 3, pp. 41–58). New York: Academic.
5. Henry, O. No Story Избранные рассказы. 5-е изд. – На англ. яз. / Составитель Н.А Самуэльян. – М.: Издательство «Менеджер», 2005. – с. 131-142
6. Maugham, W.S. A Marriage of Convenience. 65 Short Stories by W. Somerset Maugham, 1976, William Heinemann Limited and Octopus Books Limited, pp 253-260
7. Maugham, W.S. Mr Harrington's Washing. 65 Short Stories by W. Somerset Maugham, 1976, William Heinemann Limited and Octopus Books Limited, pp 261-270
8. Wilson D., Sperber D. On Verbal Irony // Irony in Language and Thought. A Cognitive Science Reader. Ed. By H.L. Colston and R.W. Gibbs. – New York, London: Lawrence Erlbaum Associates. 2007. – P. 35-57.

Ревеко Л.С.

Влияние синтаксических отношений на семантические сдвиги в предложении (на материале немецкого языка)

*Брянский государственный технический университет
(Россия, Брянск)*

doi: 10.18411/lj-05-2021-279

Аннотация

В статье анализируются отношения между значением грамматических форм и лексическим значением слов. Выявляется степень корреляции лексического и грамматического значения. Рассматривается грамматическое отношение между подлежащим и сказуемым на синтаксическом уровне.

Ключевые слова: грамматическое значение, семантическая структура, номинализация, метафорический сдвиг, глагольная метафора.

Abstract

The paper analyzes the relationship between the meaning of grammatical forms and lexical meaning of words. The degree of correlation between the lexical and grammatical meanings is revealed. The grammatical relationship between the subject and the predicate at the syntactic level is considered.

Key words: grammatical meaning, semantic structure, nominalization, metaphoric shift, verbal metaphor.

Отношение между значением грамматических форм и лексическим значением слов привлекает внимание многих лингвистов.

Одни направления семантики отрицают любое грамматическое значение и постулируют, прежде всего, нейтралитет синтаксиса по отношению к лексическому

значению. По их мнению, синтаксические структуры – это чисто формальные несемантизированные схемы предложения, способные наполняться любым лексическим содержанием.

Сторонники противоположной точки зрения исходят из тезиса о том, что смысл слов и функции грамматических форм являются в равной степени вариантами значений.

По мнению С.Д. Кацнельсона [3, с 112-113] обе точки зрения односторонни и несовершенны. Он считает, что было бы неправильно полагать, что грамматические формы не имеют значения как и то, что все грамматические формы семантически наполнены.

В связи с этим возникает вопрос, насколько близко лексическое и грамматическое значения коррелируют между собой.

Цель данной статьи – исследовать проблему корреляции лексического и грамматического значения на основе предложений, в которых существительные в качестве подлежащего обозначают процесс и состояние.

1. Ein Lächeln huschte über sein Gesicht.

2. Ein blindes Hassgefühl schwoll in ihm auf.

Предложения данного вида означают противоречие между единицами семантической и единицами синтаксической структуры. Грамматическое подлежащее не соответствует семантическому подлежащему и не имеет при этом функции агенса. Подлежащее в грамматической структуре предложения проявляет соответствие в семантической структуре, т.е. в пропозиции, в ядре, в семантическом сказуемом. Переходный глагол служит, с одной стороны, для уточнения семантического сказуемого, с другой стороны, он выполняет чисто грамматическую функцию: преобразует пропозицию в предложение.

Такую асимметрию и такое противоречие можно объяснить номинализацией понятий процесса и состояния; сюда же включается и понятие свойства. При субстантивации значение глагола или прилагательного опредмечивается. Предметность – это грамматическое свойство существительного, его категориальное значение, которое выражают субстантивированные глаголы и прилагательные. На грамматический характер опредмечивания указывали еще А. А. Потебня, А. М. Пешковский, В. Порциг и т.д. Согласно А. А. Потебни языковая абстракция – «это особый вид представления» процесса или свойства в языке. Ее смысл состоит в том, что процесс или свойство мыслятся при этом как самостоятельные и могут появляться в функции подлежащего или члена предложения.

Решающим для расширения содержания обсуждаемых структур предложения является грамматическое отношение между подлежащим и сказуемым на синтаксическом уровне, на котором сказуемое характеризует подлежащее. Функция подлежащего – носителя процесса, состояния, свойства – остается та же самая, независимо от лексического значения существительного. Глагол реализует свое значение применительно к значению существительного и подвергается его влиянию. В случае, если подлежащее выражено понятием процесса или состояния, то в значении переходного глагола актуализируются акциональные семы. Семантическое преимущество подлежащего объясняется его коммуникативно-грамматической первостепенной ролью. При этом признаками, характеризующими процессы или состояния, принято считать фазы их протекания, их возникновение или исчезновение, их длительность и интенсивность. Наряду с глаголами, обозначающими фазы интенсивности понятий процесса или состояния, такими, как *entstehen*, *beginnen*, *verlaufen*, *losbrechen*, *sich wiederholen*, *sich verstärken*, *sich abschwächen* и др., часто в обсуждаемых структурах предложения применяются также глаголы, которые характеризуют, прежде всего, подлежащие с конкретным значением, например: *gleiten*, *ziehen*, *überfallen*, *rieseln*, *sich bemächtigen* и др. Значение таких глаголов в сочетании с

абстрактным существительным регулярно претерпевает метафорические сдвиги. Такая регулярная метафоризация значения глагола характерна для обсуждаемых структур предложения и определяет их своеобразие.

Специфичность семантических свойств глагольной метафоры обуславливается синтаксическими и семантическими характеристиками глагола. Многообразие синтаксических свойств глагола, его конструктивная организующая роль в построении высказывания предопределяют более емкую и гибкую семантическую структуру данной части речи по сравнению с другими лексико-грамматическими разрядами слов [2, С. 339, 341]. По мнению Н.Д. Арутюновой «семантика глагола способна в принципе охватить те типы значения, которые соответствуют зависимым от него синтаксическим местам» [1, С. 253].

Чем больше валентность того или иного глагола, тем значительнее его конструктивная роль в организации высказывания, тем сильнее влияние семантики глагола на семантику всех остальных компонентов высказывания. Подобно другим видам метафор глагольная метафора базируется на нарушении лексико-семантической сочетаемости, однако в нее вовлекается не только объект метафоры, но также и другие компоненты высказывания, прямо или косвенно зависимые от глагола. Процесс метафоризации в глагольной метафоре состоит в динамичной характеристике объекта метафоры путем приписывания несвойственных ему воздействующих свойств и качеств, возведения его в ранг активного, конструктивного начала.

Глагол предопределяет не только минимальное количество актантов, обеспечивающее относительную структурную и семантическую завершенность высказывания, но и семантику этих актантов. «Сфера влияния» глагола в предложении распространяется как на обязательные (с точки зрения структурной и семантической завершенности предложения) компоненты, так и на его факультативные компоненты. Ведь характер глагольного действия, семантика глагола тесно связаны с семантикой компонентов предложения, обозначающих орудие действия, место действия, причину действия и т.д. Многообразие и глубина семантических и синтаксических связей глагола в предложении создают благоприятные предпосылки и открывают широкие возможности для процессов метафоризации в тексте.

Метафорические значения глагола особенно разнообразно варьируются при представлении человеческих эмоций. Следующие предложения иллюстрируют данное положение на примере процесса “Lächeln”.

1. Über das wetterharte Gesicht des Alten glitt ein Lächeln.
3. Ein Lächeln huschte über sein Gesicht.
4. Zum ersten Mal zieht etwas wie ein Lächeln über sein Gesicht.
5. Auf sein müdes Gesicht stahl sich ein Lächeln.
6. Frankas Lächeln verstärkte sich.
7. Sein Lächeln erlosch.
8. Ein zuckersüßes Lächeln gefror auf ihrem Gesicht.

Содержательную структуру таких предложений отличает постоянная экспликация агенса, выраженного личным местоимением или существительным в родительном падеже. Такое свойство объясняет статус обязательного актанта, содержащего определение места.

В последующих предложениях-примерах метафорические глаголы характеризуют существительные, обозначающие эмоциональные состояния в зависимости от длительности, интенсивности или фазы.

1. Ihn beschlich das Gefühl, eine bereits erlebte Situation wiederholte sich.
2. Jetzt bemächtigte sich ihrer eine seltsame Erregung.
3. Ihn beherrschte ein unangenehmes Gefühl.
4. Ein zärtliches Gefühl durchzog sie.
5. Eine wohlige Schwäche durchrieselte sie.

6. Abermals durchströmte sie heiße Freude.
7. In Baltrok flammte Hoffnung auf.
9. Ein blindes Hassgefühl schwoll in ihm auf.

Метафорически измененное значение глагола получает новые возможности выражения для характеристики абстрактности. Фаза, длительность, интенсивность могут выражаться глаголом одновременно. Например: *beschlich* (1) – фаза возникновения (начала), не интенсивно; *beherrschte* (3) – длительно, интенсивно. Глаголы *durchziehen* (4), *durchrieseln* (5), *durchströmen* (6) означают состояния по их длительности и интенсивности. Приставка *durch* – способствует переходности глагола, прямое дополнение обозначает лицо, которое различным образом воспринимает состояние. Таким образом, с помощью метафорически изменяемого значения глагола состояние может быть представлено как процесс в своем протекании.

Метафоризацию значения глагола, вызванную абстрактным существительным, можно наблюдать не только в немецком языке, но и в других языках, например, в русском: радость вспыхнула (*es brach Freude aus*), надежда погасла (*jegliche Hoffnung erstarb*), улыбка заиграла (*ein Lächeln spielte auf ihrem/seinem Gesicht*), страх пронзил (*sie/ihn durchfuhr ein Entsetzen*).

Рассматривая причины такой метафоризации, можно прийти к выводу о том, что сама система языка способствует семантическому сдвигу. Семантические сдвиги в представленных структурах предложений являются следствием грамматического отношения между подлежащим и сказуемым, придающим речевому акту форму предложения. Отношение подлежащее-сказуемое относится к языковым универсалиям и остается неизменным в своем грамматическом значении. Грамматическое подлежащее характеризуется грамматическим сказуемым. Языковая абстракция в позиции подлежащего благоприятствует метафорическому сдвигу глагольного значения.

Выше приведенный анализ подтверждает тезис о том, что между лексическим и грамматическим значением существуют сложные и разнообразные отношения – и все это при доминировании грамматического значения. Подтверждено, что предложение в языковом сознании человека и соответственно в его речевой деятельности существует лишь как грамматическая структура. Одновременно взаимоотношения лексического и грамматического значения являются основой почти неограниченной возможности выражений, как в языке, так и с помощью языка.

1. Арутюнова, Н. Д. Метафора и дискурс / Н. Д. Арутюнова // Теория метафоры. – Москва : Прогресс, 1990. – С. 5-33.
2. Виноградов, В. В. Русский язык / В. В. Виноградов. – Москва : Высшая школа, 1972.
3. Кацнельсон, С. Д. Типология языка и языковое мышление / С. Д. Кацнельсон. – Москва : URSS, 2009. – Изд. 4-е.

Самаева А.М.

Основные характеристики понятия «концепт» в современной лингвокультурологии

*Калмыцкий государственный университет
(Россия, Элиста)*

doi: 10.18411/lj-05-2021-280

Аннотация

В данной статье рассматриваются характерные обозначения понятия «концепт» с точки зрения лингвокультурологии. Разнообразие подходов изучения данного термина дает более широкий обзор на картину его семантики.

Ключевые слова: концепт, понятие, язык, культура, лингвистика, лингвокультурология.

Abstract

The article deals with characteristic designations of the term “concept” from the perspective of cultural linguistics. The diversity of approaches to this term consideration may offer a broader view of its semantics picture.

Keywords: concept, term, language, culture, linguistics, cultural linguistics.

Язык и культура – это явления, которые взаимосвязаны друг с другом, невозможно представить национальную культуру без родного языка.

Изучение проблем взаимосвязи родного языка с национальной культурой и историей народа – одна из основных причин появления в языкознании новой отрасли – лингвокультурологии.

Лингвокультурология исследует язык как феномен культуры. Язык не только анализирует те или иные события, термины окружающей нас действительности в прямом, привычном для нас значении, но и служит орудием для построения различных мыслительных проектов. Вследствие этого в науке появляется новый термин «концепт».

Концепт, являясь одним из центральных понятий лингвокультурологии, имеет множество интерпретаций и определений. Концепт объединяет в себе значение, смысл и форму порождения этого смысла и значения; осуществляет взаимосвязи языка, мышления и культуры. Концепты появляются для удовлетворения духовных, социальных, коммуникативных потребностей человека. В коммуникации концепт может быть представлен как вербально, так и невербально. Структуру его составляют внутренняя форма, ядро и актуальный слой.

Впервые термин «концепт» появился в научной литературе только в середине XX в., хотя его употребление зафиксировано в 1928 году в статье С.А. Аскольдова-Алексеева «Концепт и слово». По мнению ученого, концепт – это «мысленное образование, которое замещает нам в процессе мысли неопределенное множество предметов одного и того же рода». Автор данного определения основным признаком концепта считает принцип «заместительства». Не следует, конечно, думать, что концепт есть всегда заместитель реальных предметов. Он может быть заместителем некоторых сторон предмета или реальных действий, как, например, концепт «справедливость». Наконец, он может быть заместителем разного рода хотя бы и весьма точных, но чисто мысленных функций» [1].

Д.С. Лихачев, разделяя точку зрения С.А. Аскольдова-Алексеева, также считает концепт «заместителем понятия», называя его при этом «алгебраическим» выражением значения. Концепт не непосредственно возникает из значения слова, а является результатом столкновения словарного значения слова с личным и народным опытом человека [5].

С точки зрения К.Ш. Жаркынбековой, концепт – это «комплексное, не жестко структурированное, ментальное, смысловое образование, являющееся продуктом отражения действительности, познание внешнего мира, характеризующееся многослойной организацией и включающее в себя понятийную, образную и ценностную составляющие, опредмеченное в той или иной языковой форме» [3].

А. Шопенгауэр определял концепт (concept), как абстракцию, созданную нашим интуитивным восприятием предметов [8].

Выдающийся немецкий философ Г. Фреге также занимался вопросами понимания концепта. Г. Фреге был одним из первых, кто говорил о том, что концепт – это смысл. В статье «Смысл и денотат» Г. Фреге разграничивал «смысл» и «понятие». В его понимании смысл не тождествен понятию. Понятие всегда связано с базовыми значениями слова. Смысл же зависит от контекста и наблюдателя, он исключительно субъективен. Философ говорит о том, что в идеальной знаковой системе всякому выражению должен соответствовать только один определённый смысл, но

естественный язык таков, что это невозможно, и редко бывает так, чтобы одно слово всегда имело один и тот же смысл в разных контекстах [6].

Развивая идеи Г. Фреге, Н.И. Жинкин определяет концепт как «свойство имени, которое реализуется в назывании вещей». Здесь концепт понимается как свойство имени, реализующееся в назывании денотата. Если значение имени относительно устойчиво и статично, то смысл имени, напротив, «...есть то, что передается и принимается в сообщении как информация и что при приеме должно быть понято». Смысл возникает в ходе коммуникации, смысл имени динамичен, он находится в становлении. Таким образом, языковой концепт – это смысл имени или группы имен, возникающий в процессе коммуникации, в контексте [4].

М. Хайдеггер же говорит о том, что концепт – это некое семантическое образование, характеризующее специфику определённой этнокультуры. Следовательно, по М. Хайдеггеру, концепт, отражая этническое мировоззрение, маркирует этническую языковую картину мира и является, таким образом, своего рода «кирпичиком» для строительства «дома бытия» [7].

Концепт может также пониматься как ментальная репрезентация (в работах М. Джонсона, Р. Лангакера, Дж. Лакоффа), как абстрактная единица логической семантики (в работах И. Зальты, А. Коффа, К. Пикока) и как потенции мыслящей личности (в работах Р. Брэндона, М. Дамметта).

Как замечает С.Г. Воркачѳ, самой значимой внутренней позицией концептов является их противопоставление как когнитивных и культурных единиц, вернее – лингвокогнитивных и лингвокультурных концептов. Рассматривая концепт в рамках когнитивной лингвистики, движение происходит от человека к культуре, в рамках лингвокультурологии – от культуры к человеку [2].

Обобщая определения, можно сделать вывод о том, что концепт – это нечто абстрактное, хранящееся в сознании человека и находящее своё выражение в языке и культуре.

Существующие толкования не только не противоречат друг другу, но являются взаимосвязанными в силу множественности сторон определяемого явления.

Поскольку концепт является ментальным отражением меняющейся действительности, содержание концепта может подвергаться изменениям в процессе его функционирования: с одной стороны, с течением времени отдельные его признаки трансформируются, с другой – в его структуру могут включаться новые признаки. Следовательно, полностью представить содержание концепта со всеми его составляющими довольно трудно.

В заключение стоит отметить, что при всей вариативности в определении значения концепта, прослеживается постоянство ряда компонентов. Представители разных направлений в лингвистике говорят об образной и понятийной составляющих содержания концепта и дополнительной ассоциативно-оценочной составляющей.

1. Аскольдов С.А. Концепт и слово // Русская словесность. От теории словесности к структуре текста. Антология. М., 1997. С. 267-268
2. Воркачѳ С.Г. Счастье как лингвокультурный концепт. – М.: ИТДГК «Гнозис», 2004. С. 281
3. Жаркынбекова К.Ш. Языковая концептуализация цветов в казахском и русском языках: автореф. дис. ... д-ра фил. наук: 10.02.20. – Алматы, 2004. С. 18
4. Жинкин Н.И. Язык – речь – творчество. (Избр. труды.) М. С. 18
5. Лихачев Д.С. Концептосфера русского языка / Д.С. Лихачев // Русская словесность: антология / под. ред. В.Н. Нерознака. – М., 1997. С. 281
6. Фреге Г. Избранные работы. М.: ДиК, 1997. С. 68
7. Хайдеггер М. Время и бытие // Хайдеггер М. Время и бытие. Статьи и выступления. М.: Республика, 1993.
8. Шопенгауэр А. О четверяком корне... Мир как воля и представление. Критика Кантовской философии: В 2 т. – М.: Наука, 1993. – Т. 1.

Ситникова О.А.

Некоторые особенности словообразования неологизмов в современном английском языке (на материале «языка» пандемии коронавируса)*Белгородский государственный национальный исследовательский университет
(Россия, Белгород)*

doi: 10.18411/lj-05-2021-281

Аннотация

Данная статья посвящена словообразовательной специфике неологизмов современного английского языка, появившихся в период пандемии коронавируса COVID19. В работе рассматриваются вопросы определения неологизма, причины создания и использования новых слов, ведущих способов образования новых единиц языка, а также наиболее продуктивные модели, по которым образованы неологизмы, связанные с пандемией коронавируса.

Ключевые слова: Неологизмы, аффиксация, конверсия, заимствование, сокращение, словосложение, словослияние.

Abstract

This article is devoted to the derivational specifics of the neologisms of the modern English language that appeared during the COVID19 coronavirus pandemic. The paper examines the definition of a neologism, the reasons for the creation and use of new words, the leading ways of forming new language units, as well as the most productive models by which neologisms associated with the coronavirus pandemic are formed.

Key words: Neologisms, affixation, conversion, borrowing, abbreviation, word composition, word fusion.

Введение

Изучая неологизмы нельзя не вспомнить слова В. фон Гумбольдта, который говорил, что язык народа есть его дух, и дух народа есть его язык, и трудно представить себе что-то более тождественное. (Избранные труды по языкознанию: С 36).

Перемены в общественном развитии неизбежно влекут за собой изменения в лексиконе. Как и во всех других языках, в английском языке постоянно происходит обновление словарного состава: слова устаревают, забываются и появляются новые – неологизмы.

Вторая половина 20 века стала самым неогенным, т.е. породила наибольшее количество неологизмов в языке, именно так утверждали многие лингвисты в конце 20 века. Однако, приняв во внимания все события начала нового столетия, мы смело можем прогнозировать еще большую неогенность XXI века. Бурное развитие науки, информационных и телекоммуникационных технологий, постоянные изменения в экономической, общественной и политической жизни общества и усиление роли массовой культуры и спорта способствуют появлению новых единиц языка.

Потребность общества в выражении новых понятий, возникающих в результате развития всех общественных сфер жизни общества способствует созданию новых слов.

Британский лингвист Дж. Айто описывает процесс возникновения неологизмов следующим образом: «Каждый год, который проходит, подбрасывает новые идеи, опыт и изобретения, для которых до сих пор не существовало имени, и поскольку имена являются незаменимыми винтиками в механизме коммуникации, наша естественная человеческая склонность к их образованию вскоре заполняет большинство пробелов» (Ayto J. A Century of New Words: 2007).

Целью работы является изучить понятие “неологизм”, рассмотреть основные причин возникновения неологизмов и способы их образования.

Актуальность исследования обусловлена необходимостью дальнейшего изучения феномена неологизмов в современном английском языке и как способа пополнения словарного запаса языка, и как средства его развития во времени. Неологизмы также необходимо рассматривать и с точки зрения их социальной значимости, так как, изучая язык, мы изучаем общество и различные его сферы.

Объектом исследования являются неологизмы современного английского языка, появившиеся в период пандемии новой коронавирусной инфекции. **Предметом** исследования являются словообразовательные особенности данных неологизмов.

Впервые термин «неологизм» появился во французском языке, откуда был заимствован другими языками в значении «употребление или привычка употребления новых слов, инноваций в языке, а также новое слово или выражение» (Рублева 2004: 117). Традиционно в научных работах по лингвистике и филологии термином «неологизм» обозначают новые слова в разных языках народов мира. В последние десятилетия многие ученые в своих статьях раскрывали проблему определения понятия «неологизм». Однако на данный момент в современной лингвистике отсутствует единый подход к пониманию сущности вновь возникающих слов. Так, В.Г. Гак считает, что «неологизм – это новое слово, новое либо по форме, либо по содержанию, либо и по форме и по содержанию» (Заботкина 1989: С 67).

«Неологизм – это появившееся в языке слово или словосочетание», именно такое определение предлагает большой толковый словарь русского языка С.А. Кузнецова. (Кузнецова, 1998: С 630).

Более точное определение мы можем увидеть в Лингвистическом энциклопедическом словаре: «неологизм» – это слова, значения слов или словосочетания, появившиеся в определенный период в каком-либо языке или использованные один раз 13 («оказиональные» слова) в каком-либо тексте или акте речи. Принадлежность слов к неологизмам является свойством относительным и историчным. Неологизмы определяются также как слова, возникшие на памяти применяющего их поколения» (Котелова 1971: С 12).

Рассмотрев все понятия, можно сделать вывод, что главная особенность неологизмов состоит в том, что слово или значение является новым, и подразумевается, что новое слово за короткий промежуток времени может прочно войти в словарный состав языка или быть проигнорировано и вскоре забыто. Не все новые слова способны закрепиться в лексической структуре языка, так как продолжительность существования слов определяется тем, насколько велика и долговременна потребность в них.

Возникают неологизмы на базе уже имеющегося в языке материала, по установившимся словообразовательным моделям, т.е. применительно к уже существующей в языке системе средств и способов словообразования. Неологизмы не нарушают установившейся в языке традиции и не порождают резких изменений, так что даже люди разных поколений могут понимать друг друга.

Рассмотрим способы формирования новых слов в английском языке, так как целью нашей работы является исследование проблемы неологизмов и способов их образования. Обратимся к проблеме способов словообразования к которым лингвисты относят морфологические, синтаксические и лексико-семантические типы словообразования.

Под общим названием словообразование (word-building) объединяются очень различные способы обогащения словарного состава языка. Важнейшим из них является морфологический способ, при котором новые слова создаются путем сочетания морфем. Новое слово при этом оформляется и новым звуковым комплексом, т.е., точнее, новой комбинацией уже существовавших в языке элементов.

Еще в конце прошлого века к сильным неологизмам можно было отнести и заимствования. Однако в действительности это не самый главный способ обогащения

словарного состава. Цифра 30% характеризует число исконных слов в словаре, но совершенно не дает представления об их относительной употребительности и важности для коммуникации.

Традиционно выделяют три типа соединений: нейтральный, морфологический, синтаксический.

Аффиксация является одним из основных средств словообразования. Аффиксальное словопроизводство, или, как этот способ также называют, аффиксация или деривация, или просто слово-производство (*derivation*), т.е. создание новых слов путем при-соединения к основе тех или иных словообразовательных элементов – аффиксов. (*Cohort-ing* – группа людей (врачи, учителя) потенциально восприимчивая к вирусной инфекции), (*De-roning* – дезинфицирование предметов). Новые неологизмы, которые образовались с помощью данного способа: *coronator* – человек, который выздоровел от коронавируса; *covidian* – человек, который носит маску и хирургические перчатки в своей машине, соблюдает социальную дистанцию в общественных местах; *coronials* – поколение, родившееся после декабря 2020 года в результате карантина.

Словосложение (composition) – очень древний и до сих пор продуктивный способ создания новых слов путем объединения двух или более основ в одно целое. Рассмотрим примеры новых неологизмов: *elbow bump* – дружеское приветствие локтями; *self-isolation* – самоизоляция; *circuit breaker* – фиксированный период времени, в течение которого людям не разрешается покидать свои дома или свободно путешествовать, с целью уменьшения распространения опасной болезни; *lockdown* – чрезвычайная ситуация, на протяжении которой людям не разрешается свободно входить и посещать общественные места; *doomscrolling* – поиск информации о болезни в социальных сетях; *coronaspeak* – лишний вес, набранный во время карантина; *panicbuying* – панически скупать продукты питания и товары первой необходимости.

Еще одним активным словообразовательным процессом в современном английском языке является словослияние (*blending* в английской терминологии). Словослиянием называется процесс соединения двух (или более) слов без учета их морфологической структуры и основанного большей частью на созвучии или благозвучии соединяемых частей. Некоторые лингвисты считают, что в словослиянии объединяются словосложение и аббревиация, так как соединяются два слова (как в словосложении), но эти два слова, как правило, усечены (как в аббревиации) [2. С. 52; 4. С. 69]. Примерами словослияния в английском языке являются: *Coronacranky* – вспыльчивость в результате длительной изоляции; *quaranqueens* – женщины преуспевающие в уборке во время изоляции; *coronawashing* – корпорации или отдельные лица, пользующиеся преимуществами пандемии для продвижения своего товара или производства; *gonavation* – ремонт во время локдауна; *SPENDEMIC* – по словам экспертов *Vabbel*, это слово было придумано *The New York Post*, оно относится к росту онлайн-покупок во время пандемии; *coronadivorce* – разводы зарегистрированные во время коронавируса; *spendemic* – резкое увеличение числа онлайн-покупок; *coronasation* – прекращение учебы или работы в связи с пандемией рассматривается как праздник; *homeference* – виртуальная конференция, на которой участники могут присутствовать удаленно (из дома); *lockstalgia* – мысль о том, что люди будут скучать за работой и учебой из дома; *walktail* – прогулки на свежем воздухе во время карантина; *coronasoma* – много спать во время карантина и не иметь представления о событиях в мире; *coronalit* – литература созданная во время пандемии; *covidiot* – человек, который безответственно относится ко всем ограничениям.

Сокращение (*shortening, abbreviation*) тип словообразования, при котором исходное слово теряет один или несколько звуков. Данный способ был зафиксирован еще в 15 веке. С тех пор он становится все более и более продуктивным. Этот рост становится особенно заметным во многих европейских языках в 20-м веке, и общеизвестно, что это развитие особенно интенсивно в английском.

Новые укороченные слова появляются постоянно: об этом свидетельствуют многочисленные неологизмы, например: Rona = the coronavirus; the pandy = the global pandemic.

Существует четыре вида сокращений: акронимы, аббревиатуры, слияния и усечения.

Среди неологизмов последних десятилетий намечается тенденция к увеличению единиц этого типа. По данным, полученным нами в результате анализа первого словаря Барнхарта, они составили 4,8% от общего числа неологизмов. Во втором словаре Барнхарта их число составило уже 8% от всей массы неологизмов. Среди них преобладают частичные слова-слитки, т.е. единицы, в которых соединяется один усеченный элемент и полная форма другого элемента. Наиболее продуктивен тип финального усечения первого компонента: Europlug (Europeanplug); sigaretiquette (cigarette, etiquette).

Особенностью усечений является их сниженная стилистическая окраска. Слова образованные данным типом характерны только для разговорной речи и для различных типов сленга (школьного, газетного, спортивного). Ярким примером усечений являются: Rona = the coronavirus.

Среди сокращений очень популярны аббревиатуры и акронимы. Что касается аббревиатуры, можно сказать, что из-за тесной связи между устной и письменной формами языка иногда трудно отличить слова, образованные в устной речи, от графических сокращений. Вот несколько примеров аббревиатур: WFH = working (or work) from home (работать дома онлайн); PCSD = post-coronavirus stress disorder (посткоронавирусное стрессовое расстройство); PPE = personal protective equipment (маска, перчатки, антисептик); masklessness – неверие в пандемию, маски и остальные атрибуты коронавируса; ACV – жизнь до появления коронавируса, B.C.V – после . Они все чаще используются в устной речи и широко применяются в неформальных разговорах.

В отличие от аббревиатур, акронимы произносятся как полные слова: SARS – Severe acute respiratory syndrome coronavirus.

В синтаксических соединениях слова образуются из отрезков речи, сохраняя в своей структуре многочисленные следы синтагматических отношений, характерных для речи: articles, prepositions, adverbs, prepositions, as in “Shelter in place” – stay at home during the pandemic; ZOOM BOMBING – Этот термин относится к нежелательному присутствию человека в видеочате, как правило, в программе встречи Zoom; Zoom mullet – специальная прическа для онлайн встреч, она собранная спереди и по бокам, но растрепанная сзади; vaccine nationalism – конкуренция стран за открытие и производство антивирусной вакцины.

Таким образом, в результате проведенного исследования мы выяснили, что самым популярным и продуктивным способом словообразования является словослияние.

1. Заботкина В.И. Новая лексика современного английского языка. – М.: Высшая школа, 1989. – 126 с.
2. Избранные труды по языкознанию: Пер. с нем. / Общ. ред. Г.В. Ра-мишвили; Послесл. А.В. Гулыги и В.А. Звегинцева. — М.: ОАО ИГ «Прогресс», 2000. - 400 с. ISBN 5-01-004661-X
3. Котелова Н.З. Теоретические аспекты лексикографического описания неологизмов / Н.З. Котелова // Советская лексикография. – СПб.: Нестор-История, 2015. – 276 с.
4. Ayto J. A Century of New Words. – Oxford: Oxford University Press, 2007 – 480 p.
5. Лексикология русского языка: Учеб. пособие для фи-лол. фак.ун-тов.—2-е изд., испр. и доп.—М.: Высш. шк., 1989.216 с.
6. Розен Е.В. Новое в лексике немецкого языка. – М.: Просвещение, 1976. – 174 с.
7. Рублева О. В. Лексикология современного русского языка: учебное пособие. – Владивосток: ТИДОТ ДВГУ, 2004. – 257 с.
8. <https://www.collinsdictionary.com/us/dictionary/english/elbow-bump>
9. <https://dictionary.cambridge.org/ru/словарь/английский/elbow-bump>

Султанбаева Х.В.

Ботаническая терминология в башкирском языке

Башкирский государственный университет
(Россия, Уфа)

doi: 10.18411/lj-05-2021-282

Аннотация

Ботаническая терминология в башкирском языке полностью не изучена, но накоплен достаточный материал для научных обобщений. На эту тему очень мало монографий, статей и диссертаций, нет целенаправленной систематической работы по сбору популярных имен. Между тем, проблема формирования отраслевой терминологии очень актуальна для башкирского языка в связи с тем, что в нем в настоящее время интенсивно развивается терминологический процесс. Актуальность данной статьи определяется теоретической и практической ценностью исследований в области терминологии; необходимостью изучения всех терминов определенной профессиональной дисциплины как отдельной лексико-семантической системы с целью теоретического обоснования проблемы единой словесной терминологии.

Ключевые слова. Башкирский язык, ботаника, терминология, безэквивалентная лексика, морфология, заимствования, диалект, синоним, тюркские языки.

Abstract

Botanical terminology in Bashkir language does not seem to have been fully explored but there is sufficient history to provide material for the scientific synthesizes. There is very few monographs, articles and dissertations on this subject. There is no purposeful and systematic work to collect popular names. In the meantime, the issue of formation of branch terminology is of high relevance to the Bashkir language regarding the fact that the terminological process is currently intensively developing in it. The relevance of this article is determined by the theoretical and practical value of research in the field of terminology and by the importance of examining all the terms of a specific professional discipline as a separate lexical-semantic system for the purpose of theoretical substantiation of the problem of a unified verbal terminology.

Key words. Bashkir language, botany, terminology, non-equivalent vocabulary, morphology, loan words, dialect, synonym, Turkic languages.

В данной статье представлены примеры народных и научных названий растений, их словообразовательные и семантические характеристики, которые имеют теоретическое и практическое значение. Исследования в области терминологии – одна из важнейших проблем современного языкознания. Изучение башкирской ботанической терминологии представляет большой интерес как для башкирского языкознания, так и для языкознания в целом, поскольку «история терминологии – это не только национально-историческая проблема, но и международная проблема истории мировой науки и проблем истории человеческих цивилизаций, история культурных взаимодействий и объединений народов».

Проведенная нами работа будет способствовать развитию теоретических основ ботанической терминологии башкирского языка и значительно облегчит создание справочников. Материалы, включенные в работу, также могут быть использованы в сравнительно-историческом и этимологическом исследовании.

Термины отображаются по-разному. Самые распространенные термины – это слова на родном языке. У него есть положительные и отрицательные стороны. С другой стороны, эти термины понятны всем носителям языка. Недостаток в том, что знание слова не всегда обеспечивает правильное понимание термина. Например, сложно догадаться, что охотничий термин «хвост зайца» означает «цветок», а ботанический

термин «төлкөҫйрөк» лисохвост (букв. «лисий хвост») на башкирском языке является одним из растений. Еще один способ – заимствование, в этом случае положительный при отсутствии дополнительных значений. Отрицательным является сам факт «чрезмерной насыщенности» языка заимствованиями. Большинство термины растений в башкирском языке состоят из популярных названий, используемых в специальной литературе.

Народные названия являются основным источником, большинство из которых – тюркские слова. Диахронические термины, народные имена образуют три пласта: общетюркский, волжско-тюркский и собственно башкирский. Предполагается, что некоторые имена присвоены определенному пласту.

К общетюркскому пласту относятся такие слова, как «арпа» ячмень, «арса» вереск, «артыш» можжевельник, «балан» калина, «бойзай» пшеница, «ушак» осина, «һоло» овес, «һуған» лук, «яһмык» чечевица, «этморон» шиповник, «әрем» полынь, «борос» перец, «дунала» боярышник, «базыян» бадьян и т.д.

Появление тюркско-индоевропейских параллелей объясняется более древними контактами тюркского и индоевропейского языков на территории, прилегающей к Алтаю или в Восточном Туркестане. Несколько параллелей образовалось в результате заимствования названий растений из древних индоевропейских языков, ср.: «борос» перец, тат. «борыч», узб. «мурч», санскр. «magisa».

Изучение общего пласта тюркских народных названий растений в башкирском языке представляет интерес в связи с выяснением принципов их образования и с точки зрения определения границ региона, где изначально жили башкиры, что необходимо для уточнения окружающей языковой среды в древности и учета ранних контактов.

Обращаясь в первую очередь к правилам создания названий растений, относящихся к общетюркскому пласту, мы видим преимущество простых слов этого типа, которые нельзя этимологизировать.

В ряде случаев еще можно выделить морфологические элементы и тем самым установить произвольный характер названий, например: «һарымһак» чеснок, «балтырған» борщевник, «кузак» орешек, «яһмык» чечевица. Слова «алмағас» яблоня, «карағас» лиственница, «карағай» сосна, «карағат» черная смородина являются сложными и состоят из двух компонентов: «алма» яблоко, «ағас» дерево, «кара» черный, «как» ягода и др.

Поволжско-тюркский пласт сформировался в период обособленного существования и развития тюркских языков, когда племена, сыгравшие важную роль в формировании башкирского этноса, занимали обширные степи Урала и Поволжья.

Изменились географические и климатические условия, что предопределило характер и состав растительного мира. И это могло только существенно повлиять на развитие башкирской лексики. Появились тюркские названия регионального происхождения: «ерек» ольха, «көнбағыш» подсолнечник, «сәтләүек» желудь, «сырмалсык» вьюнок, «һөтлөкәй» молочай, «йүкә» липа, «билсэн» осот, «корос ағас» ясень. Возможно, некоторые слова из приведенного списка относятся к общетюркскому пласту, например, «кузғалак» щавель, вероника, «кесерткен» крапива, «юшан» полынь горная, «һөтлөкәй» молочай. Однако в местах первоначального расселения предков башкир они могли быть не единственными наименованиями соответствующих растений, тогда как в уральско-поволжском регионе наметилась тенденция к их преимущественному или исключительному использованию, причем в пределах всего региона. Однако в местах, где изначально поселились предки башкир, они не могли быть единственными наименованиями соответствующих растений, а в Урало-Поволжье наблюдалась тенденция их преимущественного или исключительного использования на всей территории региона.

Наряду с изменениями географических и климатических условий усиливается влияние фактора культурных влияний, которые отмечены в художественной и

религиозной литературе среднеазиатско-тюркского происхождения. Поволжье содержало лексику, типичную для региона Средней Азии, в том числе таджикско-персидские слова, а также арабские слова, ранее заимствованные из тюркских языков Средней Азии, например: «йөзөм» виноград, кауын «дыня», «кабак» тыква, «сейә» вишня, «торма» редиска, «етен» лен, «кәнәфер» гвоздика, зәғфран «шафран», «шалкан» репа.

За время пребывания на территории Поволжья между башкирами и русскими установились тесные контакты, что способствовало проникновению большого количества русских слов в башкирский язык. Заимствования из русского языка в литературном башкирском языке: «картуф», «каштан», «йәсмин», «маргаритка», «фасоль», «груша», «кәбестә», «имбер», «сәй».

Заимствования из русского языка можно разделить на следующие группы: а) в литературном башкирском языке: груша, имбер, йәсмин, каштан, керән, кәбестә, мүк; б) в говорах восточного диалекта башкирского языка – в аргаяшском говоре: байарка, бруснига, гөрәздәй, үгәрсе, балин, гурых, йәблек; в) в сальютском говоре: усут-усыт, маркыф, үгүрсә, малина, эсвикла, йәблек, либезә-лебезә, мәке; в миасском говоре: кәпүстә – кәпестә, көрөздәй-көрөздә-гөрзилә.

Само формирование башкирского пласта опиралось на лексику обыденного языка и диалектов, а также на заимствованные слова. Все ботанические термины, входящие в этот пласт, известны только на башкирском языке. Использование такого названия подчеркивает независимость образования различных названий растений и их относительную автономию в развитии более поздних русскоязычных заимствований. Среди терминов, появившихся в результате переосмысления слов обыденного языка и диалектов, мы находим следующие: «һуһар» боярышник, «бөрмәкәй» подмаренник, «тарбағай» скерда, «тәлмәрйен тәңкәһе» ряска.

Народные названия растений синхронно различаются по степени распространенности и диалектичности. Кроме того, в одних и тех же диалектах часто используются два или три, а иногда и больше синонимов. Например, в среднем говоре южного диалекта встечаются: «имән туйыраһы», «имән әкәләһе», имән бөрөһө», «имән алмаһы», «имән сәтләүеге», в башкирском литературном «имән сәтләүеге» – желудь.

Распределение и преобладание однозначного соответствия между ботаническими терминами и реальностью являются характеристиками наиболее значимых растений с точки зрения экономической значимости. Здесь в первую очередь нужно различать злаки, деревья, кустарники и их плоды, например: «арыш» рожь, «арпа» ячмень, «һоло» овес, «ерек» ольха, «бойзай» пшеница, «кайын» береза, «карағай» сосна, «миләш» рябина, «тары» просо, «балан» калина, «имән» дуб, «карағас» лиственница, «карама» вяз, «муйыл» черемуха.

К упомянутым выше примыкают названия культурных, огородных и бахчевых растений: «борос» перец, «карбуз» арбуз, «борсак» горох, «картуф» картофель, «кишер» морковь, «керән» хрен и т.д.

Далее, сюда же могут быть отнесены названия некоторых цветов, грибов и ягод: «кәнәфер» гвоздика, «йәсмин» жасмин, «милүәшә» фиалка, «ләлә» лилия, «томбойок» кувшинка, «кәләпә» шампиньон, «грузде» груздь, «еләк» ягода, «бөрлөгән» ежевика, «көртмәле» голубика.

Общераспространенными являются названия многих трав: а) интенсивно используемых в хозяйственной деятельности: «бөтнөк» мята, «билсән» осот, «етен» лен, «кылған» ковыль, «күрән» осока, «мүк» мох, «әрекмән» лопух, «юшан» вероника, «тарбағай» скерда; в народной медицине: «андыз» девясил высокий, душица, «мәтрүш, мәтрүшкә»; б) выделяющихся какими-либо необычными и очень заметными признаками: «бажат» мятлик, «балтырған» борщевник, «какы» свербига, «көпшә» купырь обыкновенный, «сәтләүек» орех, «кузғалак» щавель, «әрем» полынь; в) часто встречающихся вблизи жилья: «кесерткән» крапива, «алабута» лебеда.

Лексика башкирских диалектов представляет собой чрезвычайно разнообразную картину. Причины и обстоятельства появления множества синонимов и образования

значительных диалектных различий, особенно в пределах ботанических названий, можно назвать только в самом общем виде: длительная обособленность диалектов, условия неравномерного развития и другие взаимодействия с соседними диалектами башкирского языка и других языков.

Научные названия, используемые в основном в книгах и в разговорной речи, также являются частью терминологической системы названий растений. Его появление связано с углублением процесса взаимодействия башкирского языка с русским, расширением культурных, научных и иных связей. Среди этих названий – названия отдельных деревьев, кустарников, декоративных и лекарственных растений, цветов, трав и т.д. например: тополь, магнолия, кипарис, чинара, самшит, акация, эвкалипт и т.д. Для книжного языка также характерно широкое использование названий, созданных на основе башкирского языка путем дословного перевода терминологических сочетаний или их компонентов с русского языка. Заимствованный, словарный запас является одним из проявлений языкового взаимодействия особых народов. В большинстве случаев в рамках сравниваемых заимствований в современной семантике научной терминологии, слова понимаются как процесс перемещения разных слов с одного языка на другой.

Слово может быть заимствовано как законченное, грамматически оформленное слово, и как пласт лексического материала. В этом специфика многих корневых заимствований. Кальками и полукальками являются: «айыу һуғань» медвежий лук, «амарант ағасы» амарантовое дерево, «ат борсағы» бобы конские, «балан япраклы саған» клен калинолистный, «арыслан ауызы» львиный зев и многие другие.

Названия ряда экзотических растений и их плодов, встречающиеся в книжном языке и содержащиеся в разговорной речи, восходят к традициям древнетюркских литературных языков, например: «нәркәс» нарцисс, «әфлисун» апельсин, «загфран» шафран.

Таким образом, народные названия составляют основу башкирской ботанической номенклатуры. Определенное место в нем занимают заимствования из других языков: монгольского, персидского, арабского и др. Русский язык оказал и продолжает оказывать большое влияние на формирование башкирской ботанической номенклатуры, выступая в качестве посредника в переводе международной лексики на башкирский язык.

Как показывает анализ названий растений, они могут быть простыми, сложными и состоять из нескольких слов. Отдельные, непроизводные и производные слова в основном используются в качестве названий видов, а словосочетания в основном используются для обозначения подвидов. При описании словообразовательной и семантической структуры особое внимание следует уделять также терминам, используемым для обозначения подвидов.

1. Абдуллина Г.Р., Валиева Г.Д., Ишбаев К.Г. Башкирский язык: учебник для студентов филологических факультетов вузов. Уфа: Китап, 2012. 616 с.
2. Андреев Н.Г., Андреев Л.Н. Основы агрономии и ботаники: учебное пособие. М.: Колос, 2004. 487 с.
3. Ахмедьянова Р.А., Ахмедьянова И.Р. Русско-башкирский и башкирско-русский автословарь по животноводству. Екатеринбург: Пакрус, 2011. 202 с.
4. Байшев Т.Г. Башкирские диалекты в их отношении к литературному языку. 2-е изд., стереотипное. Уфа: Гилем, 2006. 132 с.
5. Баранов С., Шакиров З. Названия растений на латинском, русском и башкирском языках. Уфа: Башгиз., 1932. 34с.
6. Баскаков Н.Д. Тюркские языки. М.: Изд-во вост. лит., 1960. 248 с.
7. Викторов Д.П. Краткий словарь ботанических терминов. М.–Л.: Наука, 1964. 177 с.
8. Йәнтурин С., Хисамов Ф. Русса-башкортса, башкортса-русса ботаника терминдәре һүзлегә. Өфө: Китап, 2011. 148 б.
9. Максютлова Н. Х. Восточный диалект башкирского языка: В сравнительно-историческом освещении. М.: Наука, 1976. 292 с.

Харламова Т.В.

Коммуникативные стратегии недооценки и переоценки в речи персонажей романа Софи Кинселлы «Шопоголик на Манхэттене»

Одинцовский филиал МГИМО МИД России
(Россия, Одинцово)

doi: 10.18411/lj-05-2021-283

Аннотация

В статье рассматриваются коммуникативные стратегии недооценки и переоценки в речи персонажей современного художественного произведения «Шопоголик на Манхэттене». Автор анализирует недооценку и переоценку через призму категории вежливости, содержанием которой являются коммуникативные стратегии.

Ключевые слова: коммуникативные стратегии, недооценка, переоценка, категория вежливости, речь современных англичан.

Abstract

The article deals with the communicative strategies of understatement and overstatement in the speech of the characters in the modern novel "Shopaholic Abroad". The author analyzes understatement and overstatement through the category of politeness, the content of which are communicative strategies.

Kew words: communicative strategies, understatement and overstatement, the category of politeness, the speech of modern English people.

В лингвистической литературе проблемой недооценки и переоценки в разное время занимались отечественные и зарубежные ученые: Е.В. Власова, И.В. Гюббенет, Т.А. Ивушкина, Т.В. Ларина, У. Болл, Дж. Майкс, А. Смит, А. Хьюблер, Х. Филдинг.

Недооценка и переоценка - это языковые категории, которые намеренно занижают или завышают оценочную реакцию на определенные речевые ситуации с целью поддержания гармоничного, бесконфликтного общения и соблюдения общепринятых норм в процессе коммуникации [3, с. 216]. Содержанием данных категорий являются стратегии, направленные на достижение определенной коммуникативной цели.

В данной работе мы рассматриваем недооценку и переоценку через категорию вежливости, присущую представителям британской лингвокультуры. Т.В. Ларина отмечает, что коммуникативные стратегии недооценки и переоценки могут рассматриваться как одна из форм речевого этикета [5, с. 87].

Стратегии недооценки, или преуменьшения, являются результатом нежелания коммуникантов категорично выразить свои мысли и позволяют смягчить высказывание. Для создания недооценки англичане в своей речи часто используют наречия степени, детенсификаторы (a little, in some respects, a bit, barely, partly, pretty и др), а также некоторые стилистические средства выразительности (мейозис, литота, эвфемизмы) [2, с. 37].

Стратегии переоценки, или преувеличения, являются маркером позитивной вежливости и направлены на сближение с собеседником [5, с. 119]. Переоценка выражается такими средствами выразительности как гипербола, гиперболическая метаформа, сравнение, а также с помощью наречий и прилагательных-интенсификаторов (absolutely, very, exceedingly, perfectly, so, too и др) [4, с. 138].

Анализ речи персонажей романа Софи Кинселлы «Шопоголик на Манхэттене» (2012 г.) позволил нам выделить 35 контекстов употребления стратегий недооценки и переоценки. Остановимся на стратегиях недооценки:

Стратегия вежливого отказа представляет собой этикетную формулу вежливости, которая направлена на смягчение информации, потенциально неприятной для собеседника. В представленном диалоге главная героиня пытается вежливо отказаться от приглашения на неинтересное для нее мероприятие с помощью фразы «I'm afraid not», которая является клише, закрепленным в языке культурной традицией [1, с. 137].

(1)'I was planning to... to visit the Guggenheim this afternoon.' ...'Really?' says Kent, looking disappointed. 'Couldn't it wait until another day?' 'I'm afraid not,' I say. 'There's a particular exhibit I've been absolutely longing to see since . . . since I was a child of six.' [6, с. 180].

(—Я планировала... посетить музей Гуггенхайма сегодня.

—Правда? — разочарованно спрашивает Кент. — Не может ли это подождать?

—Боюсь, что нет, — говорю я, — там сейчас выставлено именно то, что я мечтала увидеть... с шести лет (здесь и далее перевод наш. — Т.В.).

Стратегия критического отношения к себе позволяет проявить сдержанность и устранить из фокуса внимания имеющиеся разногласия в целях сохранения позитивных отношений между коммуникантами. Л.В. Азарова отмечает, что сдержанность и уклончивость являются основой вежливого поведения англичан [1, с. 138]. В данном примере у главной героини возникли некоторые неприятности отчасти по неосторожности ее подруги Сьюзан. Обе девушки принимают вину на себя, реализуя стратегию критического отношения к себе за счет многократного повторения фразы «It's my fault».

(2)(Suzan): 'It's all my fault. I was such a moron!... It's all my stupid fault.' 'Of course it's not!' 'Will you ever forgive me?' 'Will I ever forgive you?'

I stare at her, my face quivering. 'Suze . . . I should be asking you to forgive me! You tried to keep tabs on me. You tried to warn me, but I didn't even bother to call you back... I was just so... stupid, so thoughtless...'

'No you weren't!' [6, с. 264]

((Сьюзан):— Это я во всем виновата. Я была такой дурой! ... Это я во всем виновата!

— Конечно, ты ни в чем не виновата!

— Ты сможешь меня когда-нибудь простить?

— Простить тебя? — Я в изумлении уставилась на нее. — Сьюзи... это я должна просить у тебя прощения! Ты пыталась меня сдержать, ты хотела предупредить, но я даже не удосужилась тебе перезвонить... Я была такой... глупой, такой безмозглой...

— Да нет, что ты!

Стратегия умолчания по этическим соображениям

(3)'Alicia's going to run the London office?' 'Almost definitely,' says Luke, Stopping mid sentence. 'Why?' 'But--' 'But what?' says Michael, looking at me with interest. 'Why shouldn't she run the London office? She's bright, ambitious...' 'Oh. Well... no reason,' I say feebly. I can't very well say 'because she's a complete cow' [6, с. 198].

(— Алисия будет возглавлять лондонский офис?

—Наверняка, — Люк вдруг пристально на меня посмотрел, — а что?

— Но...

— Но что? — Майкл с интересом взглянул на меня, — почему, по-вашему, она не может его возглавить? Она умна, амбициозна...

— Ну... да, так, ничего, — неуверенно отвечаю я. Не могу же я им сказать: «да потому что она жуткая дрянь»).

В данном контексте героиня романа избегает четкого выражения негативных оценочных суждений в отношении Алисии, которую она явно недолгобливает. Стратегия недооценки реализуется с помощью множественных пауз, заполнителя «well». Такой уклончивый ответ позволяет проявить сдержанность и сбалансированность.

общепринятые нормы, не позволяющие открыто выражать негатив по отношению к собеседнику или иным лицам.

Перейдем к рассмотрению стратегий переоценки:

Стратегия похвалы направлена на сближение с собеседником и реализуется в виде комплиментов и позитивного внимания. Как справедливо отмечает Дж. Лич, речевые акты, содержащие похвалу, являются вежливыми по природе [7]. Реализуя в речи стратегию похвалы, говорящий стремится показать собеседнику свое внимание и уважение.

(4)'I've just been speaking to some people at HLBC. Apparently you were quite a hit. Very entertaining, they said.'

'Wow!' I say, 'Really? Are you sure?'

'Quite sure. They were saying how charming you were, and how cultured... [6, с. 185].

(— Я только что говорил с теми людьми с телевидения. Похоже, что они в восторге от тебя. Они сказали, что с тобой очень весело.

— Ух ты! Правда? Ты уверен?

— Разумеется. Они говорили, какая ты очаровательная, какая образованная...)

В данном примере переоценка реализуется с помощью наречий *very*, *quite* и синтаксического средства выразительности – анафоры (повторение усилительной вопросительной частицы *how...how*) и комплиментов *charming*, *cultured*.

Стратегия одобрения позволяет выразить позитивное отношение к собеседнику и характеризуется гиперболизированной оценочностью, эмотивностью и оптимизмом. Стратегия одобрения чаще всего реализуется с помощью наречий-интенсификаторов.

(5)'Nothing wrong with a bit of office gossip,' says Michael with a warm smile. 'Keeps the wheels turning.' 'Absolutely!' I say emphatically. 'I couldn't agree more [6, с. 198].

(— Ничего плохого в офисных сплетнях нет, — тепло улыбаясь, говорит Майкл, — это помогает держать руку на пульсе.

— Разумеется, — поддакиваю я, — не могу с Вами не согласиться).

В этом примере главная героиня подчеркивает то, что она полностью разделяет точку зрения Майкла, делового партнера ее бойфренда. Стратегия одобрения реализуется с помощью наречия-интенсификатора *absolutely* и фразы *couldn't agree more*.

(6)'Box Beautiful have sold out of my frames! They just phoned up to order some more!'

'Oh Suze! That's fantastic!' [6, с. 19].

(—Магазин «Красивые коробочки» продал все мои рамки! Мне только что позвонили и заказали еще партию!

—О, Сьюзи, это же просто замечательно!)

В данном примере главная героиня старается поддержать свою подругу Сьюзан, которая недавно начала заниматься производством рамок для фотографий. Для того чтобы продажи рамок росли, Ребекка тайно скупает рамки и при разговоре с подругой всячески старается ее подбодрить и выразить свое восторженное отношение к деятельности Сьюзи. Здесь цель использования стратегии одобрения состоит в демонстрации поддержки, внимания к собеседнику, что способствует сближению коммуникантов. Переоценка в речи выражена с помощью оценочного наречия *fantastic* и междомедия *oh*.

Стратегия выражения благодарности:

Т.В. Ларина отмечает, что характерной особенностью коммуникативного поведения англичан является выражение благодарности, которое свидетельствует о том, что собеседник принимает во внимание интересы партнера по коммуникации. В английском языке благодарность является очень важной лингвистической категорией,

которая выражает чувство признательности собеседнику в ответ на его действия [5, с.197].

(7)'It's yours to keep, and wear. A gift.'

'Thank you,' says Tarquin. 'I'm . . . very grateful [6, с. 146].

(— Это подарок, носи на здоровье.

— Спасибо, — говорит Таркин, — я... я очень благодарен тебе).

Здесь стратегия благодарности выражена с помощью фиксированной формы thank you и усилена благодаря использованию сочетания «интенсификатор + прилагательное» very grateful, а также наличию паузы для повышения экспрессивности высказывания.

Таким образом, стратегии недооценки и переоценки позволяют проявить сдержанность, скромность, выразить позитивное отношение к собеседнику, а также поддержать бесконфликтное и гармоничное общение, что отражает культурные и национальные особенности британского характера. Анализ стратегий недооценки и переоценки в речи современных англичан показал, что представители британской лингвокультуры достаточно часто реализуют эти языковые категории в целях соблюдения основных принципов вежливости.

1. Азарова Л.В. Лексические средства выражения некатегоричности высказываний / Л.В. Азарова // Системное описание лексики германских языков. — Л.: Изд-во Ленингр. ун-та, 1985. Вып. 5. С. 137–142.
2. Власова Е.В. Социолингвистический аспект изучения недооценки и переоценки в речи современного англичанина: на материале художественных произведений начала XXI в.: дис. ... канд. филол. наук / Е.В. Власова — Волгоград, 2005. — 170 с.
3. Власова Е.В. Ритуализированные стратегии недооценки и переоценки в речи современных англичан / Е.В. Власова // Известия Волгоградского государственного педагогического университета. — 2020. — №1 (144). — С. 216-220.
4. Власова Е.В. Коммуникативные средства выражения недооценки. Поведенческий аспект / Е. В. Власова. — Текст: непосредственный // Известия Волгоградского государственного педагогического университета. — 2020. — №3 (146). — С. 136-140.
5. Ларина Т. В. Категория вежливости и стиль коммуникации: сопоставление английских и русских лингвокультурных традиций / Т. В. Ларина. — М.: Рукописные памятники Древней Руси, 2009. — 287 с.
6. Kinsella Sophie. Shopaholic abroad / Sophie Kinsella. — Random house, 2012. — 349 с.
7. Leech G.N. Principles of Pragmatics / G. N. Leech. — London, NY: Longman, 1983.

Шевченко Е.И., Кривошеева Е.И.

Особенности перевода описательной документации по строительству и эксплуатации ветряных электростанций с японского на русский язык

*Тихоокеанский государственный университет
(Россия, Хабаровск)*

doi: 10.18411/lj-05-2021-284

Аннотация

В статье рассматриваются лексические, грамматические и синтаксические особенности текстов по теме строительства и эксплуатации ветряных электростанций на японском языке. Исследуются способы образования терминологии и описываются заимствованные сокращения для обозначения технических деталей и специфики процессов. На материале оригинальной документации, анализируются и предлагаются к использованию наиболее эффективные способы перевода документации в рамках указанной темы с японского на русский язык.

Ключевые слова: ветряная электростанция, перевод, трансформации, японский язык, русский язык.

Abstract

The article discusses lexical, grammatical and syntactic features of the texts on the topic of construction and operation of wind power plants in the Japanese language. Methods of terminology formation are investigated and borrowed abbreviations are described to denote technical details and the specifics of certain processes. The most effective ways of translating documentation from Japanese into Russian in regards of construction and operation of wind power plants are analyzed and proposed for use.

Key words: wind power plant, translation, translating method, Japanese, Russian.

Сотрудничество Японии и России в сфере возобновляемых и невозобновляемых источников энергии имеет обширную историю и географию. Современное состояние разбалансированной энергетической отрасли Японии, высокие затраты на энергоресурсы и их нехватка обуславливают повышенный интерес к российским энергоносителям. Так, в 2015 году усилиями японской стороны с целью увеличения количества ветряных электростанций (здесь и далее - ВЭС) были введены в эксплуатацию три ветровые турбины в Камчатском регионе. К тому же, на ВЭФ (Восточный экономический форум) в 2018 ряд японских компании выразил заинтересованность в строительстве 2-го арктического ветропарка в России [2].

Тема представляется актуальной в трех плоскостях. Во-первых, российские населенные пункты с изолированным электроснабжением заинтересованы в снижении тарифов на бытовую электроэнергию, что и является приоритетной задачей ветряной электростанции. Во-вторых, распространение такого типа энергоресурсов позволит России сделать добычу энергии более экологичной, тем самым, реализуя программу Парижского соглашения по сдерживанию изменений климата [3]. В третьих, это является еще одним гарантом обширных инвестиций в российскую экономику со стороны не только одной Японии, но и других стран АТР.

В данной статье рассматриваются стилистические, лексические и синтаксические особенности и приемы перевода технических текстов энергетической направленности с японского на русский язык. Особое внимание уделяется терминологии, относящейся к сфере ветряной природной электроэнергии. Предпринимается попытка обобщить и систематизировать переводческие трансформации, применяемые в исследуемых текстах.

В качестве материала для исследования были использованы работы Института Возобновляемой Энергии, Российской Ассоциации Ветроиндустрии, и Статья «CONSTRUCTION OF WIND TURBINES IN КАМЧАТКА».

Прежде всего хотелось бы обратить внимание на перевод специфической лексики. Группа заимствованных слов, в частности англицизмов, не представляет особой сложности при переводе. В основном их используют для названий конкретных частей механизма ветряной электростанции. Однако, особого внимания требует перевод многокомпонентных терминов, например タワー頂部 «верхушка мачты». При описании частей ВЭС используется специфический термин «мачта» [5]. Прямой перевод заимствования タワー как башня (tower) неуместен.

Рассмотрим особенности технического перевода на примере синтаксических связей в предложении.

架設システムのフレームを中型クレーンを使用しての設置および補助ワイヤの配置[4]。Размещение вспомогательных проводов при помощи установки каркаса монтажной системы посредством среднеразмержного крана. В данном примере мы видим двойное употребление падежа を, который определяет сразу две части предложения: 架設システムのフレーム- каркас монтажной системы и 中型クレーン «среднеразмержный кран». Здесь уместно применить прием логической синонимии. Оба определения относятся к одному глаголу および «посредством», но требуют

последовательного упоминания, поэтому следует перевести его в первом случае как «при помощи», а во втором – «посредством». Благодаря этому удастся избежать ненужных повторений.

このような施工条件下で、第 1 期施工では 200t 吊りクレーンを搬入して風車 1 基の架設を行った[4]。В данных условиях, на первом этапе строительства был доставлен подвесной кран грузоподъемностью 200 тонн и смонтирована одна ветряная турбина. На данном примере мы можем увидеть, что глагол 行った «проводилось» и существительное 架設 «установка», в исходном предложении образуют словосочетание “проводилась установка”. Однако при переводе был применен прием модуляции, позволивший сократить данное сочетание до глагола “смонтировать”. Распространенный характер японских предложений часто требует от переводчика умения ёмко выражать значения того или иного слова; стараться нивелировать излишнюю тавтологию.

豊富な風力・太陽光発電の適地を有するロシア極東でも、同様のやり方で自然エネルギー導入量を伸ばしていくことはできるのだろうか [5]。

Можно ли таким же образом увеличить количество возобновляемых источников энергии, внедряемых на Дальнем Востоке России, где есть множество подходящих площадок для производства энергии ветра и солнца?

В данном предложении мы видим, что определим здесь выступает 適地を有する «имеющий подходящие места», а определяемым - ロシア極東 «российский Дальний Восток». При таком переводе первая часть предложения будет перегружена, поэтому в данной ситуации лучшим решением будет перевести его на русский язык в виде сложноподчиненного предложения – «на Дальнем Востоке России, где есть множество подходящих площадок для производства».

2018 年現在、ロシアで比較的大きな発電設備容量を保有する企業に Evrosibenergo (19.5GW)、E.On (約 11.3GW)、Enel (約 9.4GW) などの民間企業もある [4]。По состоянию на 2018 год среди компаний с относительно большой установленной мощностью в России также есть частные компании, такие как Евросибэнерго (19,5 ГВт), E.On (около 11,3 ГВт) и Enel (около 9,4 ГВт). В этом предложении использован прием опущения, так как сочетание 容量を保有する企業 в дословном переводе будет звучать как «обладающие... установленной мощностью». В окончательном варианте глагол 保有する полностью отсутствует, а его смысловую функцию выполняет союз «с».

この地理上、制度上の特徴をふまえ、ロシア極東での自然エネルギープロジェクトは大きく分けて二つの方式で進められている [5]。Исходя из этой географической и институциональной особенности, проекты в области возобновляемых источников энергии на Дальнем Востоке России продвигаются по двум основным направлениям. В конце этого предложения сочетание 大きく分けて二つの方式 подвергается трансформации модуляции, другими словами, смыслового развития. Прилагательное 大きい, от которого впоследствии образовано наречие, можно перевести по-разному, в зависимости от контекста. Определяемый им глагол 分ける относится к сочетанию 二つの方式 «два направления». При переводе на русский язык сочетание 大きく分けて сливается в одно единственное прилагательное - «основной». В нем и консолидируется смысловое содержание двух японских слов.

横取り装置によるナセルの横移動、降下および所定位置への設置[5]。

Поперечная транспортировка, спуск и установка гондолы в нужное положение с помощью траверса. В этом предложении применена такая трансформация, как

конкретизация. Специализированный строительный термин «траверс» заменяет расплывчатое понятие 横取り装置 «устройство захвата» в исходном тексте. Этот факт подтверждает необходимость наличия у переводчика не только узкопрофильных знаний по затрагиваемой теме, но по меньшей мере доступа к соответствующему словарю для предотвращения лексических ошибок.

Таким образом, исходя из перечисленных выше трансформаций, мы можем сделать вывод, что наиболее часто встречаются такие переводческие приемы, как конкретизация и опущения. Безусловно, большую роль играет тип текста, а также его направленность. Сфера ветряных электростанций на данный момент достаточно мало изучена, и для наиболее полной передачи смысла того или иного предложения необходимо прибегать к различным сокращениям и лаконичным формулировкам [1]. Это позволяет упростить восприятие материала и помочь даже тем, кто не имеет профессионального представления о сути предмета.

1. Кугафьева Н.В /Японский язык. Особенности научно-технического стиля// –М.: Восток- Запад, 2005 – 136 с
2. Развитие ветроэнергетики в России [Электронный ресурс]: режим доступа <http://www.fortum.ru> (дата обращения: 12.01.2021)
3. Сунгуров Г.Р. /Обзор текущего состояния и перспектив развития сотрудничества России и Японии в области энергетики// журнал «Инновации и Инвестиции» - №3. - 2018
4. 尾松亮/ロシアにおける自然エネルギー活用の展望/ - 自然エネルギー財団上級研究員 [Электронный ресурс]: Режим доступа https://www.renewableci.org/pdfdownload/activities/ColumnReport_REinRussia.pdf (дата обращения 20.01.2021).
5. 山本 佳宏 , 岩井 憲一/ カムチャツカ風車工事CONSTRUCTION OF WIND TURBINES IN KAMCHATKA (RUSSIA)/ 駒井ハルテック技報 -Vol.7 – 2017

РАЗДЕЛ XXX. ФИЛОСОФИЯ**Воинова А.А.****От модели «Университета 1.0» к модели «Университета 3.0»: смена образовательной парадигмы***Государственный университет «Дубна»
(Россия, Дубна)**doi: 10.18411/lj-05-2021-285***Аннотация**

В статье обосновано, что любое преобразование университета видится системным: изменяются функции и миссии, которые выполняет университет, трансформируются его социальное предназначение, виды деятельности, применяемые технологии. В статье разработана концепция исследования трансформации основ университета, учитывающая социокультурные изменения в обществе (от модели Университета 1.0 к модели Университета 3.0).

Ключевые слова: поколения университета, постиндустриальное общество, информационное общество, технологический уклад.

Abstract

The article substantiates that any transformation of the university is seen as systemic: the functions and missions performed by the university are changing, its social purpose, types of activities, and technologies used are being transformed. A concept for the study of the transformation of the foundations of the university has been developed, taking into account socio-cultural changes in society (from the University model 1.0 to the University model 3.0).

Keywords: university generations, postindustrial society, information society, technological order.

В научных кругах перемены, характеризующиеся особой интенсивностью и неустойчивостью социальных процессов, обычно обозначаются как смена технологического уклада» или «фазовая общественная трансформация.

Как и все социокультурные феномены, университет как ведущий социальный институт высшего образования, не может избежать влияния этих трансформаций. Эти перемены можно трактовать по-разному: смена образовательной модели, кризис устоявшейся системы высшего образования, трансформация института высшего образования [1]. Но суть остается неизменной: на происходящие социокультурные вызовы университет должен дать адекватный ответ.

Для целей нашего исследования мы воспользовались подходом, предложенным исследователями В.С. Ефимовым и А.В. Лаптевой. В рамках данного подхода исследователи развивают тезис о прямой обусловленности трансформаций образовательной модели университета от происходящих социокультурных изменений [2].

Автором была разработана концепция исследования трансформации основ университета, учитывающая социокультурные изменения в обществе (от модели Университета 1.0 к модели Университета 3.0) [3]. Крупные социокультурные трансформации рассмотрены автором в фокусе перехода от доиндустриального к постиндустриальному (информационному) этапу.

На наш взгляд, любая масштабная смена образовательной модели всегда обусловлена масштабными социокультурными трансформациями, происходящими на данном этапе развития общества. Преобразование университета видится системным:

изменяются функции и миссии, которые выполняет университет, трансформируются его социальное предназначение, виды деятельности, применяемые технологии. Отвечая на запросы изменяющегося общества, пусть не всегда оперативно, университеты, тем не менее становятся активными участниками формирования дальнейшей социокультурной реальности.

Для того, чтобы понять, каким образом крупные социокультурные трансформации радикально изменяют существующую на определенном этапе систему образования, мы рассмотрим данные переходы через призму культурного, экономического, технологического и социального аспектов. Очевидно, что эти ракурсы взаимосвязаны, включают и взаимодополняют друг друга, но их выделение в рамках системного подхода позволит нам наилучшим образом продемонстрировать изменение характеристик университета.

В технологическом аспекте университет использует различные технические и технологические средства для обеспечения воспроизводства человеческого капитала, а также самостоятельно выступает в качестве производителя новаций в сфере технологий.

Экономический аспект исследования университета выявляет степень его вовлеченности в экономические процессы и инновационную деятельность с целью реализации своих разработок и получения прибыли.

Социальный аспект измерения университета предстает в качестве выполнения им роли и функций ведущего социального института, обеспечивающего производство и воспроизводство интеллекта, набора профессиональных компетенций, коммуникативных навыков [4].

В культурном аспекте университет предстает в качестве социокультурного феномена, транслирующего культурные коды и паттерны, идеологические и ценностные установки.

Конечно, выделяя отдельно эти основополагающие факторы, можно говорить только об «идеальной модели» университета, которая воспроизводит все указанные выше функции. Но на деле может оказаться, что реальный университет не выполняет все перечисленные функции, воспроизводя только функцию профессиональной подготовки и транслируя устоявшееся знание, тем самым превращаясь в «сертифицированный орган выдачи дипломов» [5, С. 23].

В своем исследовании мы принимаем типологию университетов, в основе которой лежат выполняемые им миссии в обществе и рассматриваем их сквозь призму социального, культурного, экономического и технологического аспектов. Эти характеристики позволят проследить и выявить отличительные черты, свойственные каждому этапу развития университета на определенном этапе развития социума.

Часть университетов ограничивают свои функции воспроизводством фундаментальных знаний, технологических принципов. Это классические или исследовательские университеты. Иные университеты создают инновационную инфраструктуру для развития экономических функций. Это предпринимательские университеты. Третьи университеты обеспечивают массовизацию определенных деятельностей – «тиражируют» инженеров, юристов, педагогов, менеджеров и т. д., т. е. «тиражируют профессиональные знания, компетенции, способы действия».

Изменение миссий университета мы рассматриваем в контексте общественных социокультурных изменений, которые проявляются в качестве «новых» этапов развития социума.

Каким же образом социокультурные изменения трансформируют университет и его образовательную модель, в частности, какие факторы среды информационного (постиндустриального) общества создали условия для востребованности университетской модели 3.0?

Крупные социокультурные трансформации всегда сопровождаются кардинальным изменением преобладающих технологий и технических средств, социальных институтов и общностей, норм, правил и традиций, характерных для определенного этапа развития общества. Переход к информационной эпохе вызвал к жизни процессы массовой компьютеризации, цифровизации, информатизации всех сторон жизни социума, что непосредственно привело к резкому возрастанию доли умственного труда на рынке и снижению роли так называемого «человеческого фактора» в процессах производства [6, С. 108].

Экономическая деятельность становится доминирующей на информационном этапе развития общества: товаром теперь становятся не только продукция и услуги, но и знания, отношения, эмоции – все то, что раньше измерить экономически было невозможно. Глобальная сеть Интернет, высокотехнологичные «умные» гаджеты, повсеместная доступность информации в сети способствуют тому, что реальное взаимодействие между индивидами уступает место общению виртуальному.

Всеобщая глобализация унифицирует культуры, языки: коммуникация перестает быть локальной и переносится из реального мира в мир виртуальный, общение становится «технологическим», расширяются межкультурные контакты. Унификация культурных норм и ценностей приводит к их постепенному переосмыслению.

Все перечисленные нами выше социокультурные трансформации представляют собой особого рода «вызовы» для системы высшего образования. В изменяющихся условиях они не могут больше воспроизводить устоявшиеся образовательные модели, которые были ориентированы на индустриальные практики. В этом свете рассмотрим процессы эволюции высшего образования сквозь призму социокультурных изменений.

Для проведения такого анализа обратимся к часто используемой сегодня схеме поколений университетов – от Университета 1.0 до Университета 3.0. Эти термины были использованы впервые Й. Виссемой в его книге «Университет третьего поколения: управление университетом в переходный период» [7], опубликованной в 2010 году. Впоследствии многие авторы переняли эту идею и сегодня кажется, что эта схема весьма устоявшаяся.

Поколения университетов, согласно этой теории, сменяют друг друга, при этом не исключено, что предыдущие поколения окончательно теряют свои позиции, они могут сосуществовать еще долгое время наряду с новыми поколениями университетов.

Университет первого поколения, как теперь принято считать, возник, используя принятую нами схему - на доиндустриальном этапе развития общества. В позднем Средневековье технологический аспект, через призму которого мы рассматриваем трансформацию университета, еще не мог проявить себя посредством определенных технических средств, в качестве технологии выступало ораторское и ремесленное мастерство. Деятельность университета представляла собой единую образовательную практику, реализуемую целостно, не разбитую на отдельные функции.

В экономическом аспекте университет первого поколения представляет собой достаточно независимую организацию, не обеспечивающую «социальный заказ», и не нацеленную на взаимодействие с другими социальными институтами. Можно сказать, что университет как социокультурный феномен развивается параллельно с экономикой.

В социокультурном аспекте Университет 1.0 представляет собой некоторое институционально организованное сообщество людей, объединенное интеллектуальной составляющей, концентрирующее людей, обладающих знанием на одной институциональной «площадке». Это сообщество обладает некой элитарной культурой, противопоставленной «повседневной» культуре обывателя. Транслируя эту культуру ограниченному кругу лиц, университет тем самым воспроизводит не только знания и основания мысли, но и культурные паттерны для последующих поколений интеллектуалов.

Модель университета второго поколения получила свое развитие в Новое время – в период становления индустриального этапа социального развития. Научно-техническая революция способствовала не только активному развитию индустрии, но и преобразованию технических средств печати, что изменило способы хранения и передачи знаний. Университет в этих условиях обеспечивает не только воспроизводство знаний, но и его производство и применение к дальнейшему развитию промышленности, тем самым воспроизводя научную компоненту своей деятельности. Помимо этого, университет обеспечивает воспроизводство квалифицированных кадров, востребованных в различных секторах экономики.

Наука в Новое время приобретает статус особого социального института, и академический университет отныне, вовлеченный в процессы индустриализации, становится местом институционализации научного знания. Университет занимает позицию одного из ведущих «двигателей» научно-технического прогресса, выполняя не только образовательную миссию, воспроизводя инженерные и технические кадры, но и занимаясь научными исследованиями.

В технологическом плане университет теперь проявляет себя посредством технического оборудования, позволяющего проводить на его базе эмпирические исследования. Университет располагает не только аудиториями, в которых читаются лекции, но и оснащенными лабораториями, позволяющими заниматься исследовательской деятельностью прямо в университете. Он создает основания для конструкций машин и технологий и транслирует новый тип познания через наблюдение, эксперимент, моделирование.

Университет ориентируется на развитие экономики, осуществляет деятельность по подготовке специалистов, востребованных на рынке, осуществляет исследовательскую деятельность, ориентированную на дальнейшее развитие НТП.

Основными миссиями университета второго поколения становятся воспроизводство и применение знаний к развитию индустрии, научной картины мира, профессионализма как способа деятельности, ценностей и установок.

Университет третьего поколения возникает в информационную эпоху (на постиндустриальном этапе развития общества). Это, прежде всего, исследовательский университет, обеспечивающий производство фундаментальных знаний. Прорывные исследования и разработки реализуются в инновационно-технологическом университете. Классические университеты обеспечивают трансляцию и передачу определенных знаний и навыков. То есть третье поколение университетов возникает как «набор» университетов различных типов, постепенно совмещающая в себе все три основные миссии: образование, исследование и экономическая отдача [8].

Таким образом, основными отличиями образовательных моделей являются миссии университета, которые он выполняет в обществе. Миссия Университета 1.0 определяется только образовательной компонентой, то есть воспроизводством интеллекта, картины мира, ценностей и установок. Университет 2.0 помимо образовательной несет на себе и исследовательскую миссию, то есть основной его функцией становится воспроизводство и применение знаний к развитию индустрии, научной картины мира, профессионализма как способа деятельности, ценностей и установок. Для модели Университета 3.0 в условиях нового типа экономического и инновационного развития становится наиболее актуальной предпринимательская миссия.

Модели Университетов 1.0 и 2.0 несут в себе ценности академизма и образованности, высокие образцы культуры и самоценный характер производимых университетом знаний. Модель Университета 3.0 нивелирует самоценность университетского знания, уступая место его общественной полезности, а также социальной востребованности. Место образовательной миссии в моделях Университетов 1.0, 2.0 определялось в составе культурной и гуманистической

функций, в то время как в модели университета 3.0 – узкопрофессиональной и прагматической.

Университет моделей 1.0 и 2.0 были нацелены на сохранение уникального статуса университета, функции которого были весьма опосредовано связаны с экономической деятельностью, в то время как модель Университета 3.0 по своему существу должна выступать экономическим субъектом. Университет в данных условиях трансформируется из классического социального института в субъект экономики, занимающийся производством научно-образовательных услуг.

Культура сетевой коммуникации и потребления, свойственные постиндустриальному обществу, редуцируют полноту взаимоотношений «профессор-студент» к формату «производитель – потребитель» услуг. А использование в образовательном процессе дистанционного образования в корне меняет классическую схему прямой и визуальной коммуникации, являющейся неотъемлемым атрибутом университета.

1. Ридингс Б. Университет в руинах. М.: ГУ ВШЭ, 2010. 304 с.; Любимов Л. Л. Угасание образовательного этоса // Вопросы образования. 2015. № 1. С. 199–210.
2. Ефимов В.С. Фазовые трансформации и будущее университетов: философско-методологический анализ // Университетское управление: практика и анализ. 2016. № 6. С. 146-156.
3. Voinova A. Third Generation University Mission Challenges of Modern Society // Современные исследования социальных проблем. 2017. Т. 9. №4. С. 364-376.
4. Багдасарьян Н.Г., Воинова А.А. Классовые концепции социальной стратификации: вызовы постиндустриального общества // Гуманитарный вестник [Электронный ресурс]: <http://hmbul.bmstu.ru/catalog/hum/socio/215.html>
5. Ефимов В. С., Лаптева А.В. Когнитивный университет: контуры будущего // Университетское управление: практика и анализ. 2014. № 6 (94). С. 18–29.
6. Диденко Д. В., Латов Ю.В. Эволюция образовательных систем как института индустриального и постиндустриального развития // Историко-экономические исследования. 2013. Т. 14. № 3. С. 101–128.
7. Воинова А.А. Креативный класс Р. Флориды: концептуализация понятия // Актуальные проблемы гуманитарных и естественных наук. 2014. № 05(64). С. 266-268.
8. Барнетт Р. Осмысление университета [Электронный ресурс]. URL: <http://charko.narod.ru/tekst/alm1/barnet.htm>

Гаранина О.Д.

**Функционирование методологии системного анализа в современной науке:
философский анализ**

*Московский государственный технический университет гражданской авиации
(Россия, Москва)*

doi: 10.18411/lj-05-2021-286

Аннотация

В статье раскрыты особенности философского анализа методологии системного исследования на трех уровнях функционирования науки: частнонаучном, общенаучном и философском. Выделены логико-методологические, собственно философские и исторические проблемы, которые своеобразно решаются на каждом уровне научного познания.

Ключевые слова: система, системный подход, системное мышление, философский анализ, методология, наука, методология науки.

Abstract

The article reveals the peculiarities of the philosophical analysis of the system research methodology at three levels of the functioning of science: a private scientific, general

scientific and philosophical. The logical and methodological, actually philosophical and historical problems that are peculiar to each level of scientific knowledge are distinguished.

Keywords: system, system approach, system thinking, philosophical analysis, methodology, science, methodology of science.

Введение

Широкий арсенал современных познавательных средств, включающий достижения новоевропейской классической методологии и инновационные подходы неклассической науки, имеет ярко выраженную аналитическую природу и не пригоден для анализа целостности, иерархичности и организованности, присущих объектам, представляющим системы. В настоящее время системные исследования научной и практической деятельности человека получили широкое распространение. Обнаружив много существенных методологических проблем, начиная от разработки специально-научных системных методов (в частности, широко применяемых в современной науке сценарной методологии [4] и метода экспертных оценок [8]) до постановки вопросов общемировоззренческого характера [2; 9], данный вид исследований давно стал объектом философских исследований. Объектом философского анализа является весь комплекс системных исследований, включающий такие вопросы, как разработка философских проблем системного подхода [12], формирование общемировоззренческих принципов системного анализа [10]; построение логики и методологии системного исследования; проведение специально-научных системных разработок [1; 7]; создание общей теории систем [11]. Спектр вопросов, анализируемых в системных исследованиях, довольно широк, особенно если учесть, что каждой сфере жизнедеятельности человека соответствует сложная сеть конкретных проблем. Имея в виду сложность проблем системных исследований, разнообразие подходов к их реализации, с одной стороны, и с другой, – их важную роль и широкое распространение от сферы частных наук до области идеологии, мировоззрения, целесообразно в философском анализе системных исследований исходить из трех уровней функционирования научного знания: частнонаучного, общенаучного и философского.

Цель данной статьи – обосновать особенности реализации системных исследований на частнонаучном, общенаучном и философском уровнях научного познания, установить методологическую и мировоззренческую роль системности как междисциплинарной методологии.

Методы исследования

Методологической основой философского анализа системных исследований выступает феноменологическая редукция, ориентированная на поиск специфики философской интерпретации системного подхода, выявление специфических особенностей системности на разных уровнях. Такая методологическая предпосылка объясняется тем, что, с одной стороны, системный подход является общенаучной методологией, применяемой почти во всех отраслях современной науки как в качестве дисциплинарных методов (например, в технознании, юриспруденции, педагогике, управлении и т.д. [3; 6]) так и специальных системных концепций [1; 7; 10], требующих своего анализа, как на общенаучном, так и на частнонаучном уровнях. С другой стороны, широкое применение системного подхода в частных науках, его проблемы как общенаучной методологии, распространение системных исследований на область практической деятельности порождают вопросы философского, мировоззренческого характера, которые тем более должны исследоваться в философских работах.

В анализе особенностей системного исследования также реализуется междисциплинарный подход, основанный на том, что анализ проблем этого вида

исследований должен быть, прежде всего, философским анализом, и в то же время мы имеем дело с объектом, который относится не столько к области философской рефлексии, сколько к сферам науки и практики в регламентах частнонаучной и общенаучной методологий. Поэтому философское исследование такого объекта непременно должно опираться на эти сферы, где происходит реальный, действительный процесс его функционирования. Рассматривая проблемы системных исследований, исходя из этого конкретного процесса, являющегося предметом анализа сначала на частнонаучном, затем на общенаучном уровнях, в единстве и различии всех уровней, можно более или менее обоснованно осуществлять философский анализ.

Уровни философского анализа системной методологии

Основные проблемы философского анализа системных исследований – это, во-первых, вопросы логики и методологии системного исследования, во-вторых, собственно философские проблемы и, в-третьих, исторические.

Логико-методологические проблемы системного подхода – это в основном проблемы, решаемые в логико-методологической рефлексии, т.е. в работах, которые содержат в снятом виде сам конкретный процесс осуществления системного исследования в какой-либо специально-научной области [4; 5]. Они в целом состоят в описании, теоретическом обосновании системных принципов, методов исследования, в анализе проблем системного мышления. Уже в таком общем определении предмета этих проблем чувствуется неясность, отсутствие конкретной определенности их назначения. Поэтому нужно рассматривать каждую проблематику применительно к указанным уровням, поскольку они, одни и те же логико-методологические проблемы, на разных уровнях имеют неодинаковый статус. Это касается и других выделенных проблем.

Попытаемся теперь определить их более конкретно, на каждом уровне. На частнонаучном уровне логико-методологические проблемы системных исследований состоят в анализе конкретных применяемых системных методов, социально-научных системных концепций применительно к определенному классу системам, т.е. это анализ системных исследований в частных науках, особенностей применения системного подхода, связанных со спецификой объекта этих наук [3]. На общенаучном уровне имеем дело с анализом логико-методологических проблем относительно не какой-то конкретной науки, но и всех, где только системный подход применяется [2]. На философском уровне рассматриваются проблемы, относительно отдаленные от частных особенностей системных исследований в специальных науках, основывающиеся на их результатах или снимающие их. Это – оценка системного подхода как методологии познания в плане философской теории познания и логики, его возможностей и границ, проблемы общей методологии системного исследования в целом, общие вопросы системного мышления с точки зрения логики, изменения, вызванные в познавательном процессе применением системных принципов мышления, методологии познания и т.п. Здесь рассматриваются все вопросы, связанные с анализом системного подхода как (общей) методологии познания с точки зрения философии, диалектики как логики и методологии познания.

Философские проблемы также рассматриваются на разных уровнях по-разному. Они предъясняются как проблемы философского обоснования системного подхода, его анализа как методологии познания сквозь призму основного вопроса философии. На частнонаучном уровне эта общая проблема проявляется в качестве общемировоззренческих вопросов системного исследования в той или иной науке, вопросов системности объекта, его изучения с точки зрения общефилософских проблем познания, философско-теоретического аспекта проблем целостности, системности и

т.д. Таким образом, через проблемы системного подхода определенной отрасли науки рассматриваются общефилософские вопросы онтологии, гносеологии, методологии.

На общенаучном уровне в связи с соответствующими проблемами системного исследования могут рассматриваться, например, такие вопросы, как проблема целостности в современной науке, теоретические аспекты общей теории систем, теории структур, влияние системной теории на научную картину мира и т.п. На философском же уровне как бы происходит перекрещивание двух проблем всеобщего характера, в отличие от предыдущих уровней, на которых всеобщее (философские проблемы системного подхода) проходило через единичное и особенное (частнонаучное и общенаучное) рассмотрение. Здесь рассматриваются такие проблемы, как системная онтология или системная картина мира, системность как способ или ступень познания, их вклад в развитие мировоззрения, системность и принципы развития, единства мира, всеобщей связи, системный анализ категорий философии, место системного подхода в современной науке, практике и т.п.

Историческая проблематика системного подхода состоит в анализе предпосылок возникновения, становления и развития системных идей, принципов, методов, самой методологии системного подхода вообще и в определении перспектив ее развития в будущем. Таким образом, эта проблематика также преломляется в соответствии со спецификой каждого уровня. На частнонаучном уровне ее интересует все вышесказанное, только в историческом плане применительно к отдельным отраслям. На общенаучном уровне анализируются возникновение и развитие системных идей в науке, становление методологии системного подхода как направления современной науки в целом, общей теории систем в общенаучном аспекте, в аспекте структурно-функционального анализа и т.д. С точки зрения философского же уровня, рассматриваются такие, например, вопросы, как общефилософские предпосылки возникновения системности и системных идей, влияние тех или иных философских учений на их развитие, проблема системности и исследование онтологических, гносеологических, логико-методологических проблем в истории философии и т.п. Сюда относятся также и исследования, посвященные анализу самих системных исследований, критике тех или иных идей в прошлом. Данную проблематику также можно рассматривать подобным образом. На частнонаучном уровне речь идет о критике неверных трактовок применения системного подхода и его результатов в тех или иных науках, их опровержении и выявлении действительного положения дел. На общенаучном – показывается несостоятельность спекуляций вокруг общенаучного статуса системного подхода, абсолютизации системного подхода или структурализма в современной науке и т.д. Философский же уровень предполагает борьбу против концепций «системной философии», взглядов вроде признания системного подхода как «философии современности» или «современной науки», против попыток подмены общенаучной методологии системным подходом, а также против растворения философии в теории систем.

Выводы

Таким образом, проводя каждую из указанных проблематик через выделенные уровни рассмотрения, можно выявить ее специфику на каждом из этих уровней и создать целостную картину ее разработки вообще (после рассмотрения на всех уровнях). Выявив взаимосвязи между проблемами и разными уровнями их анализа, можно создать конкретную и целостную картину как методологии системного подхода, так и ее философского анализа. Немаловажно, что проблемы рассматриваются с постепенным повышением уровня исследования, и философский анализ все более конкретизируется, становится своего рода целостностью, а в совокупности образуется система философского анализа. Конкретный анализ дает возможность выявить

частнонаучный, общенаучный и философский статусы системного подхода, точнее, системный подход с точки зрения каждого из этих уровней. И тогда создается целостная картина развития системного подхода, начиная от частнонаучных применений через приобретение статуса общенаучной методологии до проникновения в пространство собственно философских проблем, т.е. восхождения философского познания системных исследований, системного подхода от единичного через особенное к всеобщему.

Наиболее существенное и целостное знание, отражающее сущность предмета, можно получить, надлежащим образом исследовав его зрелое, развитое состояние. В настоящее время методология системного подхода как объект философского анализа, еще не является зрелым, ставшим предметом, еще не построена определенная целостностная методология общенаучного статуса или хотя бы целостная совокупность определенных принципов, методов, категорий системного исследования на единой основе. Как таковой, системный подход, можно сказать, еще находится в становлении. А в период становления естественны отклонения, несоответствия и т.п., поскольку идет процесс развития, который сложен и противоречив. Философский же анализ является отражением этого процесса становления системного подхода как целого. Таким образом, только исследуя системный подход в качестве становящегося предмета можно сейчас осуществлять более или менее целостный его анализ. Имеющиеся работы по философскому анализу разных проблем системного подхода показывают, что их сущность состоит в отражении этого процесса становления. Теоретически это означает выявление и разрешение противоречия становления. С точки зрения системного подхода как целостного предмета, имеющиеся решения – это решения проблемы для нынешнего уровня развития системного подхода, а не для развитого его состояния. Основываясь на идее становления системного подхода как целого и конкретизируя ее на материале его анализа, предстоит вывести более или менее целостное, единое философское понимание системности в науке.

1. Аршинов В.И., Буданов В.Г. Системы и сети в контексте парадигмы комплексности // Вопросы философии. 2017. № 1. С. 50-61
2. Блауберг И.В. и др. Философский принцип системности и системный подход // Вопросы философии. 1978. № 8. С. 39 - 52.
3. Камалеева А.Р. Системный подход в педагогике // Научно-педагогическое обозрение. Pedagogical review. 2015. № 3. С.13-23.
4. Кононов Д., Муровцев В. Сценарии социального развития: проблемы и методология исследования Statement and Methodology of Research // Философские науки. 2017. № 12. С. 52-69.
5. Мокий В.С., Мокий М.С., Лукьянова Т.А. Классификация системных подходов - основа решения сложных многофакторных проблем общества, науки и техники // Universum: Общественные науки: электронный научный журнал. 2016. № 12(30). URL: <http://7universum.com/ru/social/archive/item/4090> (дата обращения: 12.02.2021).
6. Нехайчик В. К. Роль и значение системного подхода в исследованиях механизма административно-правового воздействия // Юридическая наука. 2015. № 5. С. 44-54.
7. Румянцева Н.Л. Социальная эволюция человека: Системно-диалектический подход. – М.: Книжный дом «ЛИБРОКОМ», 2019. 238 с.
8. Семенов С. С. Основные положения системного анализа при оценке технического уровня сложных систем с применением экспертного метода // Надежность и качество сложных систем. 2013. №4. С.45-53.
9. Слонов Н.Н. Системный разум: Бейтсон и Ильенков // Философские науки. 2009. №5. С.104-119.
10. Трубицын Д.В. Философская рефлексия в социальном и социологическом познании: к методологии исследования модернизации // Философские науки. 2016. № 10. С.116-129.
11. Уёмов А.И. Системный подход и общая теория систем. М.: Мысль, 1978. 272 с.
12. Эпистемология в XXI веке: новые книги, справочные материалы, рецензии, обзоры (2000-2011). М.: ИФ РАН, 2012. 207 с.

Зимбули А.Е.

Типология учёных: этические ракурсы. Подступ к теме

*Российский государственный педагогический университет им. А.И.Герцена
(Россия, Москва)*

doi: 10.18411/lj-05-2021-287

Учёный – специалист в какой-нибудь области науки.

Толковый Словарь Русского Языка

Учёный должен быть рыцарем истины, а не сектантом, не гернгутером, не раскольником.

В.Г.Белинский

Часто некоторые люди становятся учёными, так же как другие – солдатами, только потому, что они больше ни к какому делу не пригодны.

Лихтенберг Г.К.

Мне не нужно учёных голов, мне нужно верноподданных.

Николай I

Аннотация

Науку, одну из важнейших сфер культуры, создают представители особой профессиональной общности, учёные. Это – специалисты, которые не просто получили систематизированные знания в определённой области, но и продолжают заниматься поиском, осмыслением, систематизацией объективных знаний о действительности в целях содействовать дальнейшему развитию этой действительности. Особый ракурс на то, какие в науке объективно складываются взаимоотношения, существует у этики. В её рамках удастся всмотреться в типологию учёных, исходя из структуры научной деятельности: *МОТИВ, ЦЕЛЬ, КОНТЕКСТ, ИНСТРУМЕНТ, СТАРАНИЯ, РЕЗУЛЬТАТ, ОТНОШЕНИЕ*. В статье предложен этический анализ разнообразия учёных на основе понимания указанных компонентов. Выводы из анализа таковы: перечисленные этически значимые компоненты научной деятельности дают возможность обозначить на каждом из указанных компонентов множественность типов людей, занимающихся наукой. Становится реальным получить целостную картину, и дать возможность учёным совмещать саморазвитие с совершенствованием всей мировой культуры.

Ключевые слова: наука, учёный, структура научной деятельности, этический анализ.

Abstract

Science, one of the most important spheres of culture, is created by representatives of a special professional community, scientists. These are specialists who not only received systematized knowledge in a certain area, but also continue to search, comprehend, systematize objective knowledge about reality in order to contribute to the further development of this reality. Ethics has a special perspective on what kind of relationships are objectively developing in science. Within its framework, it will be possible to peer at the typology of scientists, based on the structure of scientific activity: *MOTIVE, PURPOSE, CONTEXT, INSTRUMENT, STRENGTH, RESULT, ATTITUDE*. The article proposes an ethical analysis of the diversity of scientists based on the understanding of these components. The conclusions from the analysis are as follows: the listed ethically significant components of scientific activity make it possible to designate a plurality of types of people engaged in science on each of these components. The conclusions based on the analysis are as follows: the listed ethically significant components of scientific activity make it possible to designate a plurality of types of people engaged in science on each of these components. It becomes real to get a holistic picture, and to enable scientists to combine self-development with the improvement of the entire world culture.

Keywords: science, scientist, structure of scientific activity, ethical analysis.

Человека иной раз небезосновательно называют «зоос математикос» (животным-наукотворящим) [см., напр., 8, С. 171]. С другой стороны, разве не очевидно, что сам человек оказывается продуктом – не только стихийных природных обстоятельств, но также самых разных социокультурных процессов, в той или иной степени сознательно организуемых – в семье, в школе, на рынке, при просмотре телеканалов, в политической сфере, в мире искусства. То есть как ни посмотри, обязательно становится очевидной значимость того, что именуется наукой – «разумного и связного знания» [11, С. 488], а также, само собой, – тех, кто её создаёт, работников умственного труда. Естественный ход истории, неуклонное совершенствование разделения труда привели к выделению особой профессиональной общности, в русском языке именуемой «учёными». Учёные – это специалисты, которые не просто получили систематизированные знания в определённой области, но и продолжают в этой области добывать, «раскладывать по полочкам» новые знания. Можно сказать, что наука – это сфера жизни, в которой профессионалы заняты поиском, осмыслением, систематизацией объективных знаний о действительности в целях содействовать дальнейшему развитию этой действительности. Естественно при этом, что далеко не всегда подобное содействие нужно понимать буквально: врач призван прилагать силы к тому, чтобы не развивались бактерии, но укреплялось здоровье человека, юрист всматривается в логику злоумышленника – чтобы защищать от этой логики законопослушных граждан, филологи изучают языковые ошибки – чтобы помогать обычным людям приобщиться к богатствам-красоте устной и письменной речи.

Более того, даже эту культуротворческую миссию вовсе не факт, что дружно и безоговорочно принимают на себя все учёные. Альберт Эйнштейн в своей известной речи о храме науки подмечал, что если бы из этого храма удалили всех гордецов и узких прагматиков, он бы катастрофически опустел [30]. Ну – насчёт «катастрофичности» лично я утверждать ничего бы не стал, поскольку не имею соответствующей статистики. Однако и мой опыт общения в науке подарил мне изрядную коллекцию фактов самой разной непорядочности собратьев по научному цеху. Сошлюсь здесь только на один-единственный давний сюжет.

Собирал я тогда материал для кандидатской. Копировальная техника была в редкость, и читатели Российской национальной библиотеки привычно стояли в очереди к ксерокопировальному участку, чтобы разжиться копиями нужных страниц. Так вот, в тот конкретный раз я отстоял в очереди только для того, чтобы скопировать в двух экземплярах встреченный и совпавший четырёхстраничный текст двух разных авторов, изданный в двух разных городах. Скопировал – и послал по почте обоим авторам, пусть разбираются. Когда с грустью рассказал об этом инциденте старшему коллеге Валерию Сухову, он допустил, что эти два горе-автора могли «передрать» текст ещё у кого-то... Причём ведь ясно: плагиат – это только один из возможных исследовательских грехов; более полный их перечень, надеюсь, будет выработан и систематизирован совместными усилиями тех, кто заинтересован в судьбах настоящей науки. Подчеркну: настоящей. Которая должна быть строго отграничена от многочисленных подделок.

Про что только не пишутся книги и не произносятся доклады: алхимия, астрология, вампиризм, гадание, заклинания, колдовство, левитация, лозоискательство, магия, медитация, оккультизм, полтергейст, привороты, талисманы, телепортация, телепатия, толкование снов, уфология, хилерство, хиромантия, эзотерика, экстрасенсорика, ясновидение. Я никаких паранормальных явлений и сверхъестественных способностей не пропустил? Но перечислялись-то они лишь для того, чтобы чётко обозначить задачу нынешнего рассуждения – не гадание на кофейной гуще и не полемика с псевдонаукой. Пусть честно чокнутые общаются с шустрыми шарлатанами – кстати, для серьёзной науки их общение тоже будет предметом осмысления. Как предметом самого тщательного изучения должны выступать

невежество и мракобесие. Должны, конечно же, стать предметом осмысления науки и разновариантные псевдоучёные. Доводилось мне читать про то, что научную степень приобретают себе не очень чистые на руку англичане, россияне, украинцы. И сегодня можно в интернете увидеть открытые адреса подобных услуг. Диву даюсь, почему эти безобразия не пресекаются. Почему кто-то из сегодняшних митрофанушек именуется себя «профессором», кто-то – «деканом». Так или иначе, данные вопросы пускай решают праведы и патопсихологи. Мне же в предлагаемом рассуждении упор хотелось сделать не на юридических, не на коммерческих, а на этических ракурсах. Это – тоже довольно интересная тема. Она интересна даже без обращения к вопросам о том, кто насколько гениален / бездарен (или *бесцветен*, как иногда говорил мой университетский учитель, профессор В.Г.Иванов). Интересна она уже тем, что то и дело встречаются противоречивые высказывания о роли учёных в судьбах культуры, о взаимоотношениях науки и морали.

«Я не считаю, что наука может учить людей морали» (А.Эйнштейн) [31, С. 163].

«Наука не выигрывает от примеси этики» (Б.Рассел) [23, С. 67].

«Не наука лежит в основании этики, а этика – в основании науки» (академик А.Д.Александров) [2].

И.Г.Фихте – посвящает специальную лекцию теме «О назначении учёного», и приходит к выводу о том, что принадлежать учёному сословию – высокая честь, и это сословие должно помогать обществу себя совершенствовать [27, С. 41 – 52].

Можно было бы множить примеры. А ещё лучше – всё же для начала обратиться к истории. Например, заглянуть в Библию. В ней – на удивление – слово «учёный» вообще встречается лишь однажды (!): «И послал я <Артаксеркс> позвать Елиезера, Ариэла, Шемаию, и Элнафана, и Иарива, и Элнафана, и Нафана, и Захарию, и Мешуллама – главных, и Иоярива и Элнафана – ученых» [Езд. 8: 16]. Несколько десятков раз упоминаются в разных падежах слова «учитель», «учителя». Но согласимся: «учитель», даже в далёкие ветхозаветные времена, – это вовсе не то же, что «учёный». Это – отдельная тема. Сейчас говорим про учёных.

У Аристотеля, основателя философской науки этики, в основном этическом труде «Никомаховой этике» об учёном речь самым кратким образом заходит лишь в одном конкретном контексте, когда мыслитель говорит о возникновении дружбы для пользы: дескать, бедный тянется к богатому, неуч – к учёному [4, С. 232]. Будь у Аристотеля более дробные задачи в его тогдашних рассуждениях, он бы обязательно детализировал свои объяснения, и уточнил, какие ещё бывают взаимоотношения у неуча с учёным, у учёных и у людей влиятельных, а также среди самих учёных.

У Августина учёный представлен уже более жизненно и разносторонне. Учёному могут быть свойственны ревность и зависть [1, С. 62 – 63], есть учёные, имеющие громкую славу [там же, С. 116], а есть те, которые просто считаются учёными, и уже от этого раздуваются от гордости [там же, С. 120]. Главное же, из чего исходит Августин – то, что учёного делает блаженнее не наука, а познание Бога [там же, С. 126 – 127]. Кроме того, есть вопросы, которые даже учёным неподвластны. Например, природа времени [там же, С. 299 – 300].

Мишель Монтень дополняет наблюдения за людьми учёными, в частности, следующим образом. Упоминает Диодора Диалектика, который умер во время учёного спора, испытав «жгучий стыд перед своими учениками и окружающими, не сумев отразить выставленный против него аргумент». Причём характерно, что называет Монтень этот случай «примечательным свидетельством человеческой суетности» [18, Т. 1, С. 14]. И добавляет такое признание: «Что до меня, то я не слишком подвержен подобным неистовствам страсти. Меня не так-то легко увлечь – такова уж моя природа; к тому же, благодаря постоянному размышлению, я с каждым днём всё более черствеею и закаляюсь» [Там же]. Умел М.Монтень как бы вскользь, между делом, задеть то одну, то другую сюжетную линию, которая выводит на чрезвычайно щедрую смыслами

почву. Но поскольку сейчас рассуждение разворачивается не об идентификации нравственного субъекта, не о правоте и сопричастности, не будем в этот раз здесь задерживаться. «*Fortis imaginatio generat casum*» (Сильное воображение порождает событие) – говорят учёные», констатирует мыслитель [там же, С. 103]. Здесь, стало быть, авторитет предшественников вполне его устраивает, и отталкиваясь от этого признания, мыслитель разворачивает собственные размышления страниц на пятнадцать. Сообщает нам автор о таких людях, «учённость которых заключена в их роскошных библиотеках» [там же, С. 150]. В наши дни роль такой библиотеки всё чаще играют электронные ресурсы. Следующее наблюдение стоит того, чтобы лишь ради него открыть том «Опытов»: «И если можно быть учёным чужою учёностью, то мудрыми мы можем быть лишь собственной мудростью» [там же, С. 151]. На следующей странице упоминает автор таких учёных мужей, «кого наука как бы оглушила, стукнув по черепу» [там же, С. 152], по-русски их можно было бы назвать «заучками», «зубрилами». Очередное интересное наблюдение звучит так: «Встретив дурно обутого человека, мы говорим себе: неудивительно, если это сапожник. Равным образом, как указывает нам опыт, нередко бывает, что врач менее, чем всякий другой, печётся о врачевании своих недугов, теолог – о самоусовершенствовании, а учёный – о подлинных знаниях» [там же, С. 155]. А вот как злободневно выглядит ещё одно наблюдение: «Непонятное изложение, к которому прибегают ученые, это тот же прием, который применяют фокусники, чтобы скрыть ничтожество своего искусства, прием, на который легко попадает человеческая глупость» [18, Т.2, С. 191]. Пишет Монтень и о таком явлении, как «болезненная любознательность», подчёркивая, что предмет научного интереса не должен бы чересчур отрывать учёного от жизни, буквально поработая его. [там же, С. 195], а также о присущем некоторым учёным чванстве [там же, С. 366], о склонности произносить невпопад высокопарные речи, выставляя напоказ собственную образованность [18, Т.3, С. 43 – 44]. Автор прямо нам заявляет, что подобную учёность ненавидит «даже несколько больше, чем полное невежество» [там же, С. 170].

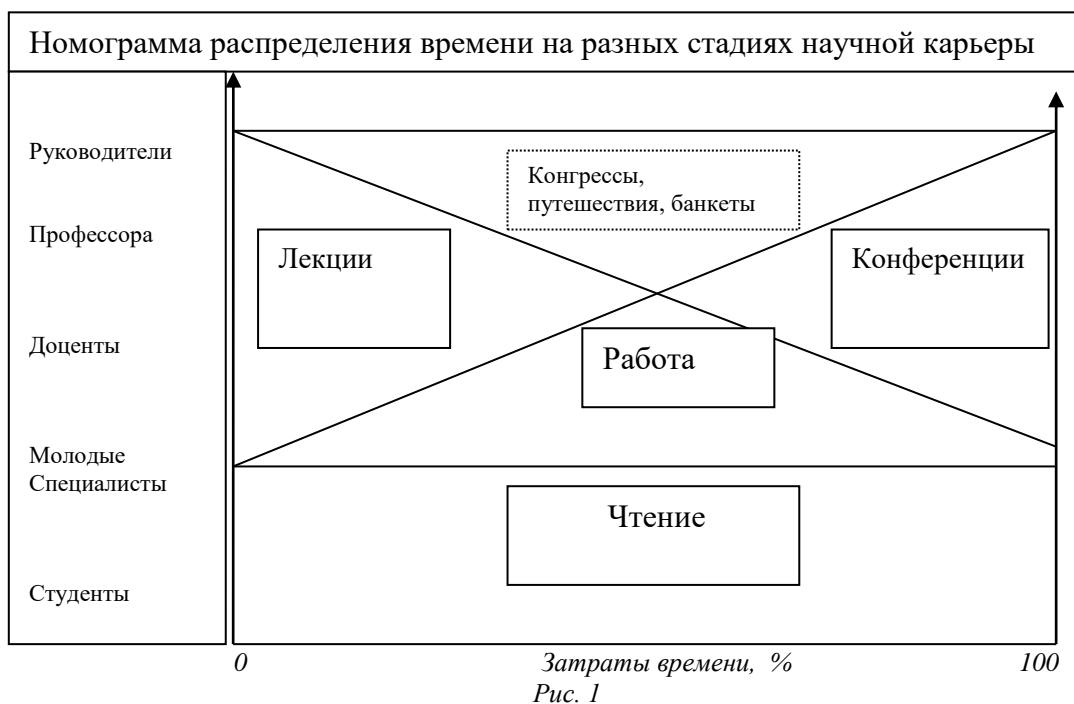
Ясно, что история любого вопроса важна, и изучать её можно бесконечно. Но опять напомню: задача данного текста – всмотреться в этические ракурсы темы. А это целесообразно делать, не уходя чересчур в исторические подробности, но фокусируя внимание на ключевых содержательных ракурсах. Ведь даже они – весьма динамичны. Второго дня хотел уточнить, какие существуют официально утверждённые философские специальности. Я когда-то получал образование и потом продолжал диссертационно работать по специальности «09.00.05 – Этика». В обнаруженном самом свежем списке не оказалось номеров 09.00.02 (научный коммунизм), 09.00.06 (научный атеизм), 09.00.09 (прикладная социология), 09.00.10 (философия политики), 09.00.12 (философия права). А ведь в соответствии с этими номерами, насколько можно догадываться, долгое время проводились исследования, защищались диссертации, устраивались конференции. Зато буквально на днях (6 апреля) обнародован Приказ Министерства науки и высшего образования Российской Федерации от 24.02.2021 № 118 «Об утверждении номенклатуры научных специальностей, по которым присуждаются учёные степени, и внесении изменения в Положение о совете по защите диссертаций на соискание учёной степени кандидата наук, на соискание учёной степени доктора наук, утверждённое приказом Министерства образования и науки Российской Федерации от 10 ноября 2017 г. № 1093» [22]. В этом Приказе нумерация специальностей, утверждённых к защите диссертаций, даётся без прорех. Но уже чуть по-другому принципу: 5.7.1 – онтология и теория познания, 5.7.2 – история философии, 5.7.3 – эстетика, 5.7.4 – этика, 5.7.5 – логика, 5.7.6 – философия науки и техники, 5.7.7 – социальная и политическая философия, 5.7.8 – философская антропология, философия культуры, 5.7.9 – философия религии и религиоведение [там же]. Можно только догадываться, какие ведутся споры, какие приискиваются аргументы – когда,

например, логика в списке выделяется в отдельную строчку, а философская антропология и философия культуры – объединяются под одним номером. Так или иначе, принципы систематизации наук и нумерации утверждённых специальностей – оставим специалистам управления наукой, образованием, народным хозяйством. Обратим, как уже заявлялось, внимание на этических аспектах научной жизни. Этических – значит речь пойдёт про то, как ведутся научные исследования, как учёные общаются между собой, как выстраиваются взаимоотношения науки и других сфер жизни, насколько всё это происходит честно / нечестно, гуманно / негуманно, тактично / бесцеремонно, справедливо / несправедливо, дружно / враждебно, свободно / принудительно, откровенно / скрытно, патриотично / изменнически, бескорыстно / продажно.

Насчёт бескорыстия / продажности – ещё один конкретный жизненный сюжет. Довелось мне несколько лет назад принять участие в работе международной конференции, которая проходила в Братиславе. Работа шла интересно, взаимопольно. Но один эпизод меня как-то особенно поразил. Подводятся итоги конференции. Слово получает директор Братиславского университета. И он, краснея, заикаясь от заискивания перед европейскими организаторами, выражает надежду, что сотрудничество продолжится. Смотреть на этого человека было жалко и стыдно. Но это – тоже наука. Ганс Селье написал замечательную книгу «От мечты – к открытию», в подробностях раскрывающую путь в большую и сложную науку честного искателя истины. Было бы логично, если бы была написана целая серия книг – показывающая варианты вхождения в мир науки не только человека честного, бескорыстного, упорного, но и самого разного рода проходимцев. Ищущих чего угодно: власти, известности, богатства. И попутно – то ли наносящих настоящей науке вред, то ли оказывающих ей объективное содействие. Вспоминается давным-давно смотренный фильм «Чудо в Ломбоше», венгерский. Главный герой картины – жулик, наподобие нашего Остапа Бендера. У него даже жизненный девиз был открыто захребетнический: «Жизнь подобна тройному сальто. Надо только, чтобы первые два за тебя сделал кто-то другой». Насколько помнится, по сюжету герой сумел реально организовать и санаторий, и выпуск целебной воды – помог тем самым двум заинтересованным группам местных жителей, до того проводившим время в бесконечных спорах. То есть – жулик сумел осуществить значимое общественно-полезное дело. Рассказывали, что при Сталине какой-то инициатор от науки сумел развернуть большую государственную программу по изучению долголетия. Но умер, сам едва-едва прожив 65 лет. Реакция Сталина, узнавшего о его смерти, выразилась в словах: «Всех надул!». Видимо, абсолютно обезопасить себя от разного рода авантюристов в науке – задача едва ли выполнимая. Но учитывать основные опасности, конечно же, нужно – и учёным, и хозяйственникам, и политикам, и работникам правоохранительных органов.

Очевидно, и наука бывает разная, и учёные должны быть разные. Объективные функции науки продиктованы её местом в общественном разделении труда. Это прежде всего *описание, объяснение, предсказание*, в самых разных сферах жизни: медицине, экономике, строительстве, сельском хозяйстве, в образовании, торговле, в ремёслах. И значит, везде при организации научного труда требуются организаторы, исполнители, систематизаторы, экспериментаторы, пропагандисты. Контролёры. «Ретрансляторы». Люди, способные дать требующийся по ситуации ответ, и плюс – «вопрошатели», умеющие задать смыслообогащающий вопрос. Причём беда подстерегает нас и в случае нехватки, и в случае перебора с каким бы то ни было конкретным типом учёных. Так, иногда бывает трудно отделаться от мнения, что сегодня у нас чересчур много организаторов, менеджеров, контролёров. Впрочем, много или мало – это вопрос не этики. Этика призвана всматриваться в то, какие объективно складываются внутри и вокруг науки взаимоотношения, плюс – пытаться распознать объективные социокультурные требования к нравственному облику конкретных типов учёных.

Очевидно, как существуют разновидности профессиональной этики для разных видов труда, так же должны существовать разновидности профессиональной этики для людей, занимающихся различными видами научной деятельности. Между нравственными требованиями к библиотекарю и футбольному вратарю, продавцу булочной – и стоматологу, работнику заправочной станции – и нянечке в детском саду различий не меньше, чем к обычному аспиранту – и члену диссертационного совета, рядовому докладчику на вузовской конференции – и члену Высшей аттестационной комиссии. Даже простенькая полушутливая иллюстрация из книги «Физики смеются» [26, С. 225] зримо подтвердит это:

Так что попробуем всмотреться в типологию учёных – не отталкиваясь от умножающихся профессиональных различий, а, напротив, опираясь на типовую структуру научной деятельности. Таковую структуру можно представить следующим образом:

МОТИВ, ЦЕЛЬ, КОНТЕКСТ, ИНСТРУМЕНТ, СТАРАНИЯ, РЕЗУЛЬТАТ, ОТНОШЕНИЕ.

Всмотримся хотя бы самым беглым образом в каждый из перечисленных компонентов.

МОТИВ – исходное внутреннее побуждение к действиям. Надо ли говорить, насколько разновариантны бывают внутренние переживания, побуждающие людей заниматься наукой: любознательность, надежда на успех, жажда славы, ориентация на уважение коллег. Кстати, об уважении. Уже упомянутый чуть выше Ганс Селье писал: «Ни один учёный, достойный этого звания, не измеряет свой успех количеством похваливших его людей» [24, С. 29]. Можно ли предположить, что с введением в обиход индекса Хирша из учёных хотят сделать людей, недостойных этого звания? Между прочим, можно по данному поводу вспомнить и очень древнее наблюдение Сенеки: «Одобрение толпы – доказательство полной несостоятельности» [3, С. 510]. И задаться вопросом: в чём состоит качественное отличие между просто толпой – и тем же индексом цитирования? Даже студенты-младшекурсники понимают глубинный смысл третьей заповеди Моисея, распространяющийся далеко за пределы мира иудеев и религиозности: «дорожи словами», «не упоминай попусту то, чем по-настоящему

дорожишь». Этому смыслу не очень-то отвечает легковесная мода на всякие рейтинги. А ещё применительно к данному компоненту не мешало бы задаться вопросом: чем мотивировали себя к занятиям наукой, скажем, Константин Эдуардович Циолковский, Сергей Павлович Королёв, Григорий Яковлевич Перельман? Правда, упомянув толпу – нужно бы ещё подумать, и сравнить зависимость от одобрения толпы с зависимостью от одобрения начальства. Или спонсора. Представляется, что с точки зрения этики при всей разновариантности мотивов предпочтительны *ИНТЕРЕС* к предмету, *ВЕРА* в собственное призвание, *УВАЖЕНИЕ* к окружающим. Тогда как в реальной жизни веер возможных типов, конечно же, широк, богат противоречиями: среди учёных, как и вообще среди людей, попадаются люди *бескорыстные* и *жадные*, *доброжелательные* и *завистливые*, *ответственные* и *безответственные*, *отзывчивые* и *злорадные*, *покладистые* и *придирчивые*, *оптимисты* и *пессимисты*, *гедонисты* и *аскеты*, *застенчивые* и *заносчивые*, *общительные* и *замкнутые*. Все эти и подобные им качества начинают проявляться уже на стадии Мотива.

ЦЕЛЬ – это мотив, прошедший стадию осмысления. Разумеется, для занятий наукой такой компонент, определяющий нравственно-ценностное содержание поведения, куда как значим и характерен. Хотя нужно сказать честно: даже для профессиональных учёных вовсе не факт, что вся исследовательская деятельность сплошь рассудочна. Да, человек – существо разумное. Но одно дело способность к осмыслению происходящего, к целенаправленной деятельности – и совсем другое дело сама эта целенаправленная деятельность. Могу признаться: выбор той или иной темы для очередной статьи лично у меня – происходит чаще всего совсем не планоно. Хотя лучше не буду о себе, а напомним о том, как решительный, судьбоносный поворот произошёл в жизни Альберта Швейцера. Молодой, энергичный, остепенённый человек долгое время пребывал в поисках, в настроениях самокритичных – а тут на глаза его попала газетная заметка, где сообщалось, что в Африке не хватает врачей. Что то роды принять некому, то первую простейшую помощь туземцы не в состоянии друг другу оказать. И эта конкретная случайно увиденная информация подтолкнула Швейцера к решению: нужно стать врачом, и отдавать многовековой долг европейцев африканцам. Так, казалось бы, совершенно непредвиденная ситуация – помогла молодому гуманитарии принять серьёзнейшее решение, и затем уже, когда он после получения медицинского образования уехал в Габон – цель его личного служения общечеловеческой культуре переплела в себе медицинскую, философскую, публицистическую стезю. Понятно, что вообще в науке цели бывают индивидуальными и групповыми, гуманными и разрушительными, явными и тайными, чисто научными, и иерархически в разной степени масштабными и позитивными. Одно дело – осуществить эксперимент или провести серию экспериментов, написать статью, диссертацию, монографию, разработать систему химических элементов, и совсем другое – опровергнуть рассуждения конкурента. Слышал, к сожалению, от честного и достойного человека, что высокопоставленная особа из Москвы ему открытым текстом заявила: «Пока я жива, диссертации Вам не защитить». Значит, и такие цели тоже нужно принимать во внимание. И то, что для кого-то научный интерес – это компас, а для другого – флюгер. Разве это секрет, что отсутствующие сегодня среди официально утверждённой номенклатуры специальности – «научный коммунизм», «научный атеизм» – когда-то были очень в ходу, и не исключаю, что остепенённые по этим ветвям знания люди и по сейчас очень неплохо устроены в жизни. Но не буду про сейчас живущих. Два слова посвящу противоречивой личности Андрея Дмитриевича Сахарова. Он масштабно действовал и тогда, когда создавал водородную бомбу, и тогда, когда позднее призывал кару на нашу страну от политических оппонентов. Обобщим: с точки зрения *ЦЕЛЕЙ* научных работников нужно различать на *альтруистов* и *эгоистов*, *дальновидных стратегов* и *живущих близкими ситуативными интересами, созидателей* и *разрушителей*.

КОНТЕКСТ – совокупность обстоятельств, в которых происходит научная деятельность – разумеется, характеризуется чрезвычайным разнообразием. Главное здесь видовое отличие – способствуют ли внешние обстоятельства успешной деятельности учёного, или препятствуют ей. Пользуется ли работник умственного труда уважением, доверием, оказывают ли ему окружающие содействие – или наоборот, он достаивается в лучшем случае непонимания и насмешек. Как то было, к примеру, с великим нашим соотечественником К.Э.Циолковским, в которого, юные земляки, бывало, даже бросали комьями грязи, как в какого-нибудь юродивого. Контекст, повторим, может благоприятствовать – или препятствовать науке. Причём не нужно слишком прямолинейно воспринимать эти благоприятствующие и препятствующие обстоятельства. Когда человеку делают прививку – ему вводят в организм дозированное вредное вещество, благодаря чему вырабатывается иммунитет, укрепляется здоровье. Жизненные испытания, когда они посильны, укрепляют волю, развивают разум, содействуют становлению характера, в частности, учёного. Тогда как далеко не всякое содействие нужно оценивать как безусловную пользу: бывают в жизни ситуации, когда человека ждут не испытания, а искушения – комфортом, богатством, славой, властью. Сообщают, что когда в СССР был издан указ, запрещавший принимать в определённые вузы «классово чуждые элементы», Иван Петрович Павлов демонстративно подал заявление об уходе со службы в Ленинградской Военно-Медицинской академии, заявив при этом: «Я сам – попович...» [29, С. 208]. Известно, и что Н.Винер отказался сотрудничать с военными, «заявил о своём нежелании публиковать какую бы то ни было работу, могущую быть использованной в милитаристских целях» [28]. Хотя, строгости ради, нужно было бы отметить, что в военных целях могут быть использованы теорема Пифагора, законы физики, таблица умножения, вообще весь накопленный кладёз научного знания... Так или иначе, в отношениях к *Контексту* учёные проявляют свою *выдержку, принципиальность, неподкупность*, или, напротив, *податливость* на лесть, *готовность отступить* от своих убеждений, *продаться* новому господину.

ИНСТРУМЕНТ – средство, избираемое учёным для реализации своих целей. В рамках же предлагаемого дискурса, предметом которого выступают этические аспекты научной деятельности, в число инструментов обязательно должны попасть не только наблюдение, сравнение, анализ, обобщение, эксперимент. Куда более значимы в этом смысле дискуссия, критика, ссылка на авторитет, использование административных рычагов, приёмы подковёрной борьбы, не говоря уже об упомянутом выше банальном плагиате, о фальсификациях, а также о замалчивании неугодных имён. Страшно и гадко читать о событиях середины XX века в нашей стране, когда наряду с раскулачиванием крестьянства много других дров было наворочено. Насколько можно догадываться, «стучали» на соседей в большинстве своём не замаскированные под советских граждан агенты Великобритании, Германии или Турции. А наши же граждане. Соловки, Беломорканал, дискуссии о генетике, о кибернетике, о педологии, взаимные обвинения в лженауке, дело врачей – это всё очень даже внутренняя наша история. В которой бы нужно как можно более трезво разобраться. Не для того, чтобы ошельмовать виноватых и их потомков, а чтобы минимизировать риски рецидива. Читаешь переписку Алексея Фёдоровича Лосева с женой Валентиной Михайловной (по надуманному обвинению он был приговорён к 10, а она – к 5 годам лишения свободы) – и удивляешься силе духа несправедливо репрессированных учёных. И, в частности, узнаёшь: выпущены труды Астрофизического Института, в которых принимала участие В.М., но имя её в издании не было указано [16, С. 445 – 446]. Не подлость ли?! Научная объективность, надо полагать, требует, чтобы применительно к каждому конкретному имени были охарактеризованы и плюсы, и минусы. Например, взять американского полярного исследователя Роберта Пири, которого долгие годы считали пионером-первооткрывателем, сумевшим при помощи собачьих упряжек дойти до

Северного полюса. Лишь много лет спустя выяснилось, что он не дошёл до полюса 160 км, и подделал записи в дневнике. Но ведь что-то он сделать сумел! Вот и нужно бы отметить положительное, обязательно упомянув также о факте недобросовестности. Как и в случае с Исааком Ньютоном, который получил письмо от чешского коллеги Яна Марци с описанием экспериментов: Ян Марци наблюдал за преломлением солнечных лучей в стеклянной призме, и поделился новостью с британцем. Ньютон коллеге не ответил, а спустя много лет, когда того уже не было на свете, обнародовал результаты своих (!) опытов с преломлением солнечных лучей в стеклянной призме. Скандальные истории типа достижений Пири и Ньютона подобраны в книге Бернатосьяна [6, С. 63 и др.]. Сильно надеюсь, что со временем как можно чётче будет кратко и ёмко изложена история научных открытий, полемики, с перечислением всего используемого учёными инструментария. На основании этой хронологии каждый герой и антигерой науки найдёт своё место. Главное же, что касается научного инструментария в плане этики, – в науке нужно действовать *по уму и по совести*. Реальные же типы тех, кто на большее или меньшее время находит себя в науке – понятное дело, действуют кто-то идеальным образом, кто-то только по уму, кто-то – попеременно то включая один ориентир, то другой.

СТАРАНИЯ. Где-то попадалось такое высказывание А.Эйнштейна: «Если бы я знал, что немцам не удастся создать (собрать?) атомную бомбу, я бы и пальцем не пошевелил». Очень правдоподобно! Ведь наши старания всегда оказываются следствием сложного переплетения того, что ждут, что советуют, что запрещают нам окружающие, плюс, разумеется, того, чего бы нам самим хотелось добиться, что бы хотелось предотвратить, вдобавок того, что подбрасывают нам случайные обстоятельства. Кроме того, в отличие от веса, роста, цвета глаз и количественных характеристик наших способностей бегать-прыгать-поднимать тяжести – как прикажете измерять *меру усердия* или *нерадивости*? Из рекламы слышал, что так называемый «умный браслет» фиксирует температуру, давление, пульс, число шагов, – но покуда я не встречал сообщений про подобный прибор, призванный определять, скажем, насколько старателен лектор: уважительно ли он относится к ректору, что он думает о студентах, насколько верит в то, о чём рассказывает, не сфокусированы ли все его мысли на как можно более скором перекуре. Неуклонно квантифицируемая наука даёт показатели «публикационной активности», «индекс цитируемости» – но насколько по ним можно судить о самоотдаче исследователя? Известно, что соученики-ровесники считали Фому Аквинского увальнем, называли Быком – за неторопливость и тугодумие. Но вот какой парадокс – современная машинная обработка теоретического наследия Фомы Аквинского показала, что его сочинения содержат 13 миллионов терминов [9, С. 133]. Ничего себе увальень! И где, скажите, сопоставительные характеристики успехов его более бойких ровесников? Кроме того, ни для кого не секрет, что культура – продукт коллективного творчества. Это справедливо и для материального производства, и для нововведений в технике, и для искусства, и конечно же, для науки. То есть – наши усилия складываются со стараниями наших ближайших коллег, оппонентов-конкурентов, наших предшественников. Факты подтверждают, что в библиографических описаниях всё чаще оказывается, что авторов у научной статьи не один-два, а многие десятки, сотни и даже более тысячи человек. Как прикажете оценивать усилия каждого из этого творческого коллектива? Всё, похоже, основывается на взаимном уважении и доверии, признании взаимной зависимости и пользы, на убеждённости в том, что вместе делается общее дело. А не на соображениях симпатии / антипатии. Но, рассуждая о старательности, преданности значимому делу, приходится отдавать себе отчёт и в том, насколько самая искренняя самоотдача тонкий вопрос: когда Бертрана Рассела спросили, готов ли он умереть за свои убеждения. Подумав, тот «ответил: - Разумеется нет! Ведь, в конце концов, я могу ошибиться!» [13, С. 251-252]. В любом случае по данному параметру важно учитывать то, насколько

люди, занимающиеся наукой, *честны* прежде всего перед самими собой, и *принципиальны*.

РЕЗУЛЬТАТ в науке – очень интересная материя. Это и в том числе каждый с умом подобранный инструмент, каждое не на пустом месте сделанное обобщение-признание или опровержение. Это и приращение знания, и накопленный опыт, и полученное образование, защищённая научная степень, произнесённый доклад, опубликованная статья, написанная рецензия. Это прошедшая конференция, и внедрённый в массовое производство опытный образец, это успешно взлетевшая ракета, или, наоборот, авария во время испытаний. Ведь результаты бывают положительные и неудачные – главное для науки, чтобы все они были всесторонне и объективно осмыслены. Именно объективное осмысление позволяет понять, как это могло произойти, что (физики так говорят) ни одной монографии и даже статьи самолично не написав, Лев Давидович Ландау завоевал заслуженную славу выдающегося учёного – воспитал десятки видных физиков-теоретиков, удостоился звания академика и Нобелевского лауреата. Не буду спорить с уже упоминавшейся практикой индекса цитирования, с активностью в области разнообразных грантов. Лично для меня понятно, что с подлинной наукой гранты имеют мало пересечений. Пифагор и Спиноза грантов не получали. Насколько понимаю, можно верить Диогену Лаэртскому: Пифагор, напротив, даже щедрое угощение выставлял многочисленным соседям – по поводу счастливо созданной теоремы [12, С. 335], (Это я, избави Бог, не для того, чтобы руководители науки ввели правило для заслуженных учёных – щедро выставляться. Множество вводимых «по науке» правил для управления наукой – носит, простите, чрезвычайно неубедительный характер. Но это – отдельная тема). Едва ли не самый прискорбный нынче факт – то, что при не слишком-то доказательно прописанных показателях результативности научной деятельности науку не удаётся обезопасить от многочисленных плагиаторов и от купивших научную степень. В этом тоже проявляется результат науки. Её незащитность. «Истину нельзя ниоткуда получить, её можно лишь создать» – справедливо утверждал М.К.Мамардашвили [17, С. 159]. Я бы осмелился добавить: её можно взрастить *совместно с природой*, осмысленно включаясь в реально происходящие мировые процессы. Впрочем, как и в других компонентах, нужно считаться с фактами – и понимать: для кого-то научный результат – именно купленная научная степень. Или завоёванная в нещадной борьбе должность проректора по науке. И в этой связи хотелось бы вспомнить интереснейшую затею Иоанна Дамаскина, который собирал воедино «пустословия богоненавистных ересей для того, чтобы, зная ложь, мы тем более держались истины» [7]. Объективная же оценка каждого конкретного вида научного труда, можно полагать, всего точнее определяется уже ретроспективно, с поправкой на все индивидуалистические вихляния-злонамеренности и групповые искания-заблуждения, на политические и коммерческие перехлёсты. С развитием техники всё больше надежды возникает на то, что удастся всё же создать *универсальный информационный фонд*, в котором будет с табличной наглядностью ясно показано – кто из учёных какие идеи насколько убедительно выдвигал и успешно отстаивал. И в какой степени удалось каждую находку-изобретение ввести в общечеловеческий обиход. Не исключено, что в дополнение к этой сводной гипертаблице будет открываться любознательным пользователям интернета таблица, условно говоря, «геростратов от науки» – *свод вредных идей и зловредных субъектов*, в борьбе с которыми развивалась и крепла подлинная наука.

ОТНОШЕНИЕ. Рассуждения по этому поводу начать хотелось бы с одного частного наблюдения. В 1993 году в Москве проходил Всемирный философский конгресс. Мне посчастливилось туда попасть. Моя секция была «№ 5, Этика», но я старательно набирался и сопутствующих впечатлений. Среди членов оргкомитета конгресса выделялся гость из Мексики, профессор Басава. Раз за разом встречая его в разных помещениях, я вспоминал один из диалогов Платона, где сообщалось, как

величественно ступал когда-то среди своих учеников Протагор, и как чинно расступались, если он поворачивал, его слушатели, не решаясь оказаться впереди него [21, С. 424 – 425]. Высокий, с массивным носом, мексиканский профессор энергично и самоуверенно ходил на разные секции, и за ним неизменно следовала свита их четырёх-пяти сопровождающих женщин. Они постоянно заглядывали в его глаза. Увы, я не знаю мексиканского языка, не читал трудов этого профессора. Не знаю поэтому, за какие персональные заслуги его ввели в оргкомитет конгресса. Но выслушав его научный доклад, я был разочарован и огорчён. Судя по всему, не один я был разочарован. Потому как в оргкомитет подготовки к следующему конгрессу профессор Басава не попал. А вспомнил я про этого человека – дай Бог ему научных достижений и заслуженного уважения – только потому, что между результатами усилий и самооценкой далеко не всегда бывает выверенная адекватная связь. Чтобы не ограничиваться североамериканским примером, рядом с ним упомяну ещё один случай. На добротной школьной конференции среди прочих докладчиков в актовом зале выступал недавно защитившийся кандидат наук. Я сидел среди рядовых слушателей, и не особо смотрел по сторонам. Но когда выступавший высокопарно произнёс: «У нас, у философов принято...», я не знал, куда провалиться. Насколько догадываюсь, писателями, философами, а даже и учителями называют не сами себя какие бы то ни было люди – а их окружающие: ученики, читатели, почитатели, потомки. Очень метко высказался некогда Грасиан: «Иные могли бы стать учёными, кабы не думали, что ими уже стали» [10, С. 40]. И ещё одно замечательное суждение по близкому поводу высказал Паскаль: «Люди делятся на праведников, которые считают себя грешниками, и грешников, которые считают себя праведниками» [20, С. 374]. В целом же, понятно, если вести речь не об отдельных примерах и не о мудрых наблюдениях, то по параметру отношения учёного к своей деятельности обнаруживается широчайшая палитра вариантов, в которых сплетается одобрительное / критичное отношение не только к мотивам, к инструментам, к предмету труда, к своим стараниям – но также и позитивное или негативное отношение к тому, в какую сторону настоящая ситуация станет развиваться и какова в этом развитии предстоящая роль самого учёного, роль его ближних и дальних коллег. Иоганн Кеплер в один из моментов своей научной карьеры заявлял: «... Жребий брошен. Я написал книгу либо для современников, либо для потомков; для кого именно – мне безразлично. Пусть книга ждёт сотни лет своего читателя: ждал же сам Бог 6000 лет, пока появился свидетель» [19]. Да будет позволительно провести параллель с оркестром. Отдельно взятый трубач может с уважением относиться к дирижёру, терпимо – к валторнисту, высокомерно к барабанщику и снисходительно к тромбонисту. Музыкант может любить своё дело, но на дух не переносить какое-то отдельно взятое музыкальное произведение. Было бы наивно полагать, что в научной жизни всё проще. Нет, не проще. И в любимом деле есть не очень нравящиеся составляющие, и среди начальства-соседей-коллег обязательно отыщутся люди, к которым отношение никак не будет одинаковым. Да и эти окружающие между собой не всегда умеют и хотят ладить. То есть, на одной и той же итоговой фазе *Отношения* один и тот же человек, свободно и сознательно выбравший себе науку как профессию, может в многомерной нравственно-ценностной матрице одновременно занимать позиции уважительности и уныния, гордости и обиды, благодарности и вины, доверия и надежды и так далее. Очевидно, что в этой многомерности предпочтительны векторы *самокритичности, благоволения, ответственности*. Тогда как по факту – могут наблюдаться и непомерная (индивидуальная и групповая) заносчивость, и (индивидуальное и групповое) самоуничижение, маниакальные симптомы и ситуативный пофигизм, и мстительность, и попустительское равнодушие.

Попробуем подвести *КРАТКИЕ ИТОГИ*. Научная деятельность сама по себе многолика, и требует очень разных способностей, качеств: *внимания, вдумчивости, старательности, цепкой памяти, умения предвидеть будущее, ответственности*. Но

скажите, в какой сфере жизни эти качества не нужны? Самый обычный родитель без них не состоится. Да и ребёнку, когда он входит в мир – тоже сугубо важны перечисленные качества. Всё дело в том, что наука как специфическая сфера культуры сама по себе и требует указанных качеств, и способствует их совершенствованию. Что подтверждается реальными достижениями многочисленных настоящих наук. Перечисленные этически значимые компоненты научной деятельности – *МОТИВ, ЦЕЛЬ, КОНТЕКСТ, ИНСТРУМЕНТ, СТАРАНИЯ, РЕЗУЛЬТАТ, ОТНОШЕНИЕ* – дали возможность обозначить на каждом из указанных компонентов множественность типов людей, занимающихся наукой. В конце концов не так важно, как конкретно они будут называться, насколько дробно будет происходить шкалирование по степени трудолюбия / лености, честности / лукавства, принципиальности / беспринципности / придирчивости, самостоятельности / зависимости, дальновидности / недальновидности, бескорыстия / прагматизма, стойкости / непостоянства, общительности / замкнутости, самокритичности / заносчивости / самоуничижения, ответственности / безответственности. Самое важное – получить целостную картину, и дать возможность самим людям в этой картине найти-понять себя, чтобы и каждому в отдельности, и всем вместе удавалось заниматься наукой всё более по уму и по совести, совмещая саморазвитие и совершенствование всей мировой культуры.

1. Августин. Исповедь. – М.: Ренессанс, 1991. – 488 с.
2. Александров А.Д. Нет ничего прекраснее истины // Знание – сила. 1984, № 7. – С. 27 – 29.
3. Антология мировой философии, Т. 1. Часть 1. – М.: Мысль, 1969. – 576с.
4. Аристотель. Никомахова этика // Аристотель. Сочинения в четырех томах. Т.4. – М.: Мысль, 1983. – С. 53 – 293.
5. Белинский В.Г. Славянский сборник. Н.В.Савельева-Ростиславича. Санкт-Петербург. 1845 // http://az.lib.ru/b/belinskij_w_g/text_3280.shtml – обращение 24.4.21
6. Бернатосян С.Г. Воровство и обман в науке. – СПб.: Эрудит, 1998. – 383с.
7. Бронзов А.А. Святой Иоанн Дамаскин // https://azbyka.ru/otechnik/Aleksandr_Bronzov/svjatoj-ioann-damaskin/ – обращение 29.4.21
8. Булгаков С.Н. Философия хозяйства. Часть первая. Мир как хозяйство. – М.: Путь, 1912. – 322с.
9. Волков А.А., Хабаров И.А. Шестая мировая загадка. – М.: Сов. Россия, 1984. – 208с.
10. Грасиан Бальтасар. Карманный оракул. Критикон. – М.: Наука, 1981. – 631с.
11. Даль В.И. Толковый словарь живого великорусского языка. В 4-х томах. Т.2. – М.: Гос. издательство иностранных и национальных словарей, 1956. – 779с.
12. Диоген Лаэртский. О жизни, учениях и изречениях знаменитых философов. – М.: Мысль, 1979. – 620с.
13. Знаменитые шутят: Анекдоты, весёлые были. – М.: Республика, 1994. – 415 с.
14. Культура России в первой половине XIX века // www.rsu.edu.ru/wp-content/uploads/e-learning/History_of_Art/EPOCHS/Ep14.html – обращение 27.4.21
15. Лихтенберг Г.К. Афоризмы. – М.: «Ладомир», «Наука», 1994. – 344с.
16. Лосев А.Ф. Жизнь. Повести. Рассказы. Письма. – СПб.: АО «Комплект», 1993. – 535с.
17. Мамардашвили М.К. Как я понимаю философию. – М.: Прогресс, Культура, 1992. – 415с.
18. Монтень М. Опыты: В трёх книгах. – М.: Голос, 1992.
19. Музыка небесных сфер // www.mathscinet.ru/ebook/balonin/kepler/ – обращение 26.4.21
20. Паскаль Б. Мысли. – Москва: «REFL- book», 1994. – 523с.
21. Платон. Собрание сочинений в 4 т.: Т. 1. – М.: Мысль, 1990. – 862с.
22. Приказ Министерства науки и высшего образования Российской Федерации от 24.02.2021 № 118 // publication.pravo.gov.ru/Document/View/0001202104060043?index=24&rangeSize=1 – обращение 26.4.21
23. Рассел Б. Человеческое познание, его сфера и границы. – М.: Изд-во иностранной литературы, 1957. – 555с.
24. Селье Г. От мечты к открытию. – М.: Прогресс, 1987. – 368с.
25. Толковый Словарь Русского Языка // www.vedu.ru/expdic/37146/ – обращение 26.4.21
26. Физики смеются. Но смеются не только физики. – М.: Совпадение, 2006. – 319с.
27. Фихте И.Г. Сочинения в двух томах: Т. 2. – СПб.: Наука, 1993. – 798с.
28. Ценностные аспекты науки и проблемы экологии. – М.: Наука, 1981. – 278с.
29. Штурман, Дора. Мёртвые хватают живых. Читая Ленина, Бухарина и Троцкого. – L., Overseas publication interchange Ltb, 1982. – 560с.
30. Эйнштейн А. Мотивы научного исследования // www.orator.education/779-2/ – обращение 27.4.21
31. Эйнштейн А. Собрание научных трудов. Т. 4. – М.: Наука, 1967. – 600с.

Музыка О.А., Попов В.В.

Теории инклюзии: феноменологический и социально-конструктивный аспекты

ФГБОУ ВО «Ростовский государственный экономический университет (РИНХ)» -
Таганрогский институт им. А. П. Чехова (филиал)
(Россия, Таганрог)

doi: 10.18411/lj-05-2021-288

Аннотация

В статье отмечается, что активное становление содержательных и проектно-практических аспектов концепции инклюзии реально опережает развитие теоретико-методологических оснований, конструирование методологии инклюзивного образования. Показывается, что значимость работы в сфере инклюзии связана с применением конструктивно-феноменологического подхода с использованием концептов темпоральности и intersubjectivity к полисубъективному ценностно-рациональному взаимодействию субъектов с особыми потребностями в данном обществе. Поднимаются малоисследованные вопросы, касающиеся того, что индивид с особыми потребностями представлен межсубъективными взаимодействиями с другими индивидами во включающем обществе.

Ключевые слова: включающее общество, особые потребности, теория инклюзии, intersubjectivity, социально-прагматичная деятельность.

Abstract

The article notes that the active development of the content and design-practical aspects of the concept of inclusion is actually ahead of the development of theoretical and methodological foundations, the construction of the methodology of inclusive education. It is shown that the significance of work in the field of inclusion is associated with the application of a constructive-phenomenological approach using the concepts of temporality and intersubjectivity to the polysubjective value - rational interaction of subjects with special needs in a given society. Little-studied questions are raised regarding the fact that an individual with special needs is represented by intersubjective interactions with other individuals in an inclusive society.

Key words: inclusive society, special needs, inclusion theory, intersubjectivity, socio-pragmatic activity.

Современный этап трансформирующегося социума в России инициирует модернизацию и пересмотр стратегии государственной политики, касающейся эффективного представления системы и уровней образования. Одним из приоритетов является внедрение и осуществление концепции инклюзивного образования, в рамках которого происходит социализация индивидов с особыми потребностями, ограниченными образовательными возможностями и т.п. (ОП и ОВЗ).

Между тем, активное становление содержательных и проектно-практических аспектов концепции инклюзии реально опережает развитие теоретико-методологических оснований, конструирование методологии инклюзивного образования. Значимым является поиск категориального и концептуально-семантического аппарата современных философских направлений, способного стать корректной и адекватной основой для концепции инклюзии. Идеология инклюзии постулирует функционирование включающего общества, для которого характерна специфическая многоуровневая коммуникация субъектов с особыми потребностями (субъекты с ОП), а также многоплановое взаимодействие, отличающееся прохождением субъекта через три этапа социализации: от субъектной отчужденности к признанию уникальности (интеллектуальной, психологической, и т.п.)

индивидуального бытия и далее - к постулированию ценностей индивидуальной жизнедеятельности и самооценностей.

С позиции современной философии рассмотрим характерные особенности включающего общества, причем актуальность работы связана с применением конструктивно-феноменологического подхода с использованием концептов темпоральности и интересубъективности к полисубъективному ценностно-рациональному взаимодействию субъектов с ОП в данном обществе. Поэтому целью работы является демонстрация теоретико-выразительных возможностей феноменологического подхода при конструировании и интерпретации включающего общества. Это малоразработанная проблема, имеющая большую значимость для обогащения понятийного аппарата теории инклюзии.

Прагматичная деятельность, с позиции включения в её основы социально-рациональной деятельности, непосредственно касается той информации, которая будет коррелировать с мировоззренческими установкам индивида с ограниченными потребностями, с его образовательными возможностями, имеющимися мотивациями и установками, а также определенным внутренним миром, сущность которого будет составлять тот внутренний сознательный опыт индивида с ОП, который он приобрёл в рамках не только собственной информационной деятельности, но и в жизнедеятельности включающего общества.

Следует учитывать комплекс отношений в рамках интересубъективности между индивидами с ОП, так как интересубъективность подразумевает ряд ограничений, связанных с использованием тех или иных целевых и целерациональных методов влияния на содержательные и концептуальные моменты прагматичной деятельности. В этой связи, видимо, стоит особое внимание обратить на то, что в рамках интересубъективности следует достаточно жестко выделить те связи и зависимости, которые имеются относительно различных индивидов с ОП, так как это весьма важно с точки зрения оценки и интерпретации прагматичной деятельности той или иной социальной группы.

Хотя имеются весьма противоречивые ситуации внутри различных социальных групп включающего общества, эти ситуации можно считать вполне нормальными, так как с позиции социального развития подразумеваем некоторую динамическую ситуацию относительно социальной действительности, которая реальна, так как в некоторых опорных моментах в рамках интересубъективности происходит столкновение между социальными программами индивидами с ОП относительно тех или иных реализуемых проектов или локальных социальных программ, что предполагает некоторую степень их объективности и ту прагматичность, которая будет характеризовать не только подобную социальную деятельность в целом, но и действия каждого конкретного индивида с ОП по осуществлению подобных проектов программы. Имеющаяся рассогласованность, либо отсутствие связей и взаимодействий в рамках интересубъективности при постулировании какого-то конкретного решения относительно социального проекта, реально подразумевает ряд ограничений относительно ценностно-целевой и социально-прагматичной рациональности.

Прагматичность и продуктивность социально-прагматичной деятельности предполагают эффективность реализации конкретного социального проекта и в данном случае индивид с ОП представлен межсубъективными взаимодействиями с другими индивидами во включающем обществе. Поэтому при таком понимании ограничения на социальную деятельность будут касаться непосредственно тех издержек, которые имеем от представления интересубъективности в рамках социально-рациональной деятельности. При этом весьма важными становятся такие моменты, как условия реализации индивидом с ОП того или иного локального или более общего социального проекта.

Эффективность реализации таких проектов будет зависеть не только от того, насколько эффективна и целесообразна рациональная деятельность индивидов с ОП, но и того, как объективно складываются условия и каковы реальные основы, которые возможно будут обеспечивать наилучший результат в отношении подобной деятельности и, соответственно, подобный результат будет характеризовать прагматичность и эффективность целерациональной деятельности. При этом важно, насколько индивид с ограниченными потребностями способен изначально свои собственные внутренние установки, свои способности, тот инструментарий, который он использует в рамках прагматичной деятельности, сочетать с теми социальными программами, которые существуют вне рамок его непосредственной социальной деятельности.

В данном случае, индивид с ОП должен определённым образом корректировать специфику своей прагматичной деятельности, и более того, иногда искать альтернативы, вариации, сценарии того, как собственный исследовательский проект сочетать с имеющимися иными проектами в рамках intersubъективной деятельности, так как иногда это означает вполне рациональное решение по достижению эффективности реализации или осуществления того или иного проекта или социальные программы внутри включающего общества.

Среди современных зарубежных авторов выделим работы А. Хикки-Муди по различным теоретическим и практическим проблемам инклюзии. А. Хикки-Муди рассматривает теорию инклюзии как зависимую от эгалитаризма, концепция которого основывается на идее равенства, понимаемого как наличие одинаковых исходных возможностей для различных индивидов. Для нормального функционирования включающего общества необходимо, чтобы в нем в рамках социального взаимодействия включались нормы бинарной оппозиции в оценке жизнедеятельности людей, то есть следует отказаться от использования понятий «неспособный» - «способный», «инвалид»- «обычный человек». Нормы бинарной оппозиции искажают проект формирования включающего общества и деформируют сущностные основы человеческого бытия.

Для обоснования структуры включающего общества А. Хикки-Муди применяет социально-структурный подход к социальному взаимодействию, что дает возможность выйти на проблему проектирования социальных ограничений для людей с ограниченными потребностями. Автор комплексно решает локальные вопросы инклюзивной практики, делает интересные выводы относительно функционирования социальных групп индивидов с ОП. Но при этом, идеология включающего общества, мировоззренчески-содержательные и ценностно-целевые аспекты требуют дальнейшего развития. С другой стороны, исходным моментом конструктивистских интенций А.Хикки-Муди является утверждение существования некоторых культурных различий внутри социальной группы индивидов с ОП. А. Хикки-Муди активно участвует в дискуссии относительно соотносительности интегративного подхода, предполагающего своеобразную нормализацию условий непрерывного обучения и конструктивистского подхода, ориентированного на особенности восприятия в социальной группе лиц с инвалидностью. Отметим, что конструктивистская позиция заключается в широком обсуждении места инвалидов в социальной группе и рассмотрении социальных ограничений для индивидов с ОП и ОВЗ.

1. Музыка О.А., Попов В.В. Теория инклюзии: социально-философские основания. Москва-Берлин, 2021. 140 с.
2. Музыка О.А. Человек и общество в период кризиса (синергетический подход). Власть. 2009. № 10. С. 79-82.

3. Музыка О.А. Линейная (классическая) и нелинейная (постнеклассическая) концепции социально-исторического процесса: сравнительный анализ. Фундаментальные исследования. 2012. № 11-1. С. 192-196.
4. Попов В.В., Солодухин О.А. К логической проблеме изменений во времени// Философские науки. 1991. № 5. С. 174.
5. Попов В.В. Современное предпринимательство: социально-экономическое измерение. Емельянов С.Г., Голик Н.И., Новикова И.В., Чиркова М.Б., Федосов П.Е., Золоторев В.Н., Попов В.В., Овчинникова Т.И., Клойзнер В.Д., Девяткин Г.Т., Вавулин Д.А., Тимошенко О.А., Варламова Т.П., Лахнова Т.В., Могилевская Г.И., Лаврентьева И.В., Великая Е.Г., Литвинова А.В., Семенов В.А., Исупова О.А. и др. Воронеж, 2003. Книга 3.

Токарев Д.А.

**Гедонистический подход в рассмотрении страдания английскими философами
Нового времени**

*Омский институт водного транспорта – филиал ФГБОУ ВО «СГУВТ»
(Россия, Омск)*

doi: 10.18411/lj-05-2021-289

Аннотация

В статье рассматривается гедонистический вариант атрибутивной модели страдания на основе философских взглядов Джона Локка, Дэвида Юма и Иеремии Бентама. Проанализированы различные источники XVII – XVIII веков, литература об английских философам Нового времени, в которых, так или иначе, затрагивается проблема страдания и гедонистический вариант его преодоления. Подчеркивается тесная связь страдания и удовольствия с рефлексией человека. Страдание определяется в рациональном контексте, но с этическим следованием от религиозного мироощущения к новым тенденциям светского характера.

Ключевые слова: страдание, гедонизм, атрибут, Локк, Юм, Бентам, рефлексия, рациональный и этический подход.

Abstract

The article considers a hedonistic version of the attributive model of suffering based on the philosophical views of John Locke, David Hume, and Jeremiah Bentham. The article analyzes various sources of the XVII – XIX centuries, the literature about the English philosophers of the New Time, which, in one way or another, touches on the problem of suffering and the hedonistic version of its overcoming. The close connection of pain and pleasure with human reflection is emphasized. Suffering is defined in a rational context, but with an ethical following from a religious worldview to new trends of a secular nature.

Keywords: suffering, hedonism, attribute, Locke, Hume, Bentham, reflection, rational and ethical approach.

Новая эпоха, связанная, прежде всего, с бурным развитием наук, образования, культуры, а также с началом индустриализации всех сторон жизни европейцев и жителей Нового света, принесла и новый подход к рассмотрению страдания и его проявлений в нравственных и религиозных представлениях многих философов в различных странах. Были предприняты попытки еще большего рационального объяснения страдания. В целом приоритетность гедонистического подхода сохранилась и в работах авторов новой эпохи. Меняются аргументы, некоторые установки, но суть подхода к причинам, проявлениям и преодолению страдания остается. Удовольствие и страдание по-прежнему рассматриваются в комплексе. Интересна позиция на страдание, его проявления и возможности преодоления английских философов XVII – XIX веков Джона Локка, Дэвида Юма, Иеремии Бентама. Период Нового времени усиливает рационалистические принципы философского анализа, но при этом в нём

много этических рассуждений, связанных и с религиозными представлениями и со светскими нововведениями. Гедонизм Нового времени имеет более диалектическую линию и позволяет определить страдание как основу жизни человека, а удовольствие как следствие влиятельности страдания, как возможность некоторого отдыха от страдания.

Локк и Юм сравнивали удовольствие и страдание с добром и злом или же с тем, что их вызывает. Добром мы называем то, что способно вызвать или увеличить наше удовольствие либо уменьшить наше страдание или же обеспечить либо сохранность нам обладание каким-нибудь другим благом или же отсутствием какого-нибудь зла. Злом мы называем то, что способно причинить нам или увеличить какое-нибудь страдание, либо уменьшить какое-нибудь удовольствие, или же доставить нам какое-нибудь неудовольствие, либо лишить нас какого-нибудь блага.

Мысль о страдании, которое может причинить нам присутствие или отсутствие какой-нибудь вещи, мы называем ненавистью. Наши любовь и ненависть к неодушевленным, бесчувственным предметам основываются обыкновенно на том удовольствии и страдании, которое мы получаем от пользования ими и применения их каким-нибудь образом к нашим чувствам. Ненависть и любовь к существам, способным испытывать счастье и несчастье, нередко есть неудовольствие или наслаждение, возникающее в нас самих при рассмотрении их жизни и счастья. Нужно отметить, что идеи любви и ненависти есть только состояния души по отношению к удовольствию и страданию вообще, независимо от того, чем они были вызваны в нас.

Какое бы благо ни предлагалось, если его отсутствие не вызывает неприятности и страдания, если человек чувствует себя без него спокойным и довольным, то нет никакого желания блага, никакого стремления приобрести его, нет ничего, кроме простого слабого желания.

Локк, рассуждая о страдании, определяет его в связке с удовольствием. Фактически философ выводит страдание и удовольствие в рефлексивное поле, показывая, что эти два проявления жизни человека тесно связаны с любым приятным и неприятным ощущением. Человеческие страсти свидетельствуют, что если ослабевает страданием, то начинает действовать удовольствие, а при уменьшении удовольствий начинает свое давление страдание. Все эти страсти присущи каждому человеку, ведь мы испытываем любовь, радость и надежду в течение жизни и думаем об удовольствии, а когда проявляется ненависть, страх и горе, то определяем это как страдание. Многие вещи, напрямую не связанные со страданием или удовольствием, но попавшие человеку в момент страстей, становятся связанными с удовольствием или страданием. Наша ненависть или наша любовь будет направлена и на этот объект. Но вот интересно, что объект, приносящий радость будет менее сильно ассоциироваться с удовольствием, чем объект, принесший несчастье будет привязан к страданию. И самое главное, этот объект будет постоянно нести страдание, эта привязка неизменна после первого проявления страдания. Локк подчеркивает, что всякое отсутствующее благо не причиняет страдания, равного своей действительной или признанной величине, в то время как всякое страдание возбуждает равное себе желание, ибо отсутствие блага не всегда есть страдание, каким бывает всегда наличие страдания.

Локк четко обозначает страдание как яркое проявление человеческих страстей и как противоположность по отношению к удовольствию. Философ не выходит за рамки гедонизма, но он усиливает фактор страдания в сравнении с удовольствием, объясняя это, прежде всего более сильным впечатлением горя и несчастья на человека. Страдание сильнее, т.к. мы боимся его. Эта мысль Локка уже постепенно ставит новые акценты в рамках этого варианта атрибутивной модели, появляется возможность рассматривать страдание как экзистенциальное переживание. И все же это только намеченные будущими концепциями.

Все впечатления, с точки зрения Дэвида Юм, как внешние, так и внутренние, - страсти, аффекты, ощущения, страдания и наслаждения – первоначально находятся на одном уровне и что, какие бы различия мы ни замечали между ними, все они по своему истинному характеру являются нам в качестве впечатлений, или восприятий. Наши страдания и наслаждения, наши страсти и аффекты, которым мы никогда не приписываем существования вне нашего восприятия, проявляются в нас с большей силой, чем впечатления фигуры и протяжения, цвета и звука, и оказываются столь же непроизвольными, как эти впечатления, которым мы приписываем постоянное бытие.

Забота о собственных интересах заставляет нас ощущать страдание при виде радости соперника и радость – при виде его страдания. Ненависть и любовь порождение страдательного принципа. Благожелательность есть первичное удовольствие, вызываемое тем удовольствием, которое испытывает любимый человек, и страдание, вызываемое его страданием; это соответствие впечатлений вызывает далее желание, чтобы этот человек испытывал удовольствие, и нежелание, чтобы он страдал. Ненависть же или презрение вызывается слабой степенью страдания или страданием, которому мы слабо сочувствуем.

Если нам предстоит получить от какого-нибудь объекта страдание или удовольствие, то мы чувствуем соответствующую эмоцию – отвращение или склонность – и стремимся либо избежать, либо достигнуть того, что может доставить нам это неудовольствие или удовольствие. Склонность или отвращение к какому-нибудь объекту вызываются перспективой связанного с ним страдания или удовольствия, и эмоции эти распространяются на причины и действия данного объекта по мере того, как разум и опыт указывают нам последствие.

Во внутреннем мире человека основное противостояние удовольствия и страдания, при исчезновении этих мощных составляющих из нашего мыслительного процесса и чувственности, мы формируемся в большей мере в существа без желаний и без проявлений стремления к изменению своей жизни, появляется бездеятельность, аморфность существования. И удовольствие, и страдание притягивают движения нашего внутреннего мира, они провоцируют потребности чего-то и кого-то, формируют самые разные и крайние эмоции повседневности и экстремальности. Проявившиеся объекты, вызывающие удовольствие или страдание, получают импульс соотносящийся с нами лично или с другими людьми, они стремятся породить желание и отвращение, печаль и радость, но одновременно начинают вести к новым косвенным аффектам: гордости или униженности, любви или ненависти, которые в данном случае находятся в двойном отношении впечатлений и идей к страданию или удовольствию.

Юм особо подчеркивает силу страдания по отношению к удовольствию, отмечает созерцательный момент страдания, который имеет скорее положительный эффект нежели в аналогичной ситуации удовольствие. Юм четко выделяет страдание в ранг непостоянного явления жизни, тем самым, показав лишь силу этого внутреннего впечатления. Важно и то, что Локк и Юм говорят в основном об этических аспектах страдания и удовольствия, подтверждая убеждение, что гедонизм пытается определить правильность помыслов и поступков человека. Попытка эта не совсем удачная, т.к. нет главного – внутреннего осознания человеком себя и своего предназначения в этом мире. Страдание лишь обязательное проявление жизни и человек, пребывая в земном существовании, лишь думает о получении большего удовольствия.

Атрибутивность позиций и гедонистическая концепция Нового времени подтверждается и рассуждениями Иеремии Бентама, который считал, что в области морали основополагающими состояниями являются удовольствия и страдания. Человеческая природа – империя радостей и боли. Добиться удовольствия и избежать страдания – единственные мотивы действия, источник наших идей, наших суждений и наших определений. Моральное суждение становится суждением о счастье: благо – это удовольствие, порок – страдание. Действие человека является нравственным, если оно

приводит к наибольшему удовольствию, и не является нравственным, если приносит больше страданий, чем удовольствия. Утилитарная концепция Бентама считает удовольствие высшей целью человечества, а освобождение большинства людей от страдания залогом счастливой жизни.

Бентам выявил некую гедоническую систему исчисления удовольствия и страдания. Согласно этой системе, удовольствие и страдание рассчитываются по следующим параметрам: интенсивность; продолжительность; несомненность или сомнительность; отдаленность или близость; способность данного удовольствия приводить к дальнейшему удовольствию или способность данного страдания порождать дальнейшее страдание; способность страдания не порождать удовольствие или способность удовольствия не порождать страдание; масштаб, то есть число людей, которых это действие затрагивает.

Размеры определяемого таким образом страдания, которое проистекает из данного действия, затем сопоставляются с размерами удовольствия, проистекающего из того же самого действия, исходя из этого увеличивается страдание или удовольствие. Такое толкование противоречит многим религиозным представлениям о нравственной составляющей жизни человека. В частности, христиане считают, что долг стремиться к благу общества основывается не на Природе и не на удовольствии и страдании, а на Боге. Таким образом, Бентам сталкивается с проблемой заключенной в том, что Природа просто существует. Это «сущее», из которого нельзя вывести «должное». Бентам предстает здесь классическим гедонистом в рассмотрении страдания, который к тому жестко критикует многие религиозные постулаты.

В целом можно отметить, что в XVII – XVIII веках, а затем и в XIX веке гедонистический вариант рассмотрения страдания претерпевает некоторые изменения, связанные, прежде всего, с поиском ответов на жизненные вопросы вне религиозных и традиционных философских рамок. Общая тенденция этого периода в развитии философии страдания – рационалистические принципы в переплетении с этическими нормами религиозно-светского характера.

1. Антология мировой философии: в 4 т. – М.: Мысль, 1969. – 1587 с.
2. Гудинг, Д., Леннокс, Дж. Мировоззрение: человек в поисках истины и реальности. Т.2. Кн.2. – Ярославль, 2004. – 480 с.
3. Юм, Д. Трактат о человеческой природе. – Минск, 1998. – 720 с.
4. Локк, Д. Сочинения в 3-х т. Т.1. Опыт о человеческом разумении. – М., 1985. – С. 183.

Фетисова Е.Н.

К вопросу преподавания философии в современных условиях

ФГБОУВО «Тихоокеанский государственный университет»

(Россия, Хабаровск)

doi: 10.18411/lj-05-2021-290

Аннотация

В статье рассматривается актуальная проблема современных российских вузов – качество преподавания философии в свете кардинальных перемен в учебном процессе. Наиболее важными автор считает сокращение часов на лекционные и практические занятия, замена итогового контроля с экзамена на зачет, выстраивание диалога со студентами в дистанционном режиме, сокращение смежных философских дисциплин. Автор сравнивает два времени, когда кризис преподавания философии стал наиболее актуален: это распад СССР и наше время. Автор ставит вопрос о необходимости сохранения дисциплины «Философия» в российских вузах.

Ключевые слова. Преподавание философии, мировоззрение, качество, проблемы высшей школы

Abstract

The article considers an urgent problem of modern Russian universities - the quality of teaching philosophy in the light of cardinal changes in the educational process. The author believes that the most important problems are the reduction of hours for lectures and practical classes, replacement of exams by tests in the final control, building a dialogue with students in a distance mode, reducing related philosophical disciplines. The author compares two times when the crisis in teaching philosophy became most urgent: the collapse of the USSR and our days. The author raises the question of the necessity to preserve the discipline "Philosophy" in Russian universities.

Keywords. Teaching philosophy, worldview, quality, problems of higher education.

Вопрос преподавания философии в высших учебных заведения Российской Федерации на сегодняшний день очень актуален. За последние пять лет произошли разительные изменения в данной сфере, по масштабности сопоставимые с проблемами, с которыми столкнулись преподаватели в девяностые. Тогда был снят идеологический барьер, ушли в прошлое обязательные программы. Философия перестала пониматься как совокупность «абсолютных истин», которые были позволены для изучения в СССР. Настало время, когда вместо двух основных, а в некоторых вузах и единственных, философских учений под названием «диалектический материализм» и «исторический материализм», стало возможным преподавание философии в ее обильном многообразии.

Преподавателям была дана свобода самим определять степень важности тех или иных тем, продолжительность разбора материала. Благо, что часов по дисциплине даже в технических вузах было предостаточно. В библиотеках появилось разнообразие учебников, и каждый автор получил возможность индивидуально подойти к подаче материала. Тем не менее и преподаватели, и авторы придерживались определенной программы, которая на высшем уровне носила больше рекомендательный характер, а сами вузы уже корректировали программу под свою специфику.

В такой серьезный переломный период и в развитии нашей страны, и в развитии сознания была создана совершенно новая традиция преподавания философских дисциплин. Эта традиция постепенно совершенствовалась, обростала новыми идеями, наработками. Достаточное количество учебных часов позволяло преподавателям качественно и глубоко освещать заявленные темы. На практических занятиях была возможность закреплять материал с помощью различных методик, таких как доклады с обсуждением, игры, дискуссии, анализ философских текстов, решение упражнений и тестов, интеллектуальная разминка и другое.

Многое стало меняться примерно с 2015-2017 годов, когда повсеместно в вузах страны стало сокращаться количество часов как лекционных, так и на ведение практических занятий. Если до этого момента курс философии был рассчитан на два учебных семестра, то с выше обозначенного времени его сократили до одного семестра. Но оставили по 36 академических часов и на лекции, и на семинарские занятия соответственно. Далее сокращение часов продолжилось. На сегодняшний день мы имеем в среднем 18 часов (9 занятий) на семинары и 36 часов на чтение лекций.

Здесь следует сделать акцент на следующем непреложном факте: философия является теоретическим мировоззрением, имеющим предметное поле несоизмеримое ни с какой другой областью знания, это учение о всеобщем. Философия изучает общие принципы бытия и познания, проблемы существования мира и человека, место человека в мире, творчество, теорию культуры, этику и эстетику, научное знание, религию и многое другое. Возникает резонный вопрос: как, каким образом возможно все это вместить в девять семинарских занятий и в восемнадцать лекций? Конечно же выход преподаватель всегда найдет. К примеру, чтение обзорных лекций по истории философии, что называется «по верхам». Времени на качество нет, поскольку нет

количества. Как здесь не вспомнить диалектическое учение великого немецкого философа Гегеля и его знаменитые законы диалектики.

Часть преподавателей философии преподают именно только историю философии. На другие темы учебных часов не хватает. Другая часть пришла к выводу, что лучше сосредоточиться на проблемах философии и через них кратко выйти на историю и прочие вопросы. Третьи стараются больше сосредоточиться на истории познания мира, и уже через нее обозначить прочую философскую проблематику. Изначально перед преподавателем философии стоит много задач. Здесь не проходит сухое преподнесение материала. Студента надо увлечь перспективой найти ценностные ориентиры в жизни, обозначить свое место в социуме, постоянно самосовершенствоваться, развивать умение анализировать и логически мыслить, иметь критическое мышление и многое другое. На все это необходимо достаточно времени.

Отмечается так же сокращение дисциплин, которые традиционно преподавались на кафедрах философии: религиоведение, концепции современного естествознания, межличностное общение и коммуникации, аксиология культуры, культурология и многие другие. Плюс ко всему добавились проблемные моменты, связанные с пандемией COVID-19, когда в срочном порядке высшая школа перешла в «удаленный» режим обучения.

В российских вузах закрываются советы по философии. Появляются статьи, где авторы считают реально существующей угрозой дальнейшего сокращения аудиторных часов по гуманитарным дисциплинам, вплоть до полного.

Если сравнивать два времени, когда кризис преподавания философии стал наиболее актуален, распад СССР и наше время, то можно с уверенностью сказать, что современные трудности куда более серьезнее, чем в девяностые. Тогда шел позитивный процесс расширения философских тем для преподавания. Писалось и издавалось много учебников, создавались методики преподнесения материала, постоянно повышался профессиональный уровень ученых в этой области. Самое ценное, что и ученые, и чиновники от образования пришли к пониманию необходимости философии.

На современном этапе настроение «декаданс». Идет обратный процесс, который привел к проблемам, озвученным в статье.

И так, в свете современных реалий и сильных потрясений в сфере высшей школы, встает остро проблема перспектив преподавания различных предметов, в частности философии. Открытыми остаются многие вопросы. Например, так ли необходимо преподавание философии в технических вузах? Что делать с постоянным сокращением часов на лекционные и практические занятия? Как рационально выстроить занятия в новом режиме – дистанционном? Какие темы вынести на самостоятельное обучение студентов? Как эффективно проверять знания обучающихся? Насколько необходимы специализированные курсы, на которых обсуждались бы методологические, этические, теоретические проблемы разных специальностей? Вопросов очень много. Преподаватели философии верят, что здравый смысл все-таки преобладает, такой важный для развития и становления личности предмет не только сохраняют, но и вернут «очные» часы для преподавания в том количестве, которое необходимо для полноценного изучения философии. Это архи важно для качественного, а не фиктивного, обучения студентов высшей школы, их становления в качестве полноценной личности, профессионалов своего дела. Важно сохранить дисциплину «Философия» как неотъемлемую часть высшего образования в современной России.

1. О преподавании философии (материалы «круглого стола») // Вопросы философии, 1997. - № 9. – С. 3-35.

2. Волкова Е.Г. Основные проблемы преподавания философии в вузах / Е.Г. Волкова // Современное образование, 2015. - № 2. – С. 80-115.
3. Малахова Е.В. Задачи и проблемы преподавания философии в современной системе высшего образования / Е.В. Малахова // Вестник Российского экономического университета имени Г.В. Плеханова, 2015. - № 4 (88). – С. 18-23.

Чумаков В.А.

Проблема достоверности философских знаний

(Россия, Дзержинск)

doi: 10.18411/lj-05-2021-291

Аннотация

В докладе представлены свойства философского текста, повышающие вероятность создания достоверного произведения, а также приведен анализ некоторых, не вполне достоверных философских работ.

Ключевые слова: достоверность, истина, относительная истина, заблуждение, бритва Оккама.

Abstract

The report presents the properties of a philosophical text that increase the likelihood of creating a reliable work, as well as an analysis of some not entirely reliable philosophical works.

Keywords: certainty, truth, relative truth, delusion, Occam's razor.

Неуёмное сознание человека вело его к исследованию бытия, первоначально производимое в интегральной области знания – философии. С течением времени от неё отпочковались *естественные науки*, связанные с *количественным и качественным* изучением элементов Природы. Они давали объективные, однозначные и доказательные *знания* в виде различных принципов существования, механизмов взаимодействия и физических законов. Философия оставалась *качественной* областью человеческих представлений о природе и социуме, а также о происходящих в них процессах, когда высказанное предположение, по сути дела *гипотеза* пребывала необоснованным, а иногда и ошибочным *субъективным* умозаключением. Философы действовали разрозненно, имея каждый своё мнение, иногда не подкреплённое теоретической *аргументацией*, однако, тщательно сохраняемое в философском сообществе, составляя неугасимый «светильник» человеческого разума. Если в естественных науках авторы, предложившие ошибочные гипотезы, например, теплород в теплотехнике или флогистон в химии, предавались забвению, то в философии существует целый раздел истории философии, в которой учтены имена всех философов с древнейших времён и до начала 20 века.

В своём развитии, она, из первоначального статуса «*науки наук*», постепенно превратилась в проповедь религиозно-идеалистических концепций и только после формирования материалистического мировоззрения смогла *претендовать* на звание научной. Философия не обособляется от других наук, её категориальный аппарат и диалектические закономерности с успехом находят применение в разнообразных разделах естествознания и социологии. Однако специфика философии требует выполнения особых условий, при соблюдении которых её можно будет считать в полном смысле достоверным аккумулятором знаний.

В ней отсутствовал *единый «фронт» развития знаний*, как это происходило в естественных науках при постепенной достройке полученных *достоверных, проверенных* опытом сведений о Природе. Философия и поныне является сборником разнообразных субъективных представлений о человеке и обществе, которые нельзя, в

полном смысле, назвать наукой. О достоверности своих представлений, как и об их субъективном характере, сама философия предпочитает отмалчиваться, хотя среди философов и существует определённая «война» мнений по некоторым проблемным вопросам. Среди них встречаются высказывания, логически не соответствующие реальностям жизни, не подкреплённые теоретическими обоснованиями. Примером различного подхода к объяснению человеческого познания окружающего мира: его объективность или субъективность являлись представления материалистов и идеалистов. Последние считали бытие продуктом функционирования своего сознания, его воображением, а не реальным материальным состоянием. Философия не могла оставить без внимания проблему достоверности, истинности и относительной истинности в естественных и социально-гуманитарных знаниях, для чего в её содержании имеется специальный раздел, посвящённый этим вопросам. Беда в том, что он рассматривает уже обнародованные философские представления, положения, тезисы и утверждения, т. е. *апостериори* опубликованного, но речь должна идти о том, чтобы авторы представляли на суд общественности теоретически выверенные, достоверные тексты или относительные истины, приближающиеся к абсолютной истине.

Предмет исследования в философии представляет собой многомерное образование. Границы изучаемой философом части предмета, его исследуемый объём каждый автор определяет ссылками на работы других авторов, уже проделавших некоторое изучение выбранного «измерения» философии. За внешней стороной каждой проблемы скрывается некоторая причина, сущность, которую учёный должен раскрыть в своём исследовании, объяснить механизм её действия и развития. Полученное автором объяснение внутренней сути изучаемой проблемы становится основанием для дальнейшего развития философии. В общем случае *адекватное понимание проблемы* получается при наличии *сужающегося коридора согласованных, коррелированных результатов исследований разных авторов по изучаемому вопросу.*

Исследования в социально – гуманитарной сфере познания напрямую нельзя отнести к научным, поскольку отсутствие экспериментального подтверждения может привести к противоречивым теоретическим результатам разных авторов по одной и той же проблеме. *Подобные разногласия, в основном, зависят от мировоззрения исследователя, его убеждений, привязанности и склонности, определяемых интересами того класса, того социального лагеря или политической партии, которые представляет учёный.* Некоторая неопределённость предмета исследования, вызванная тем, что в него входят не конкретные объекты, а целые понятия и категории философии, усугубляемые субъективностью учёного, в большой степени зависимой от его мировоззрения, может дать результат, отличный от достоверного разрешения исследуемой проблемы. Невозможность проводить опытную проверку философских высказываний, а также использовать необходимые и достаточные условия доказательности, приводит к большим проблемам по определению «правильности» философских текстов, его соответствию реальностям жизни. В настоящее время такое положение не может устроить философское сообщество. Всё большее число учёных ищут пути превращения философии в область знания, приближающуюся по достоверности и значимости к естественным наукам.

Если в естествознании критерием истинности является адекватность теории опытным данным, *то достоверность в социально – гуманитарной сфере познания может быть достигнута по мере выполнения целого ряда условий, предъявляемых творческой работе.* Результаты философских исследований выражаются в виде теоретических положений, тезисов, высказываний, представлений и постулатов, которые являются субъективными мыслеформами того или иного исследователя. Естественной проблемой становится их адекватность реальным условиям существования и развития природной или социальной материи, которая составляет

достоверность философских высказываний. Использование тезиса «практика критерий истины» при составлении философского текста для проверки достоверности философского результата малопродуктивна, и объясняется сложностью или невозможностью постановки философского опыта для его практической проверки. Имеющиеся принципы *теоретической логики* для оценки истинности производимого высказывания, по сравнению с рядом других, уже известных высказываний на подобную тему, как видно по опубликованным работам, тоже не всегда используются философами.

Для убедительной достоверности философу, *априори* выпуска работы в свет, необходимо такое оформление своих результатов, которое не вызывает сомнения в их адекватности реальным обстоятельствам. К *свойствам* философского текста, приводящее его к состоянию, близкому достоверному следует отнести: пространные рассуждения по исследуемой социальной проблеме, теоретически понятные объяснения на доступном широкой публике языке, разнообразные доказательства, хотя бы в виде необходимых и достаточных условий, предельно широкие разъяснительные доводы, обосновывающие достоверность философского высказывания, ну и, конечно, сравнительный логический анализ имеющихся работ на подобную тему. При этом философ должен избегать многозначности и неопределённости высказывания, а также не считать лаконичность текста за его достоинство. Наконец, достоверность непосредственным образом связана с *объективным* и *материальным* характером предьявляемого текста.

Адекватное решение требует *разностороннего* изучения исследуемого предмета. В философии истории это сводится к рассмотрению некоторого события с разных точек зрения: неимущего большинства, имущего меньшинства, политэкономических обстоятельств, а для прогнозных работ учёт прогрессивного развития государства и общества в целом. Используя эти рекомендации, философ может выйти на объективный и достоверный уровень своего текста. Можно привести пример по исследованию феномена Петра 1. Если историк будет подчёркивать только его преобразующий труд по развитию России, это будет односторонний субъективный взгляд. Другую односторонность покажет работа о том, какого нещадного уровня достигла в его время эксплуатация крепостных людей. Лишь объединение этих сторон жизни времён Петра может обеспечить объективность и достоверность работы философа истории.

Несмотря на эти, казалось бы, очевидные требования к работе на социально – гуманитарную тематику, на практике, изучая работы социальных философов, нередко можно обнаружить легковесный подход авторов к исследуемым проблемам. Такие примеры, к сожалению, можно легко обнаружить в разных сборниках материалов философских конференций, симпозиумов и даже на страницах солидных философских журналах. К сожалению, ограниченность объёма публикуемых материалов ведёт к сжатию философских текстов, к лаконичности философских высказываний, которые нередко ведут к искажению авторского замысла. Наглядным примером краткости изложения, приведшего к неопределённости понимания текста, является материалистическое понимание истории (МПИ), высказанное К. Марксом в предисловии к книге «К критике политической экономии», которое явилось основой исторического материализма. Мысли Маркса по такой значительной проблеме убралась на одной книжной страничке [4, с. 6].

Первое положение МПИ категорически утверждало: «Не сознание людей определяет их бытие, а, наоборот, их общественное бытие определяет их сознание», которое вызывает естественное неприятие. Почему человек не может определять, т. е. изменять свою жизнь при необходимости, да и просто так из своего желания, из-за своей прихоти? Построить дом, жениться, завести детей? Этот тезис никак не объясняет изменение бытия, которое может происходить только вследствие выработки

желаний и цели в жизни человеком, в результате получения информации о состоянии бытия, а также процессов мышления и его осознанных действий по изменению бытия. Диктат бытия противоречит субъективной природе человека и его основы - свободы воли. Фактически этот тезис консервирует сознание и развитие общества в целом. Такое категоричное отступление от реальностей существования человека и общества, было, вероятно, вызвано борьбой с засильем идеализма в философии. Эта особенность раскрывается из слов Ф. Энгельса: «Положение, что сознание людей *зависит* (не определяет! – В.Ч.) от их бытия, а не наоборот, кажется простым... это положение... наносит смертельный удар всякому, даже самому скрытому идеализму» [10, с. 491-492]. С другой стороны автор предполагает, что слово «определяет» К. Маркс использовал, заменяя им понятие «информирует», которое в то время ещё не получило широкого распространения, что и вызывало последующие недоумения и социальные ошибки. Если объяснение Энгельса оправдывало первую фразу этого тезиса МПИ, то вторая всё равно оставляла представление ошибочной.

Самым большим преобразованием общественного бытия является «социальная революция, причина которой изложена во втором тезисе МПИ [4, с. 6]. В ней Маркс высказал соображение по поводу обострения взаимодействий производительных сил и социально-экономических (производственных) отношений, открывающих «эпоху социальной революции». В начале он пишет о «производственных отношениях, которые *соответствуют* определённой ступени развития их материальных производительных сил». Из неопределённого понятия «соответствуют» вовсе не следует зависимость социально-экономических отношений от производительных сил. Можно говорить и об обратном «соответствии». А немногим далее он приводит совсем иное суждение: «Из форм развития производительных сил эти отношения (социально-экономические – В. Ч.) превращаются в их *оковы*. Тогда наступает эпоха социальной революции», из которого просматривается определённая *зависимость* производительных сил от социально-экономических отношений. Как выстраиваются «оковы» производительным силам всё так же остаётся непонятным. Упоминание о классовой борьбе, основы «социальной революции», в тексте отсутствует, что отрывает соображение Маркса от реальностей общественной жизни. Общий текст предисловия носит *двойственный*, подчас *неопределённый* характер, который, видимо, не раз ставил его исследователей в тупик. Афористичность и лаконичность суждения, при отсутствии сколь-нибудь серьёзного обоснования, по-видимому, не позволили известному политэконому достоверно раскрыть тему изменения общественно - экономической формации в процессе «социальной революции».

Последователи Маркса, создавая истмат, взяли в расчёт только положение о «соответствии», социально-экономических отношений производительным силам, доведя его до значения, отвечающего первому тезису МПИ – «бытие определяет сознание». В истмате второй тезис стал фигурировать в виде «социологического закона *соответствия* производственных отношений характеру и уровню развития производительных сил», делая их главным, «определяющим» процессом развития общества. Объясняя далее смысл этого закона, составители истмата своевольно ввели в него понятие «зависимости»: «этот закон выражает объективно существующую *зависимость* производственных отношений от развития производительных сил» [6, с. 217], произведя логическую подмену, наделяя характер взаимосвязи экономических понятий смыслом материалистического решения первой стороны основного вопроса философии.

Неопределённость положений МПИ вызвала разработку автора *регулятивно-диалектической концепции* (РДК) существования и развития, которая, по мнению автора, более адекватно и обоснованно объясняет существование и развитие, как индивидуального человека, так и его коллективных образований [8, с. 31-38]. В РДК констатируется, что в сознании возникают представления, благодаря получаемой

информации о существующем бытии, и противоположные - о его необходимом для человека новом состоянии, производимое кибернетическим блоком сознания. Разрешение этого диалектического противоречия, являющимся источником развития, приводит к формированию кибернетическим блоком решения по изменению бытия. Человек начинает желаемое изменение бытия в *деятельностном процессе регулирования*, в котором сознание - субъект управляет изменением бытия - объекта регулирования. Совместное функционирование диалектического принципа развития и деятельностного управления изменением бытия человеком приводит к желаемому состоянию бытия. Процесс изменения бытия непрерывно контролируется по линии обратной информационной связи *замкнутого контура управления* и выделении в сознании ещё невыполненных изменений бытия в продолжающемся *регулятивно - диалектическом процессе управления*. Ликвидация в сознании противоречия между существующим и желаемым означает появление нового содержания бытия, отвечающего интересам человека или общества.

Такое понимание процесса развития должно быть отнесено и к развитию социума, в котором общественное сознание воспринимает информацию от общественного бытия, составляющего единство производительных сил и социально-экономических отношений, образуя диалектические противопоставление существующего и желаемого общественного бытия, запускает регулятивный процесс изменения общественного бытия - содержания способа производства, наблюдая за изменением противоположностей в сознании, до их полной ликвидации.

Источником *социальной революции* и смены *содержания способа производства*, является несправедливое общественное устройство, приводящее к возникновению противостоящих, *антагонистических* классов неимущего большинства и имущего меньшинства, которое своими властными возможностями удерживает большинство в повиновении, и, по возможности, нещадно эксплуатирует его. Понадобилось почти полтора столетия, чтобы раскрылась действительная *структура* способа производства, состоящая из содержания, в которое, как было показано ещё в советское время, должны входить как производительные силы, так и социально-экономические отношения, образующие его общественное бытие [5, с. 197] и *формы - совокупного общественного сознания* открытой автором [8, с. 31-38]. Там же была обоснована *зависимость* диалектической категории содержания произвольного *социального образования* от его формы. В качестве формы, определяющей единство содержания общественной организации, в РДК выступает идеальные воля, желание и убеждённость людей, а для способа производства – *общественное сознание*. Общественное бытие *зависит* от общественного сознания, которое не только скрепляет и связывает, но ещё и регулирует общественное бытие. В социуме образуется замкнутый контур управления, субъектом которого является общественное сознание, а объектом – общественное бытие. Например, распад содержания социальной общности происходит из-за падения воли, идеологических и материальных интересов, выраженные формой - коллективным сознанием рассматриваемой общности, как это произошло, например, с распадом Советского Союза после такого же развала КПСС.

Противоречие антагонистических сторон совокупного *общественного сознания*, как *формы способа производства*, лежит в основе его развития и в первую очередь в развитии *социально-экономических отношений*. Наступление осознания своего бедственного и униженного положения *общественным сознанием* трудящегося неимущего большинства приводит, согласно законам диалектики, к активизации его *борьбы* с имущим меньшинством. При благоприятных условиях разрешение революционной ситуации в контуре социального регулирования, может привести к *качественному изменению* состояния общественного бытия, его социально – экономических отношений. Их изменение *необходимо* ведёт к изменению содержания и

темпов роста производительных сил [9, с. 91-96]. Таким видится автору достоверное МПИ в представлении РДК.

А как к достоверности своих рассуждений относятся современные философы? В качестве некоторых приведённых далее примеров использованы доклады конференций «Новые идеи в философии», организованные государственным университетом города Перми. Автор принимал участие в работе этих конференций с 2010 по 2014годы, откуда взяты некоторые представленные ниже негативные примеры философствования.

В качестве контрпродуктивного примера достоверности философских представлений можно рассмотреть разрешение вопроса о конечности или бесконечности мира, который волновал советских и, в частности, пермских философов, и, по заключению некоторых авторов, не мог разрешить конечный опыт человека [1, т.1, с.10]. Пермские философы выдвинули и своеобразным способом разрешили, по их мнению, проблему *парадокса* бесконечный мир – конечный опыт человека на пути «представления человека и общества наивысшей ступенью развития, способных к бесконечному прогрессу, единству всеобщего, особенного и единичного, конечного и бесконечного. Человек поэтому не может рассматриваться однозначно и бессодержательно как абстрактное конечное, он является единством конечного и бесконечного, благодаря чему его опыт не является чисто конечным. Абстрактная контрверза бесконечность мира – конечность человеческого опыта снимается» [1, т.1, с. 12]. Перед нами пример, неправомерного придания человеку свойств «бесконечного», хотя ни отдельная личность, ни целое общество этим свойством, несмотря на своё длительное развитие, не могут обладать. Это принципиально необоснованное, ошибочное представление.

Пермские философы, по-видимому, находились под влиянием не менее спорного, если не сказать вздорного утверждения эстонского академика Г.И. Наана о том, что «постулативными являются вообще все философские положения, начиная с тезиса о материальности мира. Положения философии не могут быть ни доказаны, ни опровергнуты, имеют хронически гипотетический характер» [1, т.1, с.11]. Это утверждение закрепляло непродуктивный характер философских исследований, открывая дорогу безудержной фантазии и субъективизму, одновременно снижая их научное назначение. Правильным в тезисе Г. И. Наана явилась бы замена понятия «постулативными» на «субъективными», а, желая видеть достоверность положений философии, предъявить к ним требование *обоснованности*, повышающее их научную ценность. Обоснованность может носить разнообразный характер, от доказательств разного рода: необходимости и достаточности некоторого высказывания, доказательств от противного, до углублённых теоретических рассуждений, доказывающих правоту выдвинутых положений.

Научное решение проблемы *парадокса* бесконечный мир – конечный опыт человека заключается в следующем. Из текста доклада В.В. Орлова следует, что речь идёт о конечном или бесконечном размере мироздания и возможности его познания. Признание бесконечности размеров легко доказывается методом от противного. Достаточно предположить конечность мира, т.е. наличие некоторой границы, грубо говоря, некоторых стен, ограничивающих Вселенную, как сразу возникает вопрос - а что делается за стенами этого колоссального здания? Имеется продолжение мира, другая вселенная? Очевидная *нелепость* предположения о конечности мира говорит о его ошибочности, что и доказывает бесконечность мира. Познание свойств бесконечного мира ограниченным существом, связано с возможностью бесконечного познания сознательным существом, которое лимитируется только проблемой времени существования всего человечества. Для разрешения парадокса не было необходимости постулировать абсурдное положение о единстве конечного и бесконечного в человеке. *Хотя понять бесконечность мира, человек, живущий в ограниченных условиях, действительно не в состоянии.*

В естествознании объектами исследования являются реальные предметы, явления или процессы. В нём невозможно проводить изучение вымышленных объектов. Неизвестные до недавних пор и открытые на кончике пера тёмные масса и энергия не являются выдумкой, а представляют реальный отклик на нарушение баланса сил в некоторых галактиках Вселенной. И хотя эти материальные явления пока ещё никто не «потрогал руками», ни у одного астрофизика нет сомнения в их реальности. Другое дело гуманитарные науки, та же самая философия, которой изредка приходится рассматривать непроявленные или даже не корректно определённые предметы исследования. Здесь необходимо знать меру, чтобы не поддаваться искушению по выдумыванию мифических, несуществующих объектов исследования, т. е. *ориентироваться на известный принцип бритвы Оккама – «не умножать сущностей»*, хотя это и довольно заманчиво – заявить о «нечто таком, неизвестном» и стать его *первым* исследователем.

Взять вышеприведённый парадокс, выход из которого пермская школа философов нашла в придании человеку свойства «единства конечного и бесконечного» - чем не умножение сущности, запрещённое «бритвой» Оккама. Другой пример - автор с сомнением относится к изучению «сущностных сил» человека, изложенных в сборнике материалов конференции в Перми [2, т.2, с. 26, 65], являющихся следствием многократного использования этого словечка молодым К. Марксом в «Философских рукописях 1844 года». Тут необходимо уточнить, *если есть «сущностные», то должны быть и «не сущностные» силы?* Что же это может быть? Физические или сексуальные силы, а может быть сила духа? Но разве это не такие же родовые качества человека, как и «сущностные силы», без которых человек не может существовать? Тогда назовём их, допустим «необходимыми», и начнём производить философские тексты по изучению этих, «необходимых сил» человека. Ясно видно не нужное умножение «сущностей» - отрицание запрета бритвы Оккамы.

Однако «сущностные силы» ещё игрушки по сравнению с тем троянским конём, называемым синергетикой, которая своей новизной и непонятливостью вскружила голову известным, и, даже можно сказать, ведущим философам страны. На её «научную» разработку ушло, наверное, лет 15, если не больше. Было исписано горы бумаг, защищено десятки диссертаций разного достоинства и всё оказалось пустым мыльным пузырьём. В действительности известно всего несколько примеров физической «синергии», в которых за счёт внешней энергии происходит коллективное, самоорганизованное, совместное действие материальных частиц. Это ячейки Бенара, химическая реакция Белоусова-Жаботинского и лазерное излучение. В гуманитарных науках можно лишь условно, на качественном, описательном уровне воспользоваться понятиями синергетики: точки ветвления развития системы, аттрактор, описывающий конечный результат развития, самоорганизация и т. п., приближённо связывая их с некоторыми социальными явлениями. Но можно о том же говорить вполне понятным, классическим философским языком, без премудростей синергетики, которую сами «новаторы», очевидно, до конца не понимали.

Молодец товарищ Н.М. Мехрякова, которая в докладе «Опыт нефилософской систематизации философского знания» проделала колоссальную работу, проанализировав тьму авторов, чтобы, в конце – концов, признать, что философия не нуждается в услугах синергетики [2, т.1, с.42]. Примерно о том же говорит и доклад тов. В.И. Жилина «О синергетическом мировоззрении» [2, т.1, с.149]. *И ведь никто из зачинателей отечественной философской синергетики, эти «лысенки» от философии, до сих пор не покаялись, не попросили прощения за учинённую провокацию, за напрасно погубленные годы многих своих последователей.* Хотя, конечно, денежная компенсация их бесполезной работы, наверное, до сих пор радует остепенённых «синергистов».

Похвально стремление развить, придать новый импульс какому-либо философскому понятию, тем более, когда речь идёт о развитии целого раздела

философии – диалектического материализма, на который решились профессор В.В. Агудов и доцент Л.Н. Шуткина, в совместной статье «Старый и новый материализм». Среди прочего они пришли к выводу, что «новый материализм последовательно эволюционирует в своём развитии к тому, чтобы придать иную, существенно расширенную интерпретацию категории «материя» и самой материи как объективной реальности» [3, с. 318-322]. Опираясь на известный факт, что «живая материя является продуктом саморазвития неживой материи», авторы недоумённо вопрошают: «почему же само сознание, будучи продуктом развивающейся материи, тем не менее не является материей?» [3, с. 320]. Свои выводы создатели «нового» диамата оканчивают апокалиптической фразой: «проблема сознания продолжает существовать, и сейчас она превратилась в проблему третьего вида материи – духовной материи... которую необходимо разрешать, т. е. теоретически снимать. Иначе будет обеспечен застой в развитии науки, её оцепенение, паралич и бюрократизация...» [3, с. 322].

Подобный легковесно - субъективный подход к пониманию категории материя, к развитию видов материи и созданию нового диамата заводит авторов в тупик. В этом случае известная ленинская формулировка материи как противопоставления сознанию теряет свой смысл, и что, в таком случае, является материей остаётся неопределённым, поскольку свою формулировку материи авторы не удосужились, не смогли представить. При развитии живой материи из неживой образуется вполне самостоятельно существующий вид материи, способный к саморазвитию. Сознание, как свойство высокоорганизованной материи головного мозга, как био - психический процесс, самостоятельно не может существовать и функционировать. Со смертью человека исчезает и его сознание, что противоречит постулату о неумираемости материи. С физической точки зрения разные виды материи объединяет наличие в ней определённой энергии, способной совершить работу. Сознание не обладает энергией, представляя собой логико - информационный процесс. Сознание осуществляет известное свойство разумного человека – функцию управления своим носителем – живым человеческим телом.

Вот такое необоснованное стремление обогатить, сказать новое слово в философии и развить её обернулось отрицанием диалектического материализма, его категории материи, а вместе с ней и философии в целом. Смешивая материю и сознание, авторы встали на путь, который уже проделали субъективные идеалисты Юм, Беркли, Мах, решительно опровергнутые в начале прошлого века В.И. Лениным в его работе «Материализм и эмпириокритицизм». Большую роль в подобном заблуждении вышеназванных авторов сыграло недостаточное знание основ физической и биологической науки. Авторы, по-видимому, забыли, что материализм проявляется и в том, что следует за физическим обоснованием природы, а не наоборот.

К сожалению, в материалах сборников докладов конференций [1, 2] имеются работы, в которых при громадном количестве ссылок, не содержится ни одной новой самостоятельной мысли авторов. Фактически это просто рефераты, опись имеющихся знаний, обзор литературы, но никак не научная работа. И это касается, не только, аспирантских работ. Подобные бесплодные тексты, по-видимому, не следует включать в сборники научных трудов. Если в философском тексте нет новизны, а присутствуют только связки между упоминаниями о ссылках и цитатах других авторов, т. е. исследование предмета было заменено поисками литературы на тему изучаемого объекта исследования, то его нельзя назвать научным. В качестве примера можно привести доклад д. физ.-мат. н. В. Панова «Квантовая механика и проблема физической реальности» [2, т.1, с.176], в которой автор, в основном, перечисляет работы известных мировых учёных, занятых фундаментальными проблемами физики, но не затрагивает их философского осмысления, того чего ожидают на философской конференции.

Несомненным принципом достоверности является язык и стиль изложения результатов исследования. Надо признать, что в этом отношении философия является одной из самых сложных гуманитарных знаний. Засилье, особенно в последнее время, иностранных терминов делает философские тексты трудночитаемыми, даже для профессионалов. Ведь не в этом иностранном многоголосии смысл философии. Любовь к мудрости должна быть понятна большинству, ещё и потому, что она, кроме прочего, формирует мировоззрение людей. Иначе она проявит свойства замкнутой системы, своего рода оккультной науки, кабалистики, понятной лишь избранным жрецам, то бишь философам. Здесь можно посоветовать, по возможности, применять русские аналоги, т. е. русифицировать философский язык, или, по крайней мере, приводить текущую расшифровку сложных понятий на русский язык. Большое значение имеет ясность и последовательность изложения мыслей автора. К сожалению, встречаются тексты запутанного и хаотичного изложения содержания. В качестве примера можно привести работу известного философа З. М. Оруджева о возникновении разума человека, стилистика которого затрудняет понимание смысла авторской работы [7, с. 68-73]. К этому примыкает и проблема популяризации философских достижений с целью воспитания культурных и грамотных людей в нашем обществе. А в этом цель и главная задача нашей философии, как науки, востребованной всем обществом, а не существующей только для развлечения одних философов.

Подводя итог проблеме достоверности философского произведения можно сказать, что главным вкладом в неё является материалистическое мировоззрение, связанное, особенно в социальной философии, с проявлением партийности автора, делегированной ему большинством трудового населения земли, которое не даёт возможности использовать ложные предпосылки и делать столь же неверные выводы. К этому следует добавить применение материалистической диалектики, как основы методологии философской науки, использование, по возможности, доказательств для подтверждения развиваемой концепции, её теоретическую обоснованность и доходчивость. Доверительность социально - гуманитарной работе придаёт многостороннее рассмотрение проблемы, выводящее исследование на объективный уровень, а также логичная последовательность изложения авторского замысла. Выполнение этих условий позволяет говорить о достоверности философской работы, главной цели философской деятельности.

1. Актуальные проблемы научной философии. Материалы Всероссийской науч-ной конференции. Пермь, 2010, в 2х томах.
2. Актуальные проблемы российской философии. Материалы Всероссийской научной конференции. Пермь, 2011, в 2х томах.
3. Агудов В.В., Шуткина Л.Н. Старый и новый материализм //Россия и социа-лизм XXI века. К 160-летнему юбилею «Манифеста коммунистической пар-тии» К. Маркса и Ф. Энгельса. Сборник научных статей. Н. Новгород, 2010.
4. Маркс К. К критике политической экономии К. Маркс, Ф. Энгельс, соч. т. 13, 1959, 770 с.
5. Материалистическая диалектика как научная система. Под редакцией проф. А. П. Шептулина. М., 1983, 295 с.
6. Основы марксистско – ленинской философии. Учебник для вузов. М. Политиздат, 1978, 464 с.
7. Оруджев З.М. К вопросу возникновения человеческого разума //Вопросы философии, 2009, №12, с. 68-73.
8. Чумаков В.А. Регулятивное развитие социальной материи //Вестник перм-ского университета. Философия. Психология. Социология. Научный журнал. 2014, № 2, с. 31-38.
9. Чумаков В.А. К вопросу обоснования регулятивно – диалектического материализма //Общество. Среда. Развитие. Научно – теоретический журнал. С-Петербург, 2017, №2, с. 91-96.
10. Энгельс Ф. Карл Маркс. К критике политической экономии / К. Маркс, Ф. Энгельс, соч. т. 13, 1959, 770 с.

Широкова Г.А.**Влияние Бенедикта Спинозы на творчество Джордж Элиот***Пермский Государственный Национальный Исследовательский Университет
(Россия, Пермь)*

doi: 10.18411/lj-05-2021-292

Аннотация

Статья посвящена сущности влияния Бенедикта Спинозы на творческие труды Джордж Элиот. Автор описывает ключевые моменты биографии Спинозы, раскрывает причины медленного роста популярности философа-рационалиста. Исследовательский акцент в статье делается на «Этике» Б. Спинозы. Основой анализа становятся религиозные мотивы, философские суждения и эвдемонистические аспекты в творчестве Джордж Элиот, которые сформировались у нее благодаря влиянию Б. Спинозы. Автор приходит к выводу, что работа Джордж Элиот над произведением «Этика» Спинозы стала педагогическим пространством и внесла очевидный вклад в этический жанр, который стал включать в себя философские идеи.

Ключевые слова: Бенедикт Спиноза, Джордж Элиот, философия в литературе, природа, религия, спинозизм, эвдемонистические аспекты, церковь, свобода человека.

Abstract

The article is devoted to the essence of Benedictus de Spinoza's influence on George Eliot's works. The author describes the key points in Spinoza's biography, reveals the reasons for the slow growth of the popularity of the rationalist philosopher. The research focus in the article is on "Ethics" by B. de Spinoza. The analysis is based on religious motives, philosophical judgments and eudemonistic aspects in George Eliot's works, which were formed under B. de Spinoza's influence. The author concludes that George Eliot's work on Spinoza's "Ethics" became a pedagogical space and made an obvious contribution to the ethical genre, which included philosophical ideas.

Keywords: Benedictus de Spinoza, George Eliot, philosophy in literature, nature, religion, Spinozism, eudemonistic aspects, church, human freedom.

Влияние Бенедикта Спинозы (1632-1677) на труды Джордж Элиот было недооценено исследователями творчества писательницы по нескольким причинам: труды нидерландского философа читать довольно сложно, несмотря на то, что он является значимой фигурой в истории философии; несмотря на попытки вызвать интерес к его работе в викторианскую эпоху, он так и не завоевал популярность. Однако Джордж Элиот была не единственным автором, проявившим интерес к философии Б. Спинозы. Полный английский перевод произведений Б. Спинозы не существовал до конца девятнадцатого века.

Спиноза жил и умер в полном соответствии со своими идеями. Удивительно, что человек, который посвящает все своё творчество Богу, по иронии судьбы причислен к религиозным изгоям. У него мысли идут в разрез с христианскими догматами, и церковь отказывается от него.

Есть много убедительных аргументов, объясняющих медленный рост популярности Б. Спинозы в девятнадцатом веке. Одна из причин: Спиноза жил в эпоху глобального механицизма, ему было важно доказать и представить свободу человека, веру, тождество природы и Бога на строгом фундаментализме, характерное к примеру, для учебника по геометрии – постулат, аксиома, теорема. Как отмечает Джордж Левин в «Реалистическом воображении», в период с середины по конец викторианской эпохи доверие к Богу как к божественному и всемогущему арбитру человеческой жизни уменьшилось [Levine 1970:76]. В результате, как отмечает Дж. Хиллис Миллер, викторианские мыслители и писатели все больше и больше обращались к

исследованиям материальной жизни и искали этического руководства у своих собратьев по перу, а не по вере или догме [Miller 2000: 117]. Однако нам нужно более пристально взглянуть на интеллектуальный труд Джордж Элиот.

Одни из первых работ Джордж Элиот был перевод философских трудов Б. Спинозы, с латинского, иврита и греческого.

В последнее время некоторые ученые начали возвращаться к первоначальным текстам, пытаясь отследить, влияние Спинозы на творчество Джордж Элиот.

Найдясь в безвестности более века, в 2019 году вышло новое издание перевода Джордж Элиот «Этики», позволяющее по-новому взглянуть на создательницу романа «Мидлмарч.»

Автор перевода, урождённая М. Э. Эванс, завершила перевод этого ключевого для западной философии текста в 1856 году, пока жила в Берлине с Дж. Льюисом и до того, как взяла себе псевдоним. Но так как работу отложили опубликовать, М. Э. Эванс переключилась на написание художественных произведений под псевдонимом, опубликовав в 1857-м «Сцены из жизни духовенства» и «Адама Бида» в 1859-м.

Перевод десятилетиями оставался забытым, пока в 1980 году Зальцбургский университет не напечатал несколько сотен экземпляров для своей аудитории. В честь 200-летия со дня рождения Джордж Элиот, издательство Принстонского университета объявило, что выпустит новое издание перевода в феврале.

К. Карлайл, доцент философии и теологии в Королевском колледже Лондона, отметила, что когда обнаружила его существование, то почувствовала, что перевод просто обязан увидеть свет. Большая часть «Этики» Б. Спинозы представляет собой пронизательный анализ человеческих эмоций – и это то, чему писательница научилась, потому что она действительно удивительно глубоко понимает природу человеческих эмоций и того, как они работают. Сложностью человеческого организма всегда есть результат деятельности души человека. Душа у Спинозы представляет собой совокупность способностей человека, и бесконечный разум Бога. Спиноза трепетно подходил к пониманию взаимодействия тела с душой. Душа зависит от тела. Влияние внешних объектов ведет к тому, что душа способна принимать природу своего тела и природу других тел, познавая их. Спиноза продолжает учение великого мыслителя Декарта, но в отличие от него, у Спинозы нет противоречия между мышлением и телом. Нидерландский философ верит в монизм – единичную субстанцию.

Спиноза в своем учении подвергает критике «родовые понятия», которые составляют ложные представления о мире; считает ошибочным приписывать природе какие-то цели.

Также Спиноза считал ошибочными представления человечества о свободной человеческой воле. Как считал сам философ, «не душа влияет на тело, а тело на душу имеет влияние».

Воля вообще отрицается Спинозой как особая способность человека. Как точно заметил Внутских А.Ю., - «Б. Спиноза высказал замечательную догадку о том, что человек свободен постольку, поскольку он познает законы природы. Однако созерцательно-фаталистический характер философии Спинозы не позволил ему развить это положение в русле учения о человеческой практике» [Внутских 2007:18].

По мнению Спинозы, воля является отдельными желаниями человека, которые могут быть вызваны по ряду причин. А насчет воли и разума – они представляют собой одно целое. Существует несколько видов познания согласно Спинозе. Чувственное познание философ считает неадекватным или не достоверным. А метод, который основывается на адекватности познания человеческой души, Спиноза считает самым правильным. Разум не исчерпывается рассудочным познанием. Существует также и третий род познания, который является высшим – интуиция.

По мнению Спинозы, интеллектуальная интуиция является высшим проявлением рациональных способностей у людей, которая основывается на высших

способах восприятия. Спиноза считает, что понимание вещей должно быть адекватным, которое является пониманием их как модусов. Модус — необходимое проявление вечной и единой субстанции. Спиноза был убежден, что природе разума свойственно рассматривать вещи не как случайные, но как необходимые [Спиноза. Этика 2006]. Он также ставит проблему о интеллектуальной любви к Богу. Интеллектуальная любовь свободна от страстей и эмоций, это как гармоничное соединение мыслей в одно целое, как интуиция, помогающая различить правильное и ложное.

К. Карлайл также предположила связь между философским обращением Б. Спинозы к свободе человека и исследованием этого вопроса Джордж Элиот. Б. Спиноза был детерминистом, поэтому он считал, что у людей нет свободы воли. Джордж Элиот не совсем детерминистка, но у нее очень интересное мнение по вопросу о свободе человека: «мы свободны и у нас есть свобода воли». Б. Спиноза пытается сказать: «Как мы можем стать свободными? Это не то, что дается нам автоматически. Это то, над чем мы должны работать». «Свобода – осознанная необходимость». Для того чтобы понять эту мысль нужно знать, что такое субстанция как философское понятие. Субстанция - обозначающая основу мира, что для своего существования и не нуждается ни в чем другом. Иными словами, все, что происходит в мире, происходит по необходимости. Спиноза считает, что у человека не может быть свободной воли, все предопределено до его конца. Люди должны понять весь замысел Творца и довериться, постараться выйти за пределы эмпирического «я».

Стоит отметить, что Августин Блаженный писал, что зло и грех вытекают из природы человека, и обусловлены его свободной волей. Спиноза отвергает идею греха и зла, так как они являются жесткой необходимостью, и мы не знаем причину их появления, так как все предопределено Богом.

При чтении романов Джордж Элиот возникает чувство, что ее героиням нередко приходится искать способы стать свободнее, освободиться от своих старых привычек, узкого мышления. Кроме этого, мы можем говорить о предопределенности событий в произведениях этой писательницы. Как бы герои не старались изменить что-то в их жизни, у них не получается. К примеру, Хетти, которая будучи беременна пытается найти Артура Донниторна, который обещал ей помочь в трудную минуту [Элиот 2017 XXXVI-XXXVII]. Череда неожиданных событий приводит героиню к трагедии...

Таким образом, мы обращаем внимание на «Этику» Б. Спинозы за ее эвдемонистические аспекты и то, как они побуждают нас расширять знания и в процессе получения знаний развиваться как личность. Нежелание Спинозы – сознательное или бессознательное – заниматься образовательными темами вызывает недоумение, учитывая, насколько важную роль играют наши знания в этическом плане. Вклад Джордж Элиот в этический жанр очевиден, где романная форма органично включает в себя и философские идеи.

Джордж Элиот считает, что для того, чтобы просвещение происходило, и было эффективным, должно существовать единство между субъектом и стимулом (знаниями, опытом, откровением, идеей, педагогом) [Albrecht 2020: 91].

Но более того субъект должен быть готов получать, обрабатывать или усваивать передаваемые знания; в этом разница между Гвендолен Харлет и Розамонд Винси.

Согласно Джордж Элиот, в дополнении к наслаждению литературной фантазией писателя, цель реализма состоит в том, чтобы воспитать сочувствие у читателей, что согласуется с основным принципом спинозизма. Вслед за Спинозой, Элиот полагает (и в романах это проявляется на уровне концепции центральных героев), что для повышения этической эффективности пребывания в этой жизни, человеку нужно бороться за то, чтобы найти правильное действие, а писателю это воспроизвести, как можно убедительнее, чтобы дать возможность другим действовать аналогичным образом. «Никогда не бейся и не рви свои крылья против неизбежного, а брось всю

силу своей души на достижение чего-то лучшего», – это краткий заголовок, который я никогда не буду менять, однако главу, возможно, придется переписывать. Я использую это правило каждый день и не могу прожить ни дня, не повторяя его про себя», – объясняет Джордж Элиот в письме [Albrecht 2020: 92].

Таким образом, люди должны стремиться к развитию души, и нет более традиционного способа для этого, чем образование. Поскольку Джордж Элиот признает роман своего рода педагогическим пространством, которое влияет на чувства читателей и воспитывает их, он также включает в себя эффект воспитания. Спиноза говорит, что подобно Богу, человек должен быть свободным от страстей, от аффектов. Основной целью является собственный духовный рост, а не материальные аспекты.

Кроме того, жизненной ситуацией самой Джордж Элиот была очень близка тема свободы. Она не была официально замужем за философом и эстетиком Дж.Г. Льюисом, но они жили гражданским браком - в том числе и во время работы над переводом «Этики». Именно Льюис открыл писательский талант в Элиот. Таким образом, она сделала очень смелый шаг в личной жизни и перевела очень смелый философский труд, оспаривающий принятые религиозные представления. То, что она делала в тот момент своей жизни, было очень гармонично, почти как момент перехода от своей старой жизни к новой под псевдонимом Джордж Элиот.

1. Внутских А.Ю. Философия отбора (онтологические, гносеологические, методологические и историко-философские аспекты). Автореферат диссертации на соискание ученой степени доктора философских наук. Пермь, 2007, с. 40.
2. Спиноза Б. Этика // Сочинения: В 2 т. Т.1. – СПб: Наука, 2006. –с.489.
3. Спиноза Б. Богословско-политический трактат // Сочинения: В 2 т. Т.1. – СПб.: Наука, 2006, с. 489.
4. Элиот Дж. “Адам Бид” М., РИПОЛ классик. 2017, с. 640.
5. Albrecht, Thomas. The Ethical Vision of George Eliot: Communion and Difference. Routledge, 2020, p. 220.
6. Eliot G. Adam Bede. Ed. Reynolds, Margaret. Penguin, 2008, p. 342.
7. Levine, G. “Intelligence as Deception: The Mill on the Floss.” George Eliot: Collection of Critical Essays. Ed. George R. Creeger, Prentice-Hall, 1970, p.182.
8. Miller, J. H. The Disappearance of God: Five Nineteenth-Century Writers. University of Illinois Press, 2000, p. 400.

РАЗДЕЛ XXXI. ФИНАНСЫ И КРЕДИТ**Богославцева Л.В., Султуханов А.И.****Особенности стабилизации и укрепления доходов регионального бюджета в условиях экономической неопределенности***Ростовский государственный экономический университет (РИНХ)
(Россия, Ростов-на-Дону)**doi: 10.18411/lj-05-2021-293***Аннотация**

В статье рассмотрены вопросы формирования доходов областного бюджета Ростовской области на среднесрочный период. Сделан вывод о приоритете налоговой составляющей, которая базируется на федеральном и региональном законодательстве. Обоснован рост безвозмездных поступлений в областной бюджет из федерального бюджета в условиях экономической неопределенности. Определены возможности укрепления собственных доходов областного бюджета к 2023 году.

Ключевые слова: налоговые и неналоговые доходы, безвозмездные поступления, экономическая неопределенность

Abstract

The article deals with the formation of incomes of the regional budget of the Rostov region for the medium term. The conclusion is made about the priority of the tax component, which is based on federal and regional legislation. The growth of gratuitous receipts to the regional budget from the federal budget in conditions of economic uncertainty has been substantiated. Opportunities to strengthen the regional budget's own revenues by 2023 have been identified.

Key words: tax and non-tax revenues, gratuitous receipts, economic uncertainty

Основные направления укрепления доходов областного бюджета Ростовской области на среднесрочный период 2021-2023 годов разработаны и реализуются в соответствии с прогнозом социально-экономического развития Ростовской области, основными направлениями бюджетной и налоговой политики региона, с национальными целями развития, обозначенными указами Президента Российской Федерации, а также ключевыми задачами, поставленными Губернатором Ростовской области.

Как известно на составление проекта областного бюджета 2021-2023 годов повлияло снижение экономических показателей в условиях эпидемиологической обстановки и продолжающейся борьбы с пандемией, что потребовало принятия новых мер для обеспечения сбалансированности бюджета. Сбалансированность является обязательным условием формирования и исполнения бюджета, что закреплено в Бюджетном кодексе Российской Федерации и раскрывается в экономических исследованиях.[1],[2] В тоже время, проводимые правительством мероприятия по нивелированию экономических последствий от распространения новой коронавирусной инфекции позволили при осуществлении расчетов основных показателей областного бюджета прогнозировать уже на 2022-2023 годы поэтапный рост его собственных доходов. [3]

При формировании параметров регионального бюджета по доходам учтены мероприятия Плана по росту доходного потенциала Ростовской области. Принятые меры поддержки организаций и индивидуальных предпринимателей в условиях

ухудшения ситуации в связи с распространением коронавирусной инфекции в 2020 году также окажут влияние на бюджет 2021 года. [4]

Таким образом, целью исследования явилось раскрытие содержания бюджетной политики Ростовской области по укреплению доходов областного бюджета и выявление тенденций изменения доходов в условиях пандемии.

Интересно отметить, что в последние годы Краснодарский край по объему доходов занимал 4 место, а Ростовская область только 12 при фактически равных природных, экономических и социальных условиях, что свидетельствует о необходимости поиска резервов укрепления доходов областного бюджета.

Основу доходов бюджета региона составляют собственные налоговые и неналоговые доходы, планирование которых осуществляется в условиях реализуемого Правительством Ростовской области комплекса мер по стабилизации экономического развития региона и созданию условий для развития человеческого капитала.

Прогноз налоговых и неналоговых поступлений на 2021 год и плановый период 2022 и 2023 годов формировался с учетом [5]:

- показателей прогноза социально-экономического развития Ростовской области на 2021-2023 годы;
- информации органов государственной статистики о социально-экономическом положении Ростовской области в текущем году;
- информации о выпадающих доходах в связи с принятыми в текущем году мерами поддержки организаций и индивидуальных предпринимателей в условиях распространения коронавирусной инфекции;
- фактически сложившейся динамики поступлений по текущему году.

При прогнозировании объема доходов областного бюджета также учтены изменения бюджетного и налогового законодательства Российской Федерации, как действующие, так и вступающие в силу с 1 января 2021 года:

- продолжение централизации в федеральном бюджете доходов от 1 процента ставки налога на прибыль организаций на 2021-2024 годы;
- рост ставок акцизов на алкогольную продукцию с 2021 года (в среднем на 3,7 процента);
- увеличение нормативов зачисления доходов от уплаты акцизов на нефтепродукты в региональный бюджет в 2021 году до 74,9 процента, в 2022 году до 83,3 процента, в 2023 году до 91,6 процента (при действующем в 2020 году - 66,6 процента) и ростом ставок акцизов на нефтепродукты (в среднем на 4,3 процента);
- изменение с 31.07.2020 года механизма распределения акцизов на средние дистилляты, что позволит решить проблему «отрицательных» поступлений;
- поэтапная отмена пониженных ставок по налогу на имущество организаций в отношении железнодорожных путей общего пользования в 2021 году - 2,2 процента при действующей ставке в 2020 году - 1,6 процента;
- изменение порядка зачисления штрафов, установленных Кодексом об административных правонарушениях Российской Федерации за нарушения правил движения тяжеловесного и (или) крупногабаритного транспортного средства, выявленные при осуществлении весового и габаритного контроля на автомобильных дорогах общего пользования регионального, межмуниципального или местного значения, которым предусматривается их зачисление до 1 января 2024 года в бюджеты субъектов Российской Федерации по нормативу 100 процентов.

В условиях изменения федерального законодательства рассматривается возможность сохранения до 2024 года «налоговых каникул» для впервые зарегистрированных индивидуальных предпринимателей, применяющих упрощенную или патентную системы налогообложения и осуществляющих предпринимательскую деятельность в производственной, социальной, научной сферах и сфере бытовых услуг населению.

Что касается безвозмездных поступлений, то их объем из федерального бюджета значительно увеличен: на 2021 год - более 51 млн. рублей, на 2022 год более 40 млн. рублей. Однако, прогнозируется к 2023 году рост экономических показателей и, следовательно, снижение финансовой помощи до 7 млн. рублей.

Интересно отметить, что основной удельный вес в безвозмездных поступлениях 2021-2022 годов составляют целевые трансферы, а дотации на выравнивание бюджетной обеспеченности составляют всего около 3 %. В 2023 году распределение целевых трансфертов к моменту формирования областного бюджета к 1 чтению отсутствовало, что свидетельствует о разработке мероприятий по укреплению собственной доходной базы регионов.

Увеличение целевых трансфертов, прежде всего субсидий, в нашем регионе обусловлены реализацией полномочий Российской Федерации в целях оказания поддержки семьям при рождении первого ребенка, детям, оставшимся без попечения родителей, на социальные выплаты безработным гражданам, увеличение площади восстановления лесов.

На условиях софинансирования особое внимание будет уделено обеспечению горячего питания детей в начальной школе, выплатам за классное руководство, социальным выплатам малоимущим семьям с детьми от 3 до 7 лет, а также поддержке отрасли культура и обеспечению развития сельских территорий.

В целях укрепления доходного потенциала бюджета продолжится взаимодействие органов власти Ростовской области с федеральными органами власти, прежде всего с УФНС по Ростовской области [6] и УФК по Ростовской области [7], в решении задач по дополнительной мобилизации доходов за счет использования имеющихся резервов.

1. Богославцева Л.В., Богданова О.Ю., Карепина О.И. Перспективы применения методов сбалансированности бюджетов субъектов Российской Федерации // Финансовые исследования. 2019. № 2 (63). С. 67-75.
2. Development of methods ensuring balanced budgets in the medium term / L. V. Bogoslavtseva, O. Y. Bogdanova, O. I. Karepina, O. S. Dzhu // International Journal of Economics and Business Administration. – 2019. – Vol. 7. – No S1. – P. 467-476. – DOI 10.35808/ijeba/292.
3. Богославцева Л. В., Богданова О. Ю. Новации конструкции областного бюджета как условие финансовой устойчивости региона в период борьбы с пандемией / // Сборник материалов Всероссийской научно-практической конференции с международным участием, Чебоксары, 27 ноября 2020 года : ООО «Издательский дом «Среда», 2020. – С. 169-174. – DOI 10.31483/r-96712.
4. Региональная практика управления налоговыми доходами / С. Н. Рукина, К. А. Герасимова, А. С. Такмазян, К. Н. Самойлова // Вестник университета. – 2020. – № 6. – С. 109-116. – DOI 10.26425/1816-4277-2020-6-109-116.
5. <https://www.donland.ru/> - Официальный портал Правительства Ростовской области
6. Богданова, О. Ю. Развитие налогового контроля в Российской Федерации / О. Ю. Богданова, Л. В. Богославцева, О. И. Карепина // Научное окружение современного человека: экономика, менеджмент, образование, психология, юриспруденция, политология : Серия монографий. – Одесса : Институт морехозяйства и предпринимательства, 2019. – С. 9-33. – DOI 10.30888/2663-5569.2019-02-02-010.
7. Romanova, T. F. Development of treasury technologies: Russian and foreign experience / T. F. Romanova, L. V. Bogoslavtseva, V. V. Terentjeva // Contemporary Issues in Business and Financial Management in Eastern Europe / EDITED BY Simon Grima University of Malta, Malta; Eleftherios Thalassinou ERSJ, Greece. – United Kingdom – North America – Japan India – Malaysia – China : Emerald Publishing Limited, 2018. – P. 71-81. – DOI 10.1108/S1569-375920180000100009.

Научный журнал

ТЕНДЕНЦИИ РАЗВИТИЯ НАУКИ И ОБРАЗОВАНИЯ
№73, 05.2021

Май 2021 г.
Часть 7

Подписано в печать .23.05.2021 Тираж 400 экз.
Формат.60x84 1/16. Объем уч.-изд. л.5,52
Бумага офсетная. Печать оперативная.
Отпечатано в типографии НИЦ «Л-Журнал»
Главный редактор: Иванов Владислав Вячеславович